

Институт языкознания РАН
Православный свято-тихоновский гуманитарный университет

А. В. Вдовиченко

КАЗУС «ЯЗЫКА» СЕПТУАГИНТЫ И НОВОГО ЗАВЕТА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД
«ЗА» И «ПРОТИВ» АВТОРОВ

Москва
Издательство ПСТГУ
2016

УДК
ББК
В

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом ПСТГУ

Рецензенты:

главный научный сотрудник сектора африканских языков ИЯз РАН,
профессор кафедры иудаики ИСАА, д-р филол. наук *В. Я. Порхомовский*;
зав. кафедрой иудаики ИСАА, профессор, д-р ист. наук *А. Б. Ковельман*

Вдовиченко А. В.

В **Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета: Лингвистический метод «за» и «против» авторов / А. В. Вдовиченко. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. — ...с.**

ISBN 978-5-7429-1050-3

В монографии рассматриваются история и современное состояние воззрений на лингвистический статус грекоязычных библейских текстов. Причины противоречий в концептуализации «языка» этих памятников обнаруживаются в лингвистическом методе, лежащем в основании исследовательских процедур. Изменение методологии описания вербальных данных, выраженное в отказе от структурно-грамматической концепции в пользу коммуникативной концепции вербального действия, позволяет дать иное объяснение деятельности иудейских (иудеохристианских) писателей и переводчиков. Использование семитизированных вербальных клише интерпретируется в связи с традиционной для грекоговорящей диаспоры практикой создания и воспроизведения пророческих текстов.

УДК
ББК

ISBN 978-5-7429-1050-3

© Вдовиченко А. В., 2016
© Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2016

От автора

Появлению этой монографии* предшествовал ряд событий и общений, так или иначе повлиявших на ее итоговое содержание и форму. Ни в коем случае не имея в виду связать с кем бы то ни было возможные несовершенства и неудачи книги, я однозначно связываю ее позитивные стороны (в надежде, что они есть) со многими людьми, которые были вовлечены в обмен мнениями по неизбежно поднимаемым вопросам. За всё, обернувшееся в конце концов помощью и поддержкой, прежде всего за разнонаправленные точки зрения и оценки, я благодарю уважаемых коллег, среди которых теоретики языка, гебраисты, филологи-классики и библеисты: рецензентов книги профессора В. Я. Порхомовского и профессора А. Б. Ковельмана; рецензентов прежних моих работ, связанных прямо или косвенно с настоящей книгой, профессоров Г. Т. Хухуни, Е. М. Верещагина, Н. П. Гринцера, Ю. Н. Варзониной, А. С. Десницкого, М. Н. Славятинскую, В. Г. Лысенко; коллег и друзей по Институту языкознания РАН Н. Д. Арутюнову, В. З. Демьянкова, Н. В. Уфимцеву, К. Г. Красухина, В. И. Постовалову, Т. Е. Янко, М. Л. Ковшову, В. В. Фещенко, А. Л. Полян, С. Ю. Бочавер, а также особо Н. М. Азарову; коллег и друзей по Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному университету, которые наиболее подробно знакомы с моими попытками представить точку зрения, изложенную, наконец, в относительно целостном виде: Ф. Б. Альбрехта, М. А. Скобелева, А. С. Небольсина. Очень ценные для меня мнения и замечания высказывали в разное время Ю. А. Шичалин, А. А. Алексеев, о. Леонид Грилихес, И. С. Вевюрко, М. Г. Селезнев, С. А. Степанцов, В. Е. Витковский, а также безвременно ушедшие профессор Р. М. Капланов и академик РАН Ю. С. Степанов. Из зарубежных коллег я приношу глубокую благодарность профессорам С. Брайтенбаху (Германия), Ж. Леферту (Франция), Э. Талстре и Г. Тойле (Нидерланды). Бесценную помощь и поддержку на всех стадиях работы оказала мне моя жена К. А. Александрова.¹

А. В. Вдовиченко

* Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда, грант № 14-28-00130.

Оглавление

От автора	3
Оглавление	4
Первое введение	12
Второе введение	15
Третье введение.....	17
ГЛАВА 1. Лингвистический статус текстов LXX и НЗ в структурно-грамматической (предметной) парадигме.....	25
1.1. Определение статуса библейского текста: основные подходы.....	25
Древнегреческий язык в основании описательной модели	25
Сомнения в дефиниции «древнегреческий язык». Койнэ	26
Множественность понимания языка койнэ	28
Язык текстов НЗ как нелитературное койнэ.....	30
Вариативность койнэ	33
Аттицизм и «разумный эклектизм» в лингвистических исследованиях НЗ.....	34
Взаимоисключающие «языки»	36
Объяснение семитизмов в греческом тексте: «малограмотные авторы (переводчики)»	37
1.2. Концептуальные характеристики вариантов структурно-языкового подхода	38
Ненормализованные литературные памятники	38
Причины нарушений «языка»: три направления.....	41
Портер: поиск конкретного «языка»	42
«Разговорный язык в литературных текстах».....	43
«Единый неоднородный язык, одновременно престижный и просторечный»	44
«Некоторые поэты и писатели пишут на другом языке»	45
«Общий язык в нелитературном употреблении негреков».....	45
«Особенности текста НЗ не являются особенностями»	46
«Особенности — это неудачные попытки следовать греческим стандартам».....	48
«Особый неправильный язык только в НЗ».....	49
«Негреческий — parole, a langue — греческий»	50
Итог: концептуальный хаос	51
Концептуальные константы проблемы.....	52
«Аттицисты» и «гебраисты»	53

ОГЛАВЛЕНИЕ

Последний возможный результат структурно-языковой модели: «малограмотные авторы».....	53
Исследовательская программа «аттицистов».....	55
Некогерентность схемы: малограмотный текст в традиционной среде	57
Некогерентность схемы: множество малограмотных авторов	58
Некогерентность схемы: добровольное литературное варварство автора Евангелия от Луки	58
Исследовательская программа «гебраистов»	59
Некогерентность схемы: те же вопросы	60
Некогерентность схемы: тексты написаны на несуществующем языке	60
Некогерентность схемы: множественность источников семитизмов	61
Некогерентность схемы: первоисточники не для всех текстов	62
Некогерентность схемы: неконтролируемая интерференция в письменном тексте	63
Некогерентность схемы: осознанная порча текста	65
Некогерентность схемы: Иосиф и Лукиан смогли, а новозаветные авторы не смогли.....	66
Некогерентность схемы: неопосредованные письменные тексты вне какой-либо традиции и аудитории	67
ГЛАВА 2. Теория билингвизма в описании библейского текста как следствие применения структурно-языковой модели	69
2.1. Концепция билингвизма в теории библейского стиля М. Сильвы	69
Спор Тумба и Вергота: что такое «язык иудеев, говоривших по-гречески»?	70
Дайссманн и его критики.....	70
Позиция Дайссманна: «общепринятый греческий язык с восточными родовыми пятнами».....	71
Мултон: «общепринятый греческий язык под действием факторов образования авторов, их намерений и степени зависимости от иноязычных оригиналов»	72
Направления критики взглядов Дайссманна	73
Ключ к примирению точек зрения: билингвизм и дихотомия «язык—речь»	74
Теория билингвизма в проекции на новозаветный материал	75
Язык и речь: языковая система и индивидуальные употребления	77

Спор Тумба и Вергота: «первый говорил о языке, второй о речи»	77
Александрийский билингвизм: «отсутствие стабильного языкового строя»	78
Палестинский билингвизм: «отсутствие особого языкового строя»	79
«Библейский стиль — это <i>parole</i> »	80
«Основание библейского стиля — семитский способ мышления»	80
«Единый язык, различные стили»	81
«Разделение языка и речи»: игнорирование коммуникативной реальности	82
«Восточные родовые пятна» («стиль») не могут свидетельствовать о генетической чистоте «греческого тела» («язык»)	83
«Новозаветные авторы, делая ошибки, все равно говорили на греческом языке»	84
Игнорирование условности понятия «язык»: онтологизация «переходника»	86
«Не двуязычие, а двуречие»: спасти «язык», жертвуя авторами	90
«Библейский стиль создан индивидуальными ошибками восточных авторов»	91
Проблема текстов LXX и НЗ остается неразрешенной: семитизмы («ошибки в греческом») не преодолены	92
Проблема текстов LXX и НЗ остается неразрешенной: исследователи «языка» не доверяют «информантам»	93
Главное возражение: вербальные клише нормализуются в сознании участников коммуникации	94
2.2. Концепция билингвизма в теории греческой аутентичности Дж. Хорсли	95
«Отступления от греческой языковой нормы, возникающие в речи билингв»	95
<i>Entia multiplicanda</i> в условиях сопротивления материала методологическим инструментам	96
«Не отдельный язык», поскольку нет географической локализации: памфилийский диалект	97
«Не отдельный язык», поскольку нет географической локализации: нубийский диалект	98
<i>Entia multiplicanda</i> в условиях сопротивления материала методологическим инструментам (продолжение)	98
«Широкое видение проблемы: общий греческий язык»	99
Палестинский билингвизм: «локализация территории языковой ненормативности»	100

Попытки теоретического устранения (девальвации) семитизмов	101
Неустранимость семитизмов	103
«Поразительное отсутствие семитизмов у арамеоязычного Иосифа Флавия»	105
«Поразительное обилие семитизмов у автора Откровения»	106
Вывод Хорсли: «современная теория языка не позволяет констатировать отдельный правильный язык в текстах НЗ»	106
Некогерентность схемы: странные черты коммуникативной деятельности новозаветных авторов	108
Отношения «автор — читатель — вторичный интерпретатор»	109
Сторонники «иудейского греческого»: исполнение императивов «языка»	110
Противники «иудейского греческого»: исполнение императивов «языка»	111
Проблемные пункты Хорсли: есть особенности языка или нет?	112
Взаимоисключающие положения: концептуальный хаос	114
ГЛАВА 3. Переосмысление основных элементов описания библейских текстов в коммуникативной (дискурсивной) парадигме	118
3.1. Вопросы методологии	118
Лингвистический метод как причина некогерентности: от LXX к НЗ	118
Лингвистический метод как причина некогерентности: язык койнэ	120
Лингвистический метод как причина некогерентности: поиски «языка» («языков»)	121
Как формулировать суждения о вербальном факте?	122
Необходимость новой модели описания	123
Коммуникативная (дискурсивная) модель описания	124
3.2. Свойства лингвистического материала	124
Мыслимые условия совершения коммуникативного действия	124
Библейские писатели/переводчики осознавали условия совершения собственных коммуникативных действий	127
Естественный вербальный материал — действие в коммуникативном пространстве	128
Актуальность естественного вербального материала на любом уровне анализа	129
Коммуникативная направленность естественного вербального процесса	130
«Магическое слово»	131

Объект интерпретации — коммуникативное действие, а не слово	131
Аутентичные признаки любого вербального материала	133
«Язык» игнорирует аутентичные свойства вербального материала	134
Осознанная прагматика коммуникативного действия	134
Когнитивная природа вербального действия означает свободу в том числе от «языка»	136
Шахматная аналогия	137
Вербальный процесс (действие) имеет косвенное отношение к мысли (недействию)	138
Невозможность «языкового сознания»	139
3.3. Дискурс, или Осознанная коммуникативная ситуация	140
Коммуникант и осознанное действие	140
Элементы коммуникативной ситуации	141
Проблема субъективного и общего	145
3.4. Дискурсивный синтаксис, деклическая синтагма	146
Вербальный текст как предикат мыслимой коммуникативной ситуации	146
Деклическая синтагма	147
3.5. Типология деклических синтагм	148
Коммуниканты «говорят» не словами, а деклическими синтагмами	148
«Язык» неэффективен для моделирования естественного вербального процесса	149
Типология коммуникации и вербальных клише. Деклические синтагмы	150
Грамматика — мнемотехническая схема на основе коммуникативной типологии	151
Понимание текста — интерпретация последовательных коммуникативных действий	152
Означивание вербальных элементов коммуникативных действий	152
Невербальное тождество значений	153
3.6. Предикация	154
Актуальный текст — предикат мыслимой коммуникативной ситуации	154
Подлежащее и сказуемое зависимы от сознания	154
Аристотелевский субъект — объект, созданный говорящим	155
3.7. Лексема	155

Приоритет коммуникативного синтаксиса	155
Лексема как производная коммуникативного синтаксиса	156
3.8. Звук, фонема, морфема	157
3.9. Коммуникативная парадигма vs предметная парадигма в лингвистическом описании библейского текста	158
Уровень фонем и графем	158
Уровень морфем	159
Уровень лексем	159
Уровень словосочетаний	160
Уровень предложений	160
Уровень текста	160
Уровень коммуникативной ситуации	163
3.10. Лингвистические практики: теоретизирование, перевод, этимология	165
ГЛАВА 4. Корпус LXX и НЗ в дискурсивной (коммуникативной) модели описания	167
4.1. Грекоговорящая диаспора как аутентичное коммуникативное пространство и главный лингвистический фактор интерпретации	167
Грекоговорящая диаспора и «люди с Востока»	167
Коммуникативный вакуум лингвистических исследований	168
Диаспоральная лингвокультурная среда как угроза структурно-грамматической интерпретации	169
Конфликт историко-культурно-религиозной и лингвистической интерпретаций	170
Направление корректировки лингвистической интерпретации	171
4.2. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: нормализованный vs ненормализованный «язык»	172
Источник нормализации в когнитивном состоянии аутентичных коммуникантов	172
Коммуникативные максимы Грайса: полнота информации	173
Коммуникативные максимы Грайса: качество и релевантность информации	175
Коммуникативные максимы Грайса: манера. Принцип вежливости Лича	177
4.3. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: литературный vs нелитературный «язык»	180
Вопрос о литературной традиции	180
Писание в диаспоральной среде	181
Не вполне понимаемый «язык» Писания в Палестине и диаспоре	181

Священное Писание в диаспоральных лингвистических практиках.....	183
Литература иудейского профетизма.....	183
Недостаточные критерии атрибуции диаспоральной литературы ...	185
Коммуникативные критерии атрибуции диаспоральной литературы.....	187
Критерий внутреннего отношения.....	187
Критерий адресата	187
Критерий коммуникативных стратегий и тактик.....	189
Неоднородность диаспоральной письменности.	
Профетическая традиция	190
Апологетическая традиция: Филон Александрийский	191
Апологетическая традиция: Иосиф Флавий	192
Профетическое и апологетическое направления в христианской письменности	193
4.4. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: особенный vs всеобщий «язык»	194
Семитизмы на фоне «общего языка» можно признать только «ошибками»	194
Условность «языка»	197
Исследовательская программа структурно-грамматической парадигмы.....	198
Концепция «вульгарного билингвизма».....	199
Свобода «античного читателя» от порабощения «языком».....	200
4.5. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: полностью греческий vs не вполне греческий «язык».....	200
Теория в поисках территории билингвизма. Палестина	200
Диаспоральное происхождение грекоязычных надгробных надписей в Палестине	202
Затруднения структурно-грамматической трактовки в попытках локализации «языков»	204
Коммуникативный вакуум — идеальная среда для теории билингвизма	206
Палестинская языковая среда и «не вполне греческий» текст НЗ.....	207
Панэллинизация Палестины и маргинализация авторов НЗ	208
Палестина была все же арамеоговорящей.....	209
Из структурно-грамматического вакуума в естественную коммуникативную среду	210
4.6. Создание текста НЗ как лингвистическая практика в аутентичном дискурсе.....	212

Условия диаспоральных лингвистических практик	212
Фактор «родственных сходств» в грамматикализации данных.	
Вариативность вербальных клише	212
Психологическая составляющая вариативности против структурно-грамматической строгости	214
Единство и вариативность вербальных данных LXX.....	215
Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: священный текст.....	226
Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: Филон и другие источники	226
Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: позднее свидетельство Новеллы Юстиниана	228
Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: понимание текста.....	230
Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: таргумы.....	231
Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: сходства и различия с переводом Аквилы.....	232
Единство и вариативность новозаветного вербального материала... 235	
Негреческие конструкции: ΕΥΘΥΣ у Марка	243
Вербальные клише нормализуются участниками коммуникативной практики.....	244
Вербальный факт таков, каким он мыслится в комплексной аутентичной коммуникации	245
4.7. «Иудейский греческий» и современная практика создания церковнославянских литургических текстов.....	248
Иллюстративная аналогия: церковнославянские вербальные клише в современной русскоязычной ситуации.....	248
Новозаветный писатель и современный автор церковнославянского текста: черты сходства.....	249
Заключение	253
Библиография.....	265
Summary	276
Именной указатель	278
Предметный указатель.....	281

ПЕРВОЕ ВВЕДЕНИЕ

Казус «языка», вынесенный мною в название книги, возникает не вследствие причудливой реальности, некогда скрывавшейся в эллинистическом мире, а *вследствие самой процедуры интерпретации*, в которой современные исследователи вольно или невольно используют неадекватные (устаревшие, непригодные, дезориентирующие и пр.) теоретические инструменты. Прежде всего, сам «язык» оказывается понятием, не вполне эффективным для моделирования естественной коммуникации (в том числе септуагинтальной и новозаветной). Именно поэтому данное слово в большинстве случаев заключено по тексту исследования в кавычки, предупреждающие о нетвердой почве, о сомнительном объекте, об утрате термином мыслимого внутреннего тождества. Там же, где кавычки отсутствуют, «язык» следует понимать как синоним «естественного коммуникативного процесса с использованием вербального канала», или «вербальную коммуникативную практику, на которую еще не спроецирована описательная схема».

Иудейские лингвистические практики, в том числе написание и чтение текстов Септуагинты и Нового Завета (далее, соответственно, LXX и НЗ), с которыми так или иначе имеет дело исследователь и которые стали причиной появления дальнейших вопросов и ответов, целиком и полностью вписывались в лингвокультурный фон, адекватно представляли его, были его органичной частью, отвечали некогда принятым критериям разумности и уместности. Ни авторы текстов, ни иные непосредственные участники лингвокультурной ситуации не нуждались в грамматиках, словарях, определениях того, какой он, их «язык», тем более в его оправдании. Однако чем значительнее дистанция на временной оси, тем настойчивее представитель изменившегося или просто иного лингвокультурного пространства нуждается в адаптации необычных для себя коммуникативных действий (в состав которых входят вербальные клише) к всецело знакомым и понятным, современным для себя и доступным здесь и сейчас. В ответ на потребность в описании отдалившейся реальности возникает

реальность, опосредованная вторичным интерпретатором (исследователем), использующим для ее создания все возможные способы, — то есть по сути, «переходники», отвечающие всей мощи (или немощи) доступного научного аппарата.

Грамматика вкупе со словарем какого-либо «языка» представляют собой один из таких «переходников», с помощью которого для данного лингвокультурного сообщества выстраиваются корреляции между незнакомыми (древними, иноязычными) вербальными действиями и привычными, современными, непосредственно понятными. В ходе лингвистической работы, опирающейся на грамматические и словарные данные «языка», в настоящий момент создана странная и противоречивая, но при этом точная и строго научная картина, доминирующая в новозаветных и септуагинтальных исследованиях:

авторы (переводчики) корпуса LXX и НЗ в большинстве своем не знали (или плохо знали) «язык», на котором они создавали свои сочинения. Их тексты написаны как народные, внеграмматичные, малолитературные или нелитературные, разговорные, просторечные, ненормированные, избыточные явлениями языковой интерференции (семитизированные), не вполне греческие, грубоватые, необработанные и пр. «Язык», которым должны были воспользоваться авторы (переводчики), гораздо лучше известен современным исследователям, которым к тому же ясна и причина появления такого «языка» в иудейских и иудеохристианских текстах: авторы были малообразованными «людьми с Востока», обратившимися на своем варварском наречии («испорченном языке») к «греческому читателю».

Причина появления столь странной «строго научной» картины обнаруживается в несколько устаревшей методологии, которая используется большинством причастных к описанию филологов-библеистов, а именно в том, что «переходнику» (вспомогательному «языку», сконструированному как грамматическая мнемотехническая схема) придается слишком большое, избыточно онтологическое значение. Вернуться в искомые границы разумности и уместности позволяет более реалистичный взгляд на естественный вербальный процесс, состоящий в деонтологизации «переходника». В результате рассматриваемые тексты и деятельность их авторов приобретают иной статус, гораздо более отвечающий параметрам подлинной лингвокультурной реальности:

авторы (переводчики) корпуса LXX и НЗ *mutatis mutandis* пребывали в том же или похожем положении, что и современный «русско-

язычный» автор, создающий церковнославянский текст для литургического применения (например, тропари новомученикам в РПЦ). Использование «семитизированных» вербальных клише (негреческих коммуникативных моделей) новозаветными авторами обусловлено традиционной практикой создания пророческих текстов, принятой в грекоязычной иудейской диаспоре. Для участников традиции «не-вполне-греческий» священный текст LXX исполнял роль образца при создании текстов такого рода (подобно Славянской Библии при создании современных тропарей для литургии в русскоязычном лингвокультурном пространстве). Наиболее адекватная оценка «языка» этих источников возможна только при условии использования коммуникативных (узуальных, не-структурно-грамматических) критериев, которые обязывают признавать приоритет разумной деятельности автора, производимой в осознанном коммуникативном пространстве, над вторичными структурно-грамматическими способами ее описания. Независимо от «знания греческого языка» иудейские и иудеохристианские авторы создавали уместные для диаспоры тексты в адекватных формах: с точки зрения грекоговорящего иудея или христианина первых веков (то есть с точки зрения «информантов» — участников лингвокультурной ситуации), тексты LXX и НЗ были литературными, традиционными, архаизирующими, изъятыми из стихии разговорной практики и языческой литературной традиции. С многочисленными оговорками и допущениями можно сказать, что похожее отношение к церковнославянскому тексту Писания и другим литургическим текстам имеет современный русскоязычный прихожанин РПЦ.

На фоне заметного несовпадения между прежней и предлагаемой концепциями «языка» библейских текстов интерес к настоящему рассуждению может возникнуть не только у тех, кто занят библейско-филологическими и общелингвистическими вопросами, но также у тех, кто так или иначе обеспокоен проблемами методологии науки. Несмотря на то что доминирующая концепция («просторечный неправильный язык, малообразованные авторы и пр.») на протяжении длительного времени сохраняет жизнеспособность и убедительность, предъявляемое к ней требование соответствовать критериям разумности и уместности остается нерушимым. Возможность исполнения этого требования лежит в поле методологии. Необходимо, как мне кажется, всего лишь скорректировать оптику лингвистического

исследования, признав вполне очевидное и несомненное — а именно, что коммуникативную деятельность библейских писателей и переводчиков нельзя интерпретировать механистично, как работу некоего внедренного в их сознание автономного устройства «язык»; что любые коммуникативные действия такого формата были глубоко рефлексивны, производились в осознанном авторами коммуникативном пространстве.

ВТОРОЕ ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как *коммуникативный подход* к анализу и описанию естественного вербального процесса приобрел некоторую независимость, стал ощутимым как методологический принцип или по крайней мере наметился в различных формах, задача интерпретации любых вербальных фактов ставит исследователя перед выбором творческого метода: довериться очевидно существующему узусу (от которого уже не так далеко до многофакторного естественного процесса вербальной коммуникации) или же подчиниться очевидно не существующему, сконструированному на основе узуса, античному и одновременно соссюрловскому «языку». Поэтому любое лингвистическое суждение, выносимое современным исследователем, чревато внутренним конфликтом, суть которого состоит в необходимости осознанно выбрать одну определенную точку методологического отсчета.

Очевидно, что в формировании доминирующей на сегодняшний день тенденции рассматривать грекоязычный библейский текст как семитизированный и ненормализованный главную роль сыграла «языковая», антично-соссюрловская точка отсчета (она же структурно-грамматическая парадигма описания и анализа, или предметный теоретический подход). Неспособность этой методологической схемы построить непротиворечивую модель лингвистической ситуации, в которой тексты LXX и НЗ создавались и функционировали, объясняется тем, что материал, обладающий очевидными аутентичными свойствами, превосходит возможности принятого способа концептуализации и соответствующего ему инструментария.

Базовые позиции *структурно-грамматического* подхода, выступающие в библейских лингвистических исследованиях как априорные данности, можно обобщить как мыслимые во взаимосвязи нижеука-

занных позиций: 1) предметность («телесность») понимания феноменов вербальной коммуникации, 2) логический и количественный принцип анализа ее феноменов, 3) системность предметного элемента вербальной коммуникации. Так, в существующих рассуждениях о лингвистической природе LXX и текстов «новозаветного койнэ» данные позиции, интегрированные в существующую описательную схему, в обобщенном виде проявляют себя следующим образом. Предметность понимания материала следует из первой очевидности: естественный коммуникативный процесс представляется интерпретатору в виде написанных и/или произносимых «слов», составляющих тексты. Из очевидного и несомненного объекта следует естественная ориентированность процедуры описания на вербальную составляющую текста (предметный элемент). Здесь логико-количественный принцип требует искать и находить именно в словах, их частях и их комбинациях кванты естественного вербального процесса (или молады элементарного смысла, единицы измерения общей словесной суммы). Поскольку, согласно требованиям этой описательной модели, в самой вербальной предметности содержится смысл, воспринимаемый всеми говорящими (пишущими) в данном сообществе, данный констатируемый набор единиц не может не представляться исследователю упорядоченной системой, правильно работающим механизмом смысловыражения, сосюровским «языком».

Между тем для сторонника коммуникативной модели реальный процесс порождения и восприятия вербальных действий (в том числе в письменных текстах) однозначно указывает на необходимость выйти за пределы вербальной «телесности», вербальной системности и существующего «точного» метода описания вербальных фактов, построенного на античном принципе «знак—значение». В естественной коммуникации слова никогда не произносятся (не пишутся) вне мыслимых ситуаций их употребления (коммуникативных синтагм). Вербальные элементы неразрывно связаны с мыслимыми обстоятельствами их произнесения (написания) и не могут быть интерпретированы вне индивидуально мыслимых условий говорения (написания). Более того, в естественной ситуации говорения (письма) «говорятся» и понимаются не слова, а личные комплексные коммуникативные действия. Вербальные элементы не обладают тождеством вне мыслимой ситуации коммуникативного действия, не могут иметь собственных значений и смыслов вне говорящего, который

является единственным обладателем мысли и единственным источником смыслообразования. Поскольку тексты не пишут сами себя, а также их не пишет «язык», интерпретация любого актуального высказывания представляет собой восхождение к индивидуальным когнитивным процессам автора высказывания, совершившего данное коммуникативное действие, или предпринимаемую интерпретатором попытку отождествить себя с автором, действующим посредством высказывания, на основании всех имеющихся у интерпретатора когнитивных возможностей и способностей. Единицы безличного «языка», нетождественные и бессмысленные вне говорящего (то есть традиционный материал античной и сосюрианской лингвистики), дают недостаточно твердую почву для адекватного моделирования реального процесса устной или письменной вербальной коммуникации.

Применение коммуникативной (дискурсивной) модели к грекоязычным библейским текстам позволяет снять очевидные неточности, странности и противоречия в описании их статуса, возникающие при использовании прежнего, структурно-грамматического, метода.

ТРЕТЬЕ ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемом обновлении лингвистического статуса LXX и НЗ участвуют две большие области знания, образующие локальный интердисциплинарный стык: *теоретическая лингвистика* (общее языкознание) и собственно *библейская (новозаветная и септуагинтальная) филология*. Для понимания механизмов обновления в каждой из этих областей необходимо видеть «горячие точки» (точки неустойчивости теории, дискуссионные территории), в которых реальность особенно активно и заметно обнаруживает себя, вступая в противостояние с заслоняющей ее теоретической моделью (доминирующей схемой), требуя для себя новой, более адекватной, модели.

В области *общего языкознания* симптомом «горячей точки» можно считать ясно различимый теоретический диссонанс между античной парадигмой (философией) языка, воплощенной в структурно-грамматических методах исследования, и формирующейся коммуникативной (когнитивной, функциональной, дискурсивной) парадигмой. Их сущностное различие, приводящее к неизбежному столкновению и конкуренции, сказывается в способе теоретизирова-

ния вещественного (предметного, «телесного») элемента языка, взятого на различных уровнях анализа, то есть слов, звуков, составленных из них предложений, текстов и т. п.

Античный *структурно-грамматический* подход к вербальным фактам основан на априорном признании объективности вещественного элемента языка, его автономности и самоидентичности, следствием чего является соблюдение в исследовательских процедурах принципа «знак—значение»: телесный (фонетически и/или графически представленный) знак указывает на значение, а выражаемое значение неизбежно требует телесного знака.

Оппонирующий такому принципу *коммуникативный* подход немислим вне коммуниканта (субъекта речи) с его перманентно осознаваемым *hinc et nunc*. Проявлением этого подхода является признание нетождественности знака: телесный знак, взятый сам по себе, не способен иметь значение вне индивидуального сознания и действия, предпринятого коммуникантом.

Если прямым следствием античной модели является обнаружение автономных значений отдельно взятого слова — и даже звука — как минимальных объективно существующих элементов речи (по формуле «если в речи имеется смысл, то смысл или его часть должны присутствовать в каждом предметном элементе речи»), то коммуникативная парадигма предполагает невозможность смыслообразования в предметных единицах (звуках, словах, словосочетаниях, текстах) вне предварительной констатации того, что мыслимо за пределами (то есть *до* и *вне*) вербальной формы: интерпретация предполагает установление того, кто автор, где, когда, в каких мыслимых обстоятельствах и зачем он произвел данное вербальное действие, какими значениями наделял сказанные слова, какое (чье) когнитивное пространство мыслил в качестве адресата своего воздействия и пр. Поэтому о тождестве отдельного знака как спаянного единства означающего и означаемого и о всеобщей системе таких знаков не может быть и речи. Подлинное смыслообразование осуществляется только в процессе личного актуального действия и не может быть безличным, внеакциональным и бесцельным, каким является сам «язык». Появление семиотики, прагматики, когнитивистики, в которых, по сути, постулируется принцип «плавающей», зависимой от говорящего (пишущего), системы координат, только подтверждает серьезность намерений лингвистической теории отказаться от «объектив-

ности» и «самотождественности» выделяемых предметных единиц вербального процесса.

В то же время в традиционных лингвистических практиках (теоретизирование, лексикография, перевод, этимология, лингводидактика и др.) вольно или невольно, по умолчанию или по недосмотру, часто или почти всегда сохраняются прежние, структурно-грамматические способы концептуализации элементов «языка». Они сохраняются и в области библейской филологии, давая соответствующие результаты, по формуле *what you put is what you get*. Сам факт нестабильности теории, дискуссионность вопроса об используемых инструментах — структурно-языковых или коммуникативных — дает коммуникативной парадигме право, вслед за структурно-грамматической, поучаствовать в интерпретации грекоязычных библейских текстов.

В свою очередь в области *библейской филологии* столь же явным признаком «горячей точки» (нестабильности теории) можно считать ныне существующий диссонанс между результатами историко-культурно-религиозной интерпретации библейских текстов, с одной стороны, и лингвистической, — с другой.

Лингвистический подход к анализу языковых феноменов грекоязычного Танаха (Септуагинты) и Нового Завета унаследовал принципы античной предметно-ориентированной парадигмы в качестве методологии описания. В русле данного подхода со времени появления сравнительно-исторического (структурного в своих основаниях) метода производится детальное описание фактов языковой «ненормализованности» этих источников. Данная процедура состоит в рассмотрении вербальных клише грекоязычного текста в сравнении с аутентичными образцами эллинистической или классической греческой прозы, с оригинальным текстом еврейской Библии или возможных семитоязычных оригиналов, на фоне постулированного процесса языковой интерференции, с однозначно предметным (структурно-грамматическим) пониманием системных «языков», вовлеченных в лингвистическую ситуацию. В результате таких исследований оказывается невозможным отрицать, что языковые клише, которые используются в греческом тексте НЗ и LXX, представляют собой кальки и заимствования из древнееврейского или арамейского языка, соответственно на грекоязычной почве эти единицы (и весь начиненный ими текст) должны быть признаны нарушениями аутентичного греческого строя «языка». Как следствие, в области лингвистической тео-

рии, при приложении традиционных методов описания, тексты LXX и НЗ признаются малограмотными, ненормализованными, интерференционными, испорченными, просторечными и т. д.

Прямо противоположная ситуация наблюдается в области историко-культурно-религиозного подхода. Здесь тексты еврейского Закона и Нового Завета заведомо не могут считаться ненормализованными, поскольку они составляют аутентичную принадлежность вполне определенной замкнутой в себе культурно-религиозной ситуации, локализованной в традиции грекоговорящей иудейской диаспоры, которая фиксировала особую практику создания и функционирования священного текста и, естественно, не допускала и мысли об их ненормализованности. При этом совершенно очевидно, что для участников историко-культурно-религиозной ситуации, погруженных в аутентичную стихию лингвокультурной практики, ненормализованность использованных в текстах языковых клише была бы заметна гораздо более, чем любому современному интерпретатору (исследователю), изъятому из живой коммуникативной реальности. Тем не менее интерпретатор с готовностью констатирует факт языковой неполноценности иудейских и иудеохристианских текстов.

Нужно заметить, что доказательные базы, возникающие при применении каждого из этих подходов, настолько очевидны, что один подход полностью исключает другой. В этом диссонансе, по видимому, следует винить лингвистическую сторону, а именно использование неадекватной структурно-языковой модели описания, которая порождает теоретические объекты, непригодные для создания непротиворечивой лингвокультурной картины. Именно это обстоятельство актуализует создание и применение в данной области иных — коммуникативных — концептуальных инструментов вместо не оправдавших себя структурно-языковых.

Вопросы лингвистической теории, ставшие ключевыми для обсуждения «казуса “языка” LXX и НЗ», разработаны в существующей литературе с различной степенью подробности. Изменение парадигмы лингвистического (и шире — гуманитарного) знания наиболее масштабно освещаются в работах Т. Куна, Ю. С. Степанова, Ю. Хабермаса, М. Мерло-Понти, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Я. Пинборга, В. М. Алпатовой, Н. В. Уфимцевой, Е. Ф. Тарасова, Ю. А. Сорокина и многих других. Разнообразная палитра новейших

лингвистических подходов с их эволюционными тенденциями подробно освещается в работах В. З. Демьянкова.

Грекоязычные библейские тексты в рамках данной работы дают возможность показать, как соперничают две парадигмы или два подхода к лингвистическому факту — структурно-грамматический и коммуникативный (дискурсивный). Первый, основанный на предметном и системном понимании феноменов «языка», так или иначе составляет средоточие лингвистической проблематики как до Ф. де Соссюра и Л. Блумфилда, так и после. Возможность выхода за пределы этой методологической схемы содержится в магистральных направлениях современного лингвистического и общегуманитарного знания — семиотике, прагматике, когнитивистике, психолингвистике и соответственно в различной мере освещается в работах, представляющих данные направления. В настоящей работе в интересах краткости и поэтому без подробного обсуждения приводится ряд критериев, которые позволяют обрести единые принципы в русле общей коммуникативной парадигмы. Эти принципы сообщают дискурсивную этиологию фактам, ранее получившим освещение в рамках структурно-грамматической, античной соссюрианской, модели.

Дискурсивная (или коммуникативная) парадигма описания лингвистического материала, применяемая в данной работе как методологическая доминанта, аккумулирует некоторые элементы направлений, известных под именами когнитивистики, функционализма, дискурсивного анализа (D. Blakemore, G. Brown, R. Barthes, W. Chafe, T. A. van Dijk, G. Yule, D. Schiffrin, M. Foucault, Ch. J. Fullmore, T. Givón, C. Hardy, W. Labov, R. Langacker, N. Phillips, P. Sériot, M. Tomasello, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Волошинов (М. М. Бахтин), В. И. Карасик, А. А. Кибрик, М. Л. Макаров, О. Г. Ревзина и др.). Однако, в отличие от них, дискурс, ставший определяющим для названия общего теоретического подхода, понимается в работе как *лично осознанная ситуация коммуникативного действия*, по отношению к которой вербальный текст является развернутым предикатом, состоящим из отдельных линейно-временных моментов, а не как «живая речь», «связный текст», «язык в языке» и пр. Ввиду того что невозможно предъявить факты естественного языка вне осознанной коммуникативной ситуации (дискурса), дискурсивные параметры вербального материала (в том числе фреймы) рассматриваются в работе как его аутентичные сущностные признаки, вне которых вербальные

факты обращаются в искусственно созданный объект анализа и не могут считаться естественным лингвистическим материалом.

Языковые аспекты LXX и текстов новозаветного корпуса получили освещение в обширной литературе, которая представляет по преимуществу структурно-грамматическую парадигму описания. В русле коммуникативной парадигмы иудейские и иудеохристианские сочинения рассматривались в основном сквозь призму лингвистики текста, с сохранением прежних взглядов на «язык» и его элементарную структуру, хотя и с несколько скорректированным понятием о внутренних связях текстовых единств, больших, чем предложение.

Коммуникативное понимание лингвистического материала, распространенное на тексты LXX и НЗ, существенно меняет ныне бытующий взгляд на «язык» и отдельные лингвистические феномены данных источников. В основании предлагаемой методологии лежит понятие дектического синтаксиса и дектической синтагмы, имеющих центральное значение для описания лингвистического феномена любого уровня анализа. Дискурсивная описательная модель оформляется как развитие и одновременно отрицание структурно-грамматической модели. Последнюю характеризует логико-математический подход к лингвистической структуре, признание слова минимальной единицей вербального процесса, а также неактуализованность лингвистических феноменов (как следствие логико-математического подхода). В результате применения структурно-грамматической (предметной) модели грекоязычных библейских тексты оказываются интерференционными, ненормализованными, внелитературными, малограмотными, разговорными. Взамен дискурсивная модель предполагает «логику коммуникации», то есть типологию коммуникативных ситуаций как базовый принцип оформления лингвистической структуры, дектическую синтагму в качестве единицы речевой структуры и актуализованность любого вербального феномена, то есть его вовлеченность в актуальную коммуникативную ситуацию, реализуемую устно или письменно. Понятие лингвистического материала претерпевает существенное расширение, вбирая ранее не признаваемые «лингвистическими» элементы, без которых лингвистическая структура не может быть адекватно выделена и описана. В результате при приложении данной описательной модели к материалу LXX и НЗ предлагается более реалистичная, чем ныне существующая, картина создания, восприятия и

вторичного описания данных текстов на фоне генезиса, традиции, аутентичной сферы функционирования. Понятие «язык» применительно к этим источникам претерпевает значительные изменения и предстает как *традиционная литературная архаизирующая практика создания пророческих текстов, принятая и нормализованная в грекоговорящих иудейских общинах диаспоры*. Таким образом, выполняется теоретическая задача, не выполняемая при использовании ныне доминирующего структурно-грамматического метода описания, согласно которому языковой строй LXX и НЗ уже длительное время считается результатом деформации какого-то иного аутентичного строя и не осознается как дискурсивное единство и полноценная коммуникативная практика. Предметный элемент этих источников, осознаваемый в дискурсивной теоретической системе координат, обнаруживает новые перспективы исследования. Проблемные вопросы, возникающие в ныне существующих семито- и грекоориентированных (структурно-грамматических) схемах описания, получают возможность разрешения.

В *первой главе* рассматривается лингвистический статус грекоязычных библейских текстов, определенный в структурно-грамматической описательной парадигме.

В п. 1.1 даны концептуальные характеристики основных описательных подходов, то есть двух основных конкурирующих позиций: «гебраистов» и «классицистов», а также немногочисленной партии сторонников «иудейского греческого».

Далее констатируется, что выбор методологии лингвистического описания (п. 1.2) составляет главную причину возникшей в библейских лингвистических исследованиях неопределенности и противоречивости.

Во *второй главе* рассматривается теория билингвизма в описании библейского текста как следствие применения принципов структурно-грамматической парадигмы. В качестве материала, позволяющего представить эту модель, в монографии подробно обсуждаются наиболее заметные работы, специально посвященные лингвистическим вопросам библейских исследований и затрагивающие прямо или косвенно все дискуссионные аспекты статуса библейских текстов: концепция билингвизма в теории библейского стиля и концепция билингвизма в теории греческой аутентичности.

В *третьей главе* монографии приводится краткий обзор положений, значимых для коммуникативной интерпретации вербальных фактов (в том числе грекоязычных библейских текстов, п. 3.1), переосмысливаются основные элементы описания библейских текстов в дискурсивной парадигме.

Естественные свойства лингвистического материала (п. 3.2–3.8), то есть ситуативность, коммуникативность, акциональность и когнитивность, представлены в работе как имеющие рамочное значение для создания описательной модели лингвистических данных LXX и НЗ (как и любых лингвистических данных).

В этой же главе приводится пример использования принципов двух методологий (структурно-грамматической и коммуникативной) при анализе элемента текста «Коммуникативная парадигма vs предметная парадигма» (п. 3.9).

В *четвертой главе* корпус LXX и НЗ рассматривается в дискурсивной (коммуникативной) модели описания.

Принципиальное значение для корректной интерпретации статуса библейских текстов имеет грекоговорящая иудейская диаспора как лингвистический фактор (п. 4.1).

Снятие противоречий статуса библейского текста в дискурсивной парадигме (п. 4.2) производится на основе рассмотрения оппозиций, остающихся в рамках предметной парадигмы неразрешенными: так, согласно структурно-грамматической модели, «язык» иудеев одновременно 1) нормализованный vs ненормализованный, 2) литературный vs нелитературный, 3) особенный vs всеобщий, 4) полностью греческий vs не вполне греческий.

В работе получает описание процесс создания текста НЗ как лингвистическая практика в аутентичном дискурсе (п. 4.3).

«Иудейский греческий» и современная практика создания церковнославянских литургических текстов (п. 4.4) рассматриваются как возможность провести иллюстративную параллель между новозаветной и современной лингвистическими ситуациями.

ГЛАВА 1

Лингвистический статус текстов LXX и НЗ в структурно-грамматической (предметной) парадигме

В главе рассматривается лингвистический статус грекоязычных библейских текстов, определенный в структурно-языковой описательной парадигме. Соответствующие взгляды и концепции, характеризующие сложившуюся модель описания, представлены в исторической перспективе. Подчеркивается, что лингвистический статус текстов LXX и НЗ до настоящего времени составляет проблему, вызванную некогерентностью концепции «языка» этих литературных памятников.

1.1. Определение статуса библейского текста: основные подходы

Древнегреческий язык в основании описательной модели

В панораме лингвистических исследований LXX и НЗ интерпретация материала мыслится как определение референционной системы, использованной авторами для создания текстов, то есть некоего «языка».

Изначально несколько положений оказываются достаточными для признания (древне)греческой языковой основы рассматриваемых источников.

Во-первых, нет сомнения в том, что традиция большинства текстов, входящих в состав корпуса LXX и НЗ, отсылает к оригиналам (в том числе переводам), написанным по-гречески, то есть с использованием греческой графики и греческих слов.

Во-вторых, факты историко-культурно-религиозной традиции вводят возможные сомнения в достаточно тесные рамки, не позво-

ляющие отрицать, что ареал возникновения текстов — по преимуществу грекоязычные территории, а время возникновения — различные термины эпохи эллинизма.

В-третьих, сама научная традиция Средневековья, а также Нового и Новейшего времени, обладающая собственным авторитетом, не допускает и мысли о каких-то иных вариантах решения вопроса, кроме греческой принадлежности этих источников.

Впрочем, эти положения, ввиду своей элементарности, остаются за рамками всех исследований и по умолчанию принимается данная традиционная диспозиция. За исходное принимается само собой разумеющееся положение, что перед исследователем древнегреческий (в своих языковых основаниях) материал.

Первоначально такая не обремененная неясностями точка зрения, признающая «языком» библейских (в том числе новозаветных) текстов «просто древнегреческий», была единственной.

Древнегреческим, как известно, считается язык эллинской традиции — классической и более поздней, в том числе литературной византийской, выступает в одном ряду с другими классическими языками — латинским и древнееврейским. Другими словами, в Средние века и затем до начала Нового времени языком библейских источников считался язык эллинской культуры, или греческой классической прозы, что, на взгляд современного исследователя, безусловно, потребовало бы как минимум уточнения.

Сомнения в дефиниции «древнегреческий язык».

Койнэ

Первые основательные сомнения в классичности языка этих текстов можно датировать XVII—XVIII вв.¹, когда набирает силу точка зрения «гебраистов», которая в результате становится до конца XIX в. доминирующей². После этого концепция классицистов обретает новую жизнь в связи с изучением койнэ, а также с открытием и изучением греческих папирусов.

¹ См.: *Ros J.* De Studie van het Bijbelgrieksch van Hugo Grotius tot Adolf Deissmann. Nimwegen, 1940.

² См.: *Horsley G. H. R.* The Fiction of «Jewish Greek» // *New Documents Illustrating Early Christianity*. Vol. 5. 1989. P. 38.

Понятие некоего единого общегреческого языка обыкновено опирается на замечание Климента Александрийского: *φασί δὲ οἱ Ἕλληνες διαλέκτους εἶναι τὰς παρὰ σφίσι πέντε, Ἀθηναίαν, Ἰάδα, Δορίδα, Αἰολίδα, καὶ πέμπτην τὴν κοινὴν* («Эллины говорят, что у них пять диалектов: аттический, ионийский, дорийский, эолийский и пятый — общий»)¹. По поводу того, что имел в виду автор «Стромат», нет единой точки зрения². Говорил ли он о языке повседневного общения всех грекоговорящих или о литературном языке всей эллинской традиции? Подразумевал ли язык образованной аристократии эллинистических городов или язык простого населения? Имел ли в виду беспорядочное смешение всех диалектов или же некий целостный и самостоятельный языковой строй? Видел ли перед собой синхроническую или, быть может, диахроническую перспективу, либо и ту и другую одновременно? В любом случае доподлинно можно утверждать лишь то, что Климент указывал на какой-то общий язык, который в современной ему ситуации был понятен всем — эллинам и «эллиниствующим».

Ясно, что такое свойство, как понятность, не означает наличия строгого грамматического единства, ибо его невозможно установить для столь многообразных лингвистических практик, которые дает целая цивилизация синхронно и диахронно, однако можно предположить, что Климент констатирует очевидную для тогдашней ойкумены ситуацию: греки могут общаться между собой и поэтому «знают свой язык». Точно так же свой язык знают, например, русскоязычные субъекты современной лингвистической ситуации — понимают одни цивилизационно маркированные тексты, не понимают другие (скажем, специализированные, архаизирующие, внеконтекстуальные и пр.), не знают в подавляющем большинстве случаев никакой грамматики, но говорят в нужных ситуациях то, что считают нужным, добиваясь главного для себя — адекватного взаимодействия. В этом смысле понятие «общий» применимо и к современному русскому или, скажем, английскому, хотя строгого грамматического строя этих

¹ *Strom.* 1.142.4 Dindorf (= Migne, PG 8.800). Кроме того, известно краткое замечание, сделанное еще ранее — в I в. н. э. Квинтилианом, который говорил о *quinque graeci sermonis differentias* («пяти разновидностях греческого языка», *Inst.* 11.2.50).

² См.: *Horsley G. H. R.* *Op. cit.* P. 30; *Brixhe C.* *Essai sur le grec anatolien au début de notre ère.* Nancy, 1987. P. 22–23.

«языков» на всех уровнях и во всех ситуациях воссоздать с очевидностью невозможно. Таким образом, с тем же основанием, как и во времена Климента, можно говорить о русском койнэ, об английском койнэ и пр. Ясно, что постулирование «языка» при фактическом отсутствии «языка» лишь запутывает описываемую лингвистическую ситуацию, как запутывает ее и термин «койнэ» применительно к общегреческому языковому состоянию периода эллинизма¹. С той же степенью обоснованности и точности можно утверждать, что тексты, используемые в современной православной литургической практике, написаны на русском языке, поскольку участники лингвистической ситуации в данном хронотопе говорят по-русски.

Концепция койнэ, таким образом, возникает не из досконально исследованной лингвокультурной реальности (наоборот, детализированная картина территориальных и прочих факторов обнаруживает отсутствие единства, об этом см. далее), а скорее является ответом на потребность восполнить отсутствующее методологическое звено в априорной картине языкового общения: если изначально ясно, что общаться можно только на каком-то «едином языке», то этот «язык» нужно извлечь из лингвокультурного материала во что бы то ни стало. Постулирование этого фантомного «языка» предполагает конструирование его грамматического строя и затем — опоры на этот «язык» в исследовательских процедурах. То, что участники лингвокультурных ситуаций в действительности не знают никаких «языков», пользуются далеко не универсальным и не стандартизированным набором доподлинно известных им коммуникативных клише (которые затем несколько насильственно упаковываются в единообразную грамматическую матрицу) и вообще понимают не слова «языка», а коммуникативные действия, не смущает исследователей, поскольку, с их точки зрения, воспринятой из древности, невозможно отрицать «инструмент общения», если само общение несомненно имело место.

Множественность понимания языка койнэ

Серьезное изучение гипотетического языка койнэ началось только в конце XIX в. (тогда же было поднято на щит замечание Климента) и сразу обнаружило множественность точек зрения на природу это-

¹ Ср.: *Froesen J.* Prolegomena to a Study of the Greek Language in the First Centuries A. D. The Problem of Koine and Atticism. Helsinki, 1974. P. 78–79.

го языкового явления. Они были едины в одном — в попытках найти единую лексико-грамматическую систему «языка», работающую «инструментом» и возникшую постепенно, как «живой организм». П. Кречмер высказал идею, что койнэ является результатом смешения всех греческих диалектов и образования одного, общего¹. Такой взгляд на природу этого языка находит своих сторонников и многим позднее — например, Э. Г. Льюис², М. Бециерс и М. ван Овербек³.

Современник Кречмера А. Тумб придерживался точки зрения, согласно которой койнэ имеет главным основанием аттический диалект, претерпевший различные влияния⁴. В частности, он признавал, что прочие диалекты привнесли в койнэ многое, однако не придавал значения «ионийским чертам» этого языка. Позицию Тумба горячо поддержали Э. Майзер⁵ (в своем исследовании папирусов эпохи Птолемея) и Вергот (в своей подробной истории изучения койнэ)⁶. Важное значение для эллинистических языковых исследований имел вывод одного из наиболее последовательных классицистов Дж. Х. Мултона, который признал огромное значение эпиграфических данных для изучения койнэ. Оно состоит, по его мнению, в том, что надписи показывают, что «диалектное различие между языком на территориях Египта, Малой Азии, Италии и Сирии было незначительным»⁷. Интересно замечание Мултона, что отличия могли сказываться в произношении. Здесь исследователь касается сферы, которая обретет актуальность в связи со сделанными гораздо позднее наблюдениями за

¹ См.: *Kretschmer P.* Die Entstehung der Koine. Akademie der Wissenschaften Wien. Philosophisch-Historische Klasse: Sitzungsberichte. Vol. 143 (10). Vienna, 1900.

² См.: *Lewis E. G.* App. 3 // *Fishman J. A.* Bilingual Education. An International Sociological Perspective. Rowley [Mass.], 1976. P. 150–200.

³ См.: *Beziers M., Overbeke M. van.* Le Bilinguisme. Essai de définition et guide bibliographique. Louvain, 1968.

⁴ См.: *Thumb A.* Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus: Beiträge zur Geschichte und Beurteilung der Koine. Strassburg, 1901.

⁵ См.: *Mayser E.* Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. 6 vols. Leipzig–Berlin, 1906–1938.

⁶ См.: *Vergote J.* Het probleem van de koine volgens de laatste historisch-philologische bevindingen // *Philologische Studien*, IV, 1932–33. P. 28–46, 81–101, 190–215; V, 1933–34. P. 81–105; VI, 1934–35. P. 81–107.

⁷ *Moulton J. H.* Characteristics of New Testament Greek // *Expositor Sixth Series* 9 (1904). P. 224.

отличиями между письменным и устным языком. Признание этого разделения является одним из главных условий создания более адекватной картины эллинистического языкового состояния, и в частности, статуса текстов LXX и НЗ (вспомним пример использования для литургических целей церковнославянского языка, на котором никто не говорит в современной лингвистической ситуации). Однако сам Мултон видел в эпиграфических данных — в значительной мере независимых от устного языка — подтверждение единства койнэ, признавая само собой разумеющимся устно-письменное единство.

Язык текстов НЗ как нелитературное койнэ

Койнэ и язык новозаветных текстов были поставлены между собой в прямую связь прежде всего благодаря усилиям А. Дайссманна, который посчитал греческие папирусы непосредственным свидетельством нелитературного койнэ, основанного на аттическом диалекте, и затем сделал вывод, что новозаветные тексты написаны на языке папирусов, то есть на койнэ. Таким образом, вопрос сам собой решился в пользу внелитературности новозаветных текстов.

Позиция Дайссманна была реакцией на тенденцию изолировать новозаветный лингвистический материал от языка койнэ и попыткой придать должное значение нелитературным текстам в изучении новозаветного греческого¹.

Полемика о специфике языка НЗ разгорелась между британскими исследователями еще до появления работ А. Дайссманна. Так, в статье, инициировавшей обмен мнениями, ее автор Э. Хэтч утверждал, что «язык НЗ стоит особняком». Главное различие между классическим греческим и новозаветным состоит в том, что на последнем писали «люди, чьи мысли были отлиты в семитские, а не греческие формы». «Громадное большинство» слов в НЗ отражают семитскую основу и поэтому «должны рассматриваться в свете сородственных им документов, составляющих LXX». Эти слова «столь многочисленны и изучающий их столь часто вводится в заблуждение своим знанием их классического употребления, что следует положить за правило не оставлять ни единого слова в НЗ, даже самого простого, без соответствующего вопроса»².

¹ См.: *Horsley G. H. R.* Op. cit. P. 38.

² *Hatch E.* *Essays in Biblical Greek.* Oxford: Clarendon, 1889. P. 10, 11, 34.

Т. К. Эббот, взявший в этой дискуссии ответное слово, поставил под сомнение масштабы различий, декларированные Хэтчем: «Выражения, характеризующиеся как гебраизмы, могут нередко находить параллели у классических авторов, разница [между НЗ и классическими текстами] состоит в частоте их употребления». Кроме того, было указано на различия между LXX и НЗ, для которых общими можно считать лишь относительно небольшое число «библейских значений», в то время как НЗ содержит множество слов и значений, не присутствующих в LXX. «Влияние LXX на словарь НЗ не было определяющим»¹.

Вступивший в дискуссию Х. Кеннеди одновременно поддерживал и критиковал обоих исследователей. Первоначально вдохновляясь позицией Хэтча, он приступил к подробному изучению этой темы. Но «чем дальше продвигалось исследование, тем сильнее оно заставляло усомниться в выводах Хэтча и в конце концов заставило пытаться установить связь между языком LXX и НЗ на совершенно другом основании». По результатам анализа терминов, общих для НЗ и LXX, Кеннеди согласился допустить, что в отношении религиозной и богословской терминологии (и в меньшей степени в отношении названия иудейских обычаев) влияние LXX на НЗ было прямым, и поэтому выводы Хэтча вполне допустимы. Однако в целом это влияние «не следует преувеличивать». Свидетельства LXX нужно принимать с осторожностью. «Когда мы признаем исключительную важность греческой Библии для новозаветных авторов, факт, достойный удивления, состоит в том, что ее влияние на их словарь не несравнимо значительнее того, которое в действительности обнаруживается (the astonishing fact is that its influence on their vocabulary is not incomparably greater than it is found to be)»². В дальнейшем установленная общность слов НЗ со словами, присутствующими в папирусном материале (уже при участии Дайссманна), оказалась достаточной для прямой констатации, что язык НЗ представляет собой разговорное греческое койнэ.

Роль Дайссманна, таким образом, состояла не в инициировании дискуссии, а в привлечении нового материала (представлявшего собой набор лексем, обнаруженного исследователем в папирусах и объ-

¹ *Abbott T. K.* *Essays, Chiefly on the Original Texts of the Old and New Testaments.* London: Longmans, Green, 1891. P. 66, 71.

² *Kennedy H. A. A.* *Sources of New Testament Greek: The Influence of the Septuagint on the Vocabulary of the NT.* Edinburgh: Clark, 1895. P. 108, 165.

явленного их языка тем же языком, на котором написаны новозаветные тексты, с некоторой, правда, долей семитизмов). Его концепция была не первой попыткой привлечь нелитературные свидетельства¹, но он был, безусловно, первым, кто использовал этот материал столь развернуто и систематично. В результате идея о связи нелитературных свидетельств и новозаветного текста обрела понятность и популярность, особенно в дальнейших публикациях самого Дайссманна². Исследователь полностью не отрицал семитского влияния на материал, однако единодушно воспринимался как представитель классицистов, или пуристов (наряду с Мултоном, А. Т. Робертсоном, Л. Радермахером и др.³) ввиду преимущественного внимания к греческому материалу и тенденции обосновать греческую аутентичность новозаветных текстов⁴.

В результате господствовавшая до этого гебраистская точка зрения получила весомый контраргумент в виде папирусного нелитературного материала, который прежде всего обнаруживал связь не с семитской, а с греческой стихией языка. Так, Дж. Рос констатировал отчетливо просматриваемое в деятельности Дайссманна возрождение позиции пуристов и расценивал его как уклонение (впрочем, временное) от магистрального — семитоцентричного — направления новозаветных исследований⁵. В том же смысле Вергот считал, что точка зрения Тумба и Дайссманна, преувеличившая значение папирусов, оказала слишком большое влияние на изучение койнэ⁶.

¹ Монографии А. Дайссманна «Bibelstudien» (1895) и «Neue Bibelstudien» (1897) были собраны воедино в английском переводе: *Deissmann A. Bible Studies*. Trans. by A. Grieve. T. & T. Clark, Edinburgh, 1901.

² См.: *Deissmann A. Light from the Ancient East*. Grand Rapids, 1980⁴.

³ См.: *Ros*. Op. cit. P. 34–44.

⁴ А. Тумб, также разделявший позицию пуристов, сделал характерное замечание по этому поводу: «Старый, обусловленный догматическими причинами спор “пуристов” и “гебраистов” должен был оставаться безрезультатным, до тех пор пока библейский язык (Gräcität) рассматривался в качестве чего-то изолированного, своеобразного и не был поставлен в более тесную связь с языковым развитием всей эллинистической эпохи» (*Thumb. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beitrage zur Geschichte und Beurteilung der Κοινή*. Strasburg, 1901. S. 182).

⁵ См.: *Ros*. Op. cit. P. 44.

⁶ См.: *Vergote*. Op. cit. *Philologische Studien*, VI, 1934–35. P. 89.

Те же сомнения не оставляют исследователей и в последующее время¹. Однако очевидная и наиболее заметная составляющая новозаветного текста, то есть греческий словесный материал, по-прежнему остается главной для исследователей и обращает их в сторону «греческих языков», обязывая среди них искать тот, на котором написан новозаветный корпус. Известная номенклатура этих языков — пополненная нелитературным койнэ, засвидетельствованным папирусами — ограничивает этот выбор. Так, в одной из последних обобщающих работ по вопросам языка (в русле эллиоцентричного направления) Дж. Х. Р. Хорсли пишет, что его труд «написан с точки зрения того, как нелитературные греческие источники могут восполнить наше понимание контекста раннего христианства и феномена новозаветных книг»².

Вариативность койнэ

Как видно, по мере усложнения понятия «древнегреческий» встал вопрос, какой из «греческих языков» явился основанием языка LXX и НЗ. Если до конца XIX в. вопрос о выборе фактически не ставился, и в формальной принадлежности того языка, на котором написаны эти грекоподобные тексты, исследователи не сомневались, ввиду того что выбирать было просто не из чего: греческих графем и греческих слов было достаточно для признания языка «просто греческим», — то теперь, отвечая на вопрос, на каком же из «греческих языков» написаны эти тексты, классицисты были поставлены перед сложным выбором, ибо исследованная лингвистическая ситуация предлагала уже две возможности: 1) признать тексты аутентично греческими, или 2) также признать греческими, но не вполне аутентичными (нужно заметить, что впоследствии для второго случая ситуация усложнится необходимостью выбирать, какой из «греческих языков» считать «испорченным» в результате деятельности писателей и переводчиков). Таким образом, в рассуждениях о греческих языках с конца XIX-го в. стали фигурировать уже два основных — литератур-

¹ См., например: *Barrett C. K. Biblical Classics*, IV: J. H. Moulton. *A Grammar of NT Greek: Prolegomena // Expository Times* 90 (1978). P. 71; *Cottetel P., Turner M. Linguistics and Biblical Interpretation*. Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1989. P. 126.

² См.: *Horsley G. H. R.* Op. cit. P. 1.

ный греческий (ионийско-аттический, или просто аттический, классический) и так называемое койнэ, язык не вполне ясного происхождения, специфики и сферы бытования.

Аттицизм и «разумный эклектизм» в лингвистических исследованиях НЗ

После продвижения идеи койнэ в русле классицистического направления обретает актуальность явление аттицизма как реакция на нелитературность койнэ.

Основания для современной дискуссии об аттическом диалекте были положены В. Шмидтом в конце XIX в.¹ В отличие от предшественников, рассматривавших отдельных авторов², он создал панорамную картину аттицизма как явления в греческой литературной традиции, несмотря на незначительное использование папирусного и эпиграфического материала (исключение составляют надписи из Пергамона 2.19–33). По поводу новозаветного материала в его труде сделаны лишь краткие замечания (2.299; 4.729), однако стимул к исследованию аттицизма в рамках новозаветных исследований был дан. Авторы касались аттицизма в рамках исследований койнэ в новозаветном корпусе, поскольку далеко не весь новозаветный материал сводился к нелитературному папирусному и эпиграфическому, и для его интерпретации требовался еще какой-то «язык»³. Так, в статье В. Михелиса в русле взглядов на аттицизм, высказанных Шмидтом, был поставлен вопрос, насколько новозаветный корпус мог быть улучшен, «аттицизирован» писцами в традиции текста⁴. Эта идея, которая, несомненно, обнаруживает озабоченность исследователей языковой многослойностью новозаветного материала, была развер-

нуто представлена Дж. Д. Килпатриком несколькими десятилетиями спустя¹. В частности, автором в подтверждение своей позиции обсуждался вопрос о формах ζήσω/ζήσομαι с точки зрения того, как данный грамматический феномен представляется аттицисту и антиаттицисту². Позиция Килпатрика состояла в том, что «согласно имеющимся свидетельствам есть основания полагать, что новозаветный текст был местами подвергнут аттицизирующей переработке (has on occasion been revised in the direction of Atticism) и что единственный способ, необходимый для любых попыток обнаружить оригинальную форму греческого текста, есть детальное исследование элементов аттицизма в переданном тексте Нового Завета»³. Как видно, в основании такого взгляда лежала уверенность, что оригинальный греческий текст новозаветного корпуса имел признаки малолитературного или вне-литературного языка и/или явлений интерференции (какого-то семитского языка); избавляясь от этих признаков, писцы привели тексты в более опрятный вид (tidied up) и стилизовали под литературный греческий⁴. Аттицистическое влияние и авторский стиль составляют две главные позиции, на которых основан подход Килпатрика и его ученика Дж. К. Эллиотта к новозаветной текстуальной критике⁵.

¹ См.: Schmid W. Der Atticismus in seiner Hauptvertretern. Stuttgart, 1887–97; 5 vols; repr. Hildesheim, 1964.

² См., например: Lobeck Ch. Phrynichus. Leipzig, 1820.

³ См., например: Moulton J. H. A Grammar of NT Greek, I. Prolegomena. Edinburgh, 1908³. P. 24–26; Idem. A Grammar of NT Greek, II. Accidence and Word Formation. Edinburgh, 1929. P. 6; Radermacher L. Neutestamentliche Grammatik. Tübingen, 1925²; Blass F., Debrunner A., Funk R. W. A Greek Grammar of the New Testament and other Early Christian Literature. Chicago, 1961; Blass F., Debrunner A., Rehkopf F. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1979¹⁵.

⁴ См.: Michaelis W. Atticismus und das NT // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft 22 (1923). S. 91–121.

¹ См.: Kilpatrick G. D. Atticism and the Text of the Greek New Testament // Neutestamentliche Aufsätze. Festschrift für J. Schmid. /Eds. J. Blinzler et al. Regensburg: Pustet, 1963. S. 125–137; Idem. The Greek Text of Today and the Textus Receptus // The NT in Historical and Contemporary Perspective. Essays in Memory of G. H. C. MacGregor / Eds. H. Anderson, W. Barclay. Oxford: Blackwell, 1965. P. 189–208.

² Критический ответ на эту интерпретацию, см.: Lee J. A. L. The future of ZHN in Late Greek // Novum Testamentum 22 (1980). P. 289–298, за которым последовала не слишком убедительная реакция самого Килпатрика: Kilpatrick G. D. Atticism and the Future of ZHN // Novum Testamentum 25 (1983). P. 146–151. Критика этой точки зрения содержится также: Martini C. M. Eclecticism and Atticism in the Textual Criticism of the Greek New Testament // On Language, Culture and Religion. Festschrift E. A. Nida / Eds. M. Black, W. A. Smalley. The Hague, 1974. P. 149–56.

³ Kilpatrick G. D. Op. cit. 1963. P. 137.

⁴ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 43.

⁵ Библиографию по этому вопросу см.: Elliott J. K. An Eclectic Textual Commentary on the Greek Text of Mark's Gospel // New Testament Textual Criticism. Festschrift B. M. Metzger /Eds. E. J. Epp, G. D. Fee. Oxford, 1981. P. 47–60, а также: Metzger B. M. The Text of the NT. Oxford, 1968². P. 177–179.

Их следование по преимуществу внутренним критериям в исследовании текста вызвало ряд возражений. Несмотря на отстаивание позиций «строгого эклектизма»¹, в новозаветной филологии возобладала точка зрения так называемого разумного эклектизма². Так, С. Томпсон, в целом соглашаясь с подходом Килпатрика, считал, что черты языка, характеризующие аттицизм, обнаруживаются в памятниках с III в. до н. э., но об аттицизме как полномасштабном доминирующем влиянии на греческий язык можно говорить только со II в. н. э.

Взаимоисключающие «языки»

В целом следует констатировать, что вследствие идеи соединения новозаветного материала с нелитературным койнэ (в форме нелитературных папирусов) новозаветная филология была приведена в еще более неопределенное состояние: точка зрения классицистов, для которой ранее было характерно литературное, «пуристское» отношение к новозаветному корпусу, получила аргумент в пользу греческой аутентичности текстов, но вместе с тем оказалась гораздо менее целостной: во-первых, стало будто бы невозможно отрицать связи новозаветных текстов со стихией нелитературного общегреческого койнэ, якобы представленного папирусами, во-вторых, оказалось невозможно отрицать литературность этих текстов, обнаруживаемых классицистами в следах аттицизма, в-третьих, было по-прежнему невозможно оставить за пределами исследования огромное количество семитизмов, присутствующих в Новом Завете. Истолковать этот конгломерат взаимоисключающих признаков новозаветного «языка» при сохранении теоретических позиций нелитературного койнэ по сей день не представляется возможным: если текст аутентично греческий, то почему семитизмы? Если нелитературный язык, то почему значительный письменный корпус? Если признаки аттицизма, то как нелитературное койнэ? Если семитизмы, то почему общегреческий язык?³

¹ См., например: *Elliott J. K. Plaidoyer pour un éclectisme integral appliqué à la critique textuelle du NT // Revue Biblique 84 (1977). P. 5–25.*

² См.: *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 43.*

³ Введение идеи литературного койнэ (что в действительности представляет собой *contradictio in dicto*) снимает один из этих вопросов, но не преодолевает противоречия между семитизмами и аутентичным греческим текстом.

Объяснение семитизмов в греческом тексте: «малограмотные авторы (переводчики)»

Верной возможностью преодолеть эту апорию (разрубить безнадежно запутанный клубок «языковых» данных) стала идея малограмотности, или неконтролируемого неосознаваемого билингвизма, новозаветных авторов, которые якобы попытались, но не смогли написать правильно ни на одном из существовавших «языков»¹. В итоге попытки исследователей представить лингвистическую ситуацию непротиворечивой сами собой свелись к необходимости *списать все неясности и странности на исследуемых участников лингвистической ситуации*, которые якобы писали на языке, которого не знали (иногда намеренно выставляя себя «безграмотными писателями» — как в случае евангелиста Луки), или переводили пословно (хотя не все и не всё), порождая целевой текст на испорченном языке. Исследовательская задача в таком понимании ситуации свелась в свою очередь к тому, чтобы определить следы различных «языков» в рамках единого «полуграмотного» текста² и/или расширить номенклатуру уровней общего древнегреческого «языка»³.

¹ Дайссманн с самых первых попыток введения идеи папирусов заявлял: «Греческая Библия обрамлена пышным венком современных ей текстов. Помимо языка новозаветные писания близки к этим текстам еще в одном отношении: подобно последним, и первые так же мало желают быть “литературными”, как письма, протоколы и завещания Египта. Обе группы, в сущности, одинаково непосредственны, но в этой непосредственности кроется их ценность. Они позволяют нам получить представление о том, что чувствовали, думали, на что надеялись и за что страдали простые люди в ту поворотную в истории религии эпоху... И чем глубже будут проникать в тайники сознания людей того времени, тем больше будут понимать, как случилось, что написанное ἀγραμματοῖ [людьми некнижными, малообразованными] в Новом Завете стало книгой всего человечества» (*Deissmann A. The Philology of Greek Bible: Its Present and Future. London, 1908. P. 35*). В своей работе «Свет с Востока» он писал: «Новый Завет в своих важнейших частях говорит нелитературным, обиходным языком народа; сотни словесных особенностей, которые раньше считались признаком новозаветного греческого языка, могут быть теперь определены как народные выражения на основании примеров из малоазийских надписей или египетских папирусов и черепков» (*Deissmann A. Das Licht vom Osten. Tüb., 1908. S. 5*). См. также далее подробный разбор статей М. Сильвы и Дж. Хорсли).

² См.: *Maloney E. G. Semitic Interference in Marcan Syntax. Chico, 1981.*

³ «В итоге есть необходимость остерегаться более обширного перечня языковых уровней, чем только два: койнэ и аттический» (*Horsley G. H. R. Op. cit. P. 46*).

1.2. Концептуальные характеристики вариантов структурно-языкового подхода

Ненормализованные литературные памятники

Как видно из предпринятого краткого обзора, на основании традиционных представлений о «языке» (тем более о «литературном языке» как квинтэссенции лингвистических практик данного сообщества) оказывается невозможным представить библейские тексты нормализованными литературными памятниками. Так, в случае LXX тексты, вошедшие в ее корпус, неизбежно рассматриваются как пословный перевод с древнееврейского источника, созданный с использованием греческого вербального материала. Появление на целевом (греческом) «языке» текста, созданного таким способом, со всей очевидностью означает для исследователя нарушение аутентичной греческой текстуальности и комбинаторики, что в свою очередь не позволяет вписать LXX в рамки какой-то литературной нормы, существовавшей на момент создания перевода.

Факт пословной «рабской»¹ передачи еврейского оригинала полностью исключает возможность признания, что в случае LXX имеет место целостный аутентичный «язык». Настойчивые поиски «языка» закономерно оборачиваются признанием того, что аутентично греческий языковой строй, каким бы он ни был — литературным или не-литературным, — испорчен семитским влиянием.

Так, Ф. Конибеар и С. Сток, авторы грамматики LXX, имея намерения предьявить целостный «библейский язык», заявляли, что для понимания этого «греческого языка» его временами нужно признавать скорее семитским: «Если мы хотим понять греческий язык Нового Завета, ясно, что мы должны сравнить его с греческим Ветхого, который принадлежит, как и первый, к постклассическому времени, является разговорным, а не литературным, подверженным столь глубокому семитскому влиянию, что часто вряд ли даже является греческим, а скорее семитским в греческом обликии (If we wish then to understand the Greek of the New Testament, it is plain that we must compare it with the Greek of the Old, which belongs, like it, to post-

¹ См.: Rabin Ch. The Translation Process and the Character of the Septuagint // *Textus* 6 (1968). P. 21.

classical times, is colloquial rather than literary, and is so deeply affected by Semitic influence as often to be hardly Greek at all, but rather Hebrew in disguise»¹.

Определить родовую и видовую принадлежность этого языка авторы грамматики скорее оказались вовсе не в состоянии, поскольку в итоге дали такую формулировку: «Эллинистический греческий язык мы можем рассматривать как родовое понятие, по отношению к которому александрийский греческий является видовым. В свою очередь, язык Септуагинты является разновидностью александрийского греческого, но весьма особой разновидностью. Он не является чистым образцом ни разговорного, ни литературного языка Александрии (Hellenistic Greek we may regard as the genus, of which Alexandrian Greek is a species. Now the language of the Septuagint is a variety of Alexandrian Greek, but a very peculiar variety. It is no fair specimen either of the colloquial or of the literary language of Alexandria)»².

Говоря о технике создания LXX, авторы отмечали смешение различных составляющих, столь разнородных, что в результате о тексте нельзя сказать, что он создается «на каком-то языке»: «Септуагинта является, за исключением незначительных случаев, пословным переводом с еврейского. Пословный перевод — лишь наполовину перевод. Он меняет словарный состав, оставляя нетронутым синтаксис. Но жизнь языка сосредоточена скорее в синтаксисе, чем в словаре. Поэтому, хотя источником словаря Септуагинты является рыночная площадь Александрии, формы мышления в ней чисто еврейские (The Septuagint is, except on occasions, a literal translation from the Hebrew. Now a literal translation is only half a translation. It changes the vocabulary, while it leaves unchanged the syntax. But the life of a language lies rather in the syntax than in the vocabulary. So, while the vocabulary of the Septuagint is that of the market-place of Alexandria, the modes of thought are purely Hebraic)»³.

Наконец, рассуждая о целостности этого языка, авторы сочли факторами единства такие его черты, которые не позволяют назвать его

¹ Conybeare F. C., Stock St. G. Grammar of Septuagint Greek. Boston: Ginn and Company, 1905. P. 21.

² Conybeare F., Stock St. Op. cit. P. 22.

³ Conybeare F., Stock St. Op. cit. P. 22.

ни греческим, ни семитским: «Библейский греческий действительно представляется нам лингвистическим единством, как в сравнении с современным ему александрийским языком папирусов, так и с литературным языком таких бесспорно современных авторов, как Аристей, Аристобул и Филон, не говоря о других, которых с полным основанием можно назвать «светскими». Язык Септуагинты, насколько его вообще можно считать греческим, есть разговорный греческий Александрии, но он — библейский греческий, поскольку в нем столь широко представлен элемент, который является не греческим, а семитским (Biblical Greek does appear to us to have a linguistic unity, whether as compared with the current Alexandrian of the Papyri or with the literary language of such fairly contemporary authors as Aristeeas, Aristobulus, and Philo, not to add others who might more justly be called 'profane.' The language of the Septuagint, so far as it is Greek at all, is the colloquial Greek of Alexandria, but it is Biblical Greek, because it contains so large an element which is not Hellenic, but Semitic)»¹.

Вслед за LXX статус ненормализованного текста приписывается и новозаветным памятникам (в особенности синоптическим Евангелиям), в которых наблюдаются те же признаки деформации нормы какого-то языка.

Нужно признать, что в рамках структурно-грамматических представлений о вербальном процессе попытки исследователей увидеть в данных LXX и НЗ «отдельный язык» вполне закономерны: если есть огромный массив текстов, значит, должен наличествовать и принцип их создания, ведь актуальные вербальные тексты не могут создаваться вне вербального «языка», «не на языке». Однако опыты обнаружения этого принципа-инструмента-системы в случае LXX и НЗ всегда представляются незавершенными и противоречивыми, поскольку любая структурно-языковая установка на нахождение строгой грамматики и словаря не может игнорировать очевидные факты нарушения аутентичного греческого строя (как в грамматике, так и в словаре), в результате чего исследователь, взявший на себя обязательство найти «язык», неизбежно обретает нечто структурно не определенное, не отвечающее собственным критериям единства и целостности.

¹ Conybeare F., Stock St. Op. cit. P. 23.

Причины нарушений «языка»: три направления

В попытках определить причину и источник нарушений ионийско-аттической литературной нормы среди исследователей конституируются три магистральных направления, имеющих достаточно четкие определители. Это интерпретации 1) «классицистов», 2) «гебраистов» и 3) сторонников иудейского греческого¹ (вероятно, следует также выделить и четвертое направление, для которого характерно не критичное противоречивое соединение всех перечисленных точек зрения, возникающее от недостаточного знакомства со спецификой материала или несостоятельности попыток теоретически охватить все существующие точки зрения).

Главные отличительные черты того или иного направления проявляются в отношении исследователей к основным составляющим наблюдаемой лингвистической ситуации, факт которых нельзя отрицать и соответственно на которых или вопреки которым строятся концепции «языка» грекоязычных иудейских (иудеохристианских) текстов: 1) *греческий лексический материал* (под которым имеется в виду не семантическое и синтаксическое значение лексических единиц, а их видимый греческий облик²); 2) очевидные *синтаксические и семантические семитизмы*, присутствующие в тексте.

Первое направление («классицисты») имеет эллиоцентричную направленность и склонно связывать лингвистические феномены, воспринимаемые с точки зрения ионийско-аттической нормы как неправильности, с так называемым койнэ — языком, который, как считается, был принят в качестве основного средства общения в греко-римской ойкумене эллинистического периода. При этом понятие койнэ зачастую предполагает различие уровней этого языка,

¹ Ср.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 30. Третье направление обосновывает свою позицию аргументами от интуиции, которые верны и очевидны по сути, но не вписываются в методологию, принятую в рамках этого направления. Так, невозможно доказать существование особого языка в условиях постоянной возможности признать этот язык отдельным диалектом «языка», отдельным стилем или, в конце концов, «индивидуальным языком».

² Многочисленные особенности (как синтаксические, так и семантические) «грекоподобных» лексических единиц иудейских текстов стали в научной литературе общепризнанным фактом (см., например: Hill D. Greek Words and Hebrew Meanings. Studies in the Semantics of Soteriological Terms. Cambridge, 1967).

то есть введение понятий литературного и разговорного койнэ, а также выделение гипотетических территориальных особенностей койнэ, характерных для языка населения различных регионов ойкумены.

Второе направление, напротив, в поисках причин «неправильностей» делает акцент на арамейской (или даже древнееврейской) стихии языка — письменного или устного, исповедуя, таким образом, семитоцентричную позицию.

Третье направление, кроме уже упомянутых Ф. Конибеара и С. Стока, представляет прежде всего Н. Тернер, а также отчасти М. Блэк, Х. С. Джемен, П. Катц, К. Байер¹. Эти исследователи близки к тому, чтобы признать существование отдельного «языка», так называемого иудейского греческого, со своими выразительными и структурными особенностями. Однако приводимая ими аргументация оказывается неубедительной прежде всего потому, что классический предметный инструментарий не позволяет представить предполагаемый язык как единство (что, впрочем, при внимательном подходе следует констатировать в любом естественном вербальном материале, не совместимом с понятием предметного инварианта). На фоне известных данных и принятых критериев их интерпретации исследователи не могут предъявить классические определители единого средства общения, среди которых прежде всего мыслятся аутентичная и стандартизированная семантика, морфология, фразеология и синтаксис. Каждый из этих структурных уровней оказывается несамостоятельным, деформированным, нестабильным, многообразным. Именно поэтому точка зрения Конибеара, Тернера и др. не получила широкого распространения и поддержки среди филологов, так или иначе исповедующих структурные воззрения на вербальный материал.

Портер: поиск конкретного «языка»

Статья С. Е. Портера, одного из наиболее авторитетных специалистов в области новозаветного языка, «Греческий язык Нового За-

вета», опубликованная в сборнике «Руководство по экзегезе Нового Завета»¹, дает возможность проследить характерные затруднения лингвистической теории, которая уже длительное время безуспешно пытается заставить библейский материал соответствовать принятому методологическому инструментарию. Главным средством теоретизирования в руках лингвиста оказывается понятие «язык», а главным искомым — некий «конкретный язык», который следует обнаружить и предъявить во что бы то ни стало для исследуемой языковой реальности, для статуса текстов и их авторов.

«Разговорный язык в литературных текстах»

Статья открывается констатацией того факта, что Гомер, историки Фукидид и Геродот, трагики Эсхил, Софокл и Еврипид писали на языке, отличном от новозаветного, который в свою очередь представляет собой «нелитературный греческий, используемый повсеместно в греко-римском мире первого века» («the non-literary Greek used throughout the Greco-Roman world of the first century»)². Делая краткий экскурс в историю, С. Е. Портер касается полидиалектного состояния и, в частности, замечает, что «гомеровский, или эпический диалект имел ионийскую основу и испытал влияние других диалектов. Как таковой, он не был разговорным, однако отразил поэтическую форму языка, адаптированную к региону, где поэмы читались и были позднее записаны»³. В классический период, вследствие военного и экономического доминирования Афин, аттический диалект при участии ионийских языковых инноваций дает основу для общего языка эллинистического мира.

Затем Портер, подчеркивая далеко не прямую зависимость устного языка от литературного, замечает и то, что черты разговорного языка, ввиду отсутствия примеров устной речи, восстанавливаются по письменным текстам — единственно сохранившимся свидетельствам языковой стихии того времени.

¹ Turner N. A Grammar of NT Greek. V. 3. Syntax. Edinburgh, 1963; Gehman H. S. The Hebraic Character of Septuagint Greek // *Vetus Testamentum* 1 (1951). P. 81–90; Beyer K. Semitische Syntax im Neuen Testament. Goettingen 1962; Katz P. Septuagintal studies in the mid-century: Their links with the past and their present tendencies // *The Background of the New Testament and Its Eschatology: In Honour of C. H. Dodd*. Cambridge: Un-ty Press, 1956. P. 176–210.

¹ См.: Porter S. E. The Greek Language of the New Testament // *Handbook to Exegesis of the New Testament*. Ser. «New Testament Tools and Studies» / Eds. B. M. Metzger & B. D. Ehrman. Leiden; New York; Kohln, 1997. P. 99–130.

² См.: Porter S. E. Op. cit. P. 99.

³ См.: Porter S. E. Op. cit. P. 101.

«Единый неоднородный язык, одновременно престижный и просторечный»

Поворотным пунктом в истории греческого языка следует считать эпоху завоеваний Александра Македонского, который распространил аттический диалект по всей созданной им империи в качестве административного языка (вторая половина IV в. до н. э.). На фоне повсеместного проникновения на территории ойкумены ионийско-аттическая форма греческого, или эллинистический греческий, используется и как устный, и как письменный язык («this Attic-Ionic form of Greek, which we now call Hellenistic Greek, was used both as a written and as a spoken language»)¹. В процессе взаимодействия различных языковых групп на разных территориях, слияния всевозможных особенностей местных диалектов возникает более универсальный общий язык (или койнэ). Основные значимые черты эллинистического греческого, отличающие его от более ранних форм (за исключением тех авторов, которые позднее возрождают аттический диалект в русле аттицизма), представляются Портеру в виде следующего перечня: редуцирование гласных, стандартизация и упрощение падежных окончаний имен и личных окончаний глаголов, замена окончаний сильного аориста окончаниями слабого, более широкое использование конечного *-ν*, возрастающее использование некоторых предлогов, исчезновение некоторых частиц, переход глаголов на *-μι* в спряжение на *-ω*, исчезновение оптатива, окончательное исчезновение двойственного числа, значительное сокращение употребления медиального залога и частичная замена его пассивным, начало замены придаточных предложений с союзом *ὅτι* инфинитивами, постепенное исчезновение дательного падежа, возрастание роли аккузатива, возрастание употребления частицы *ἄν* и перифраза вместо сложных синтаксических оборотов².

В результате, пишет Портер, эллинистический греческий стал престижным языком греко-римского мира и оставался им даже после того как возросло значение латинского языка во II в. н. э. В лингвистическом смысле это означает, что греческий был языком, который использовали люди, обладавшие культурным и экономическим превосходством, и что те, кто хотел приобрести такой статус или эф-

¹ См.: Porter S. E. Op. cit. P. 102.

² См.: Porter S. E. Op. cit. P. 104.

фективно взаимодействовать с подобными людьми, должны были знать греческий. Этот язык обнаруживается у целого ряда авторов и текстов, от деловых контрактов и счетов, написанных на греческих папирусах, до многочисленных писателей этого времени (например, историк Полибий)¹.

«Некоторые поэты и писатели пишут на другом языке»

Вместе с тем, пишет Портер, доминированию этой формы греческого языка сопутствовало обратное движение. Некоторые поэты отказывались от общего языка и создавали поэтические тексты в формах более ранних греческих диалектов. Нечто подобное произошло в III в. до н. э., когда возник так называемый азианизм, представлявший собой реакцию на сбалансированный и размеренный стиль литературной формы эллинистического греческого в пользу более витиеватого стиля. Во II в. н. э., как реакция на азианизм, развивается движение, названное аттицизмом, в русле которого некоторые авторы отказываются от того, что казалось им нарушением языка, и возвращаются к стандартам словаря и стиля лучших аттических авторов классического периода. Все эти движения имели влияние на авторов литературных текстов (включая более поздних христианских писателей)².

«Общий язык в нелитературном употреблении негреков»

Затем Портер подчеркивает стабильность и повсеместность общего языка (с возможными местными вариациями в произношении) и приводит суждение Л. Р. Палмера в том же ключе: «Глубокие лингвистические последствия [влияния других языков] можно было бы ожидать в случаях, когда то, что было в основе аттическим, усваивали люди, родным языком которых был не просто не-аттический, но вообще не-греческий. Однако в действительности эти влияния чувствуются очень слабо»³.

Далее, переходя, наконец, к новозаветному материалу, Портер замечает: «Этот уровень употребления [то есть употребление языка не-

¹ См.: Porter S. E. Op. cit. P. 102–103.

² См.: Porter S. E. Op. cit. P. 103.

³ См.: Palmer L. R. The Greek Language. London, 1980. P. 176.

греками. — А. В.] широко представлен в нелитературных текстах, из которых наиважнейшим является новозаветный корпус»¹.

На фоне столь отчетливой перспективы новозаветного греческого вопрос о статусе этого языка кажется Портеру излишним, поскольку ясно, что «Новый Завет написан на не-литературном греческом эллинистического периода»². Однако дискуссии по этому вопросу имеют длительную историю, и поэтому Портер кратко освещает ее основные направления.

«Особенности текста НЗ не являются особенностями»

До начала XX в. бытовало разделяемое многими исследователями мнение, что язык новозаветных текстов представляет собой специальный библейский диалект, вероятно даже некий богодухновенный язык «Святого Духа» («a special biblical dialect of Greek, possibly even a divinely inspired or “Holy Ghost” Greek»)³. Эта теория, не получившая систематической разработки, была основана на констатации значительных отличий между новозаветным греческим и языком, засвидетельствованным у литературных авторов эллинистического и, безусловно, классического периода («significant differences between the Greek of the New Testament and the Greek found in the literary writers of the Hellenistic period, and certainly of the classical period»⁴). Изобилующий периодами стиль Фукидида или даже эллинистический литературный язык историка Полибия — это не стиль греческого Но-

¹ См.: Porter S. E. Op. cit. P. 104.

² См.: Porter S. E. Op. cit. P. 105.

³ См.: Porter S. E. Op. cit. P. 105.

⁴ См.: Porter S. E. Op. cit. P. 105. Говоря об этой теории, Портер имеет в виду возникшую еще до появления работ Дайссманна дискуссию, отраженную в уже упомянутых статьях: Hatch E. *Essays in Biblical Greek*. Oxford: Clarendon, 1889; Abbott T. K. *Essays, Chiefly on the Original Texts of the Old and New Testaments*. London: Longmans, Green, 1891; а также: Kennedy H. A. A. *Sources of New Testament Greek: The Influence of the Septuagint on the Vocabulary of the NT*. Edinburg: Clark, 1895. Заметим, что предметом для дискуссии служат традиционные лингвистические объекты: «слова» и «языки». Это начальное обсуждение вводит в существо вопросов, которые и по сей день не позволяют исследователям прийти к консенсусу: мера семитизмов и семитского влияния в НЗ, отношение LXX к НЗ, отношения между койнэ и греческим НЗ и LXX, характер греческого НЗ, образовательный статус авторов НЗ и др.

вого Завета. Вследствие этого один из основных древнегреческо-английских словарей дает список в несколько сотен слов, значение которых в библейских текстах, как предполагается, более нигде не засвидетельствовано¹.

Двое ученых — А. Дайссманн (Германия) и Дж. Х. Мултон (Великобритания) — изменили этот взгляд на новозаветный греческий, продемонстрировав значение новооткрытых папирусов для библейских лингвистических исследований². Первый обнаружил сходство лексики новозаветных текстов с той, что присутствует в папирусных документах и надписях эллинистического периода; второй, вместе со своим коллегой Дж. Миллигэном³, продолжил исследования лексики, а также показал важность папирусов для понимания грамматики новозаветного текста: «В ответ на аргумент, что множество конструкций в новозаветном греческом являются необычными или редкими, или что на них оказали влияние семитские языки (еврейский или арамейский), было сказано, что по свидетельству папирусов большинство, если не все, эти конструкции были возможны, если не регулярны, в греческом языке того времени» («the papyri were said to show that most, if not virtually all, of these phenomena were possible, if not regular, constructions in the Greek of the day»)⁴. В качестве примера Портер приводит одну грамматическую особенность новозаветного языка (использование презенса в евангельском нарративе), которая, казалось бы, отражает арамейские корни евангельского текста, но в действительности «вполне совпадает с параметрами употребления данного времени у исторических писателей того периода, которые не испытывали на себе никакого семитского влияния»⁵.

¹ См.: Cremer H. *Biblico-Theological Lexicon of the New Testament Greek*. Edinburg, 4th edn. 1895. P. 693–698.

² См.: Deissmann A. *Bible Studies Trans.* A. Grieve. Edinburg, 1901; *Idem*. *Light from the Ancient East / Trans.* L. R. M. Strachan. London, 1910.

³ См.: Moulton J. H. *Prolegomena // A Grammar of the Greek New Testament*. Vol. I. Edinburg, 1906; *Idem*. *New Testament Greek in the Light of Modern Discovery // Essays on Some Biblical Questions of the Day: By Members of the University of Cambridge*. London, 1909. P. 461–505; Moulton J. H., Milligan G. *The Vocabulary of the Greek Testament Illustrated from the Papyri and Other Non-Literary Sources*. London, 1914–29.

⁴ Porter S. E. Op. cit. P. 106.

⁵ Porter S. E. Op. cit. P. 106.

«Особенности — это неудачные попытки следовать греческим стандартам»

Далее Портер касается конкурирующей тенденции — попыток «гебраистов» представить новозаветный текст во многих отношениях семитским. Эта тенденция иллюстрируется работами Чарльза Торрея, который считал, что Евангелия, первая часть Деяний и Откровение были целиком переведены с арамейского, и пытался представить «грамматические неправильности в Новом Завете» («grammatical deficiencies») как результат калькирования арамейских конструкций. Согласно Торрею, эти переводы свидетельствуют не о плохой или неаккуратной переводческой работе, но о стремлении сохранить верность оригинальному языку и значению данных текстов¹. «В действительности, — пишет Портер, — многие из этих случаев являются просто неудачными попытками следовать языковым стандартам классических афинских писателей»².

По словам Портера, после убедительной критики со стороны представителей греческого направления адепты семитской основы стали делать гораздо более скромные заявления относительно природы новозаветных текстов. Вместо того чтобы отстаивать, что Евангелия были в оригинале арамейскими памятниками, они стали допускать, что изначально эти тексты могли быть и греческими, но при этом в своей структуре отразили деятельность авторов, родным языком для которых был арамейский, или что эти авторы дословно записывали сказанное Иисусом Христом или кем-то еще в переводе с арамейского³. Как считают сторонники гебраистской позиции, на тот факт, что арамейский субстрат лежит в основании этих текстов, указывает и палестинская языковая ситуация того времени, и различные особенности вербальных конструкций и понятий. На это сам Портер, как адепт греческого лагеря, отвечает, что «гебраисты» резонно претендуют на правоту только постольку, поскольку некоторые или даже большинство высказываний Иисуса Христа были арамейскими,

¹ См.: *Torrey C. C.* Our Translated Gospels: Some of the Evidence. London, 1936; *Idem.* The Composition and Date of Acts. Cambridge, 1916; *Idem.* The Apocalypse of John. New Haven, 1958.

² *Porter S. E.* Op. cit. P. 107.

³ Например: *Black M.* An Aramaic Approach to the Gospels and Acts. Oxford, 1946.

но в целом эти исследователи опираются на неверную оценку лингвистической ситуации в самой Палестине, где, по мнению Портера, греческий язык, как и повсюду в империи, был социально престижным и практически важным средством общения¹. Для подтверждения этой точки зрения привлекаются эпиграфические данные (грекоязычные эпитафии), которые обнаруживаются на территории Палестины в относительно большом количестве².

«Особый неправильный язык только в НЗ»

Кроме двух основных направлений в объяснении языка новозаветных текстов Портер упоминает и о третьем, возникшем на основе идеи, что взаимодействие арамейского и греческого языков привело к возникновению особого семитизированного диалекта, так называемого иудейского греческого³. Согласно некоторым исследователям, этот диалект был временным языком, возникшим в тот момент, когда стала происходить первоначальная конфронтация между двумя языками. Согласно другим, он представлял собой независимую разновидность семитизированного греческого языка, который затем использовался в ранней Церкви. Такой взгляд, указывает Портер, имеет под собой по большей части теологические, а не лингвистические аргументы. В качестве контраргументов исследователь приводит, во-первых, тот факт, что для идеи иудейского греческого имеется незначительная лингвистическая база, поясняя при этом: «Несмотря на то что такая лингвистическая ситуация представляется возможной, подобный креольский или композитный греческий язык (this kind of creole or composite Greek) нельзя обнаружить нигде, кроме Нового Завета». И, во-вторых, эта идея «вводит маловероятную лингвистическую ситуацию, при которой, например, апостолу Павлу приходилось использовать данную форму греческого языка, хотя он писал для

¹ См.: *Porter S. E.* Op. cit. P. 108.

² См.: *Horst P.* Ancient Jewish Epitaphs: An Introductory Survey of a Millennium of Jewish Funerary Epigraphy (300 BCE — 700 CE). Kampen, 1991. P. 24–32.

³ См., например: *Gehman H.* Hebraic Character of Septuagint Greek // *Vetus Testamentum* 1 (1951). P. 81–90; *Turner N.* The Language of the New Testament // *Peuke's Commentary on the Bible* /Ed. M. Black and H.H. Rowley. 1962. P. 659–662; *Idem.* Grammatical Insights into the New Testament. Edinburgh, 1965. P. 174–188.

того, чтобы быть понятным в грекоговорящих городах греко-римской ойкумены, таких, как Рим, Коринф или Эфес»¹.

«Негреческий — *parole*, а *langue* — греческий»

В завершение краткого обзора мнений о природе новозаветного языка Портер, в качестве финального аккорда, упоминает современные исследования М. Силвы, Дж. Хоррокса и Дж. Хорсли² (о Сильве и Хорсли см. далее, гл. 2), считая их весомым аргументом в пользу позиции Дайссманна и Мултона. Речь идет о лингвистическом аспекте проблемы, которому, по мнению Портера, в данных работах (в особенности у Сильвы) уделено особое внимание: «Сильва продемонстрировал, что разделение на *langue* («язык», языковую систему) и *parole* («речь», конкретное использование «языка» отдельным автором) проясняет лингвистическую ситуацию в Палестине I в. Хотя чья-то индивидуальная *parole* могла иметь свои особенности, спровоцированные знанием семитского языка, — использованным при этом *langue*’ом был несомненно эллинистический греческий. Хоррокс в свою очередь признал, что новозаветным авторам из-за недостатка образования (because of their lack of higher education) были несвойственны аттицистические черты, а также что арамейский мог быть родным языком большинства из них. Он также признает, что существует продолжительная дискуссия относительно того, какие характеристики новозаветного текста спровоцированы или не спровоцированы семитским влиянием. Тем не менее для большинства этих черт, подчеркивает Хоррокс, содержатся параллели либо в LXX, которую он рассматривает в качестве одного из наиболее характерных образцов эллинистической просторечной литературы (one of the most important examples of Hellenistic vernacular literature), либо в греческих

¹ Porter S. E. Op. cit. P. 109. Интересно, что, например, для Конибеара и Стока факт «незначительной лингвистической базы» (а именно, что такой «язык» за пределами LXX и НЗ более нигде не встречается) служит, наоборот, аргументом в пользу самостоятельности и обособленности «библейского языка» (см.: Conybeare F. C., Stock St. G. Grammar of Septuagint Greek. Boston: Ginn and Company, 1905. P. 21).

² См.: Silva M. Bilingualism and the Character of New Testament Greek // Biblica 61 (1980). P. 198–219; Horrocks G. Greek: A History of the Language and its Speakers. London, 1997; Horsley G. H. R. Divergent Views on the Nature of the Greek of the Bible // Biblica 65 (1984). P. 393–403.

(то есть эллинистических) текстах низкопробного койнэ (low-level *koine*), подобно тем, что обнаружены в Египте. Таким образом, для понимания новозаветного греческого необходимо проявлять внимание не столько к семитским источникам, сколько к языку папирусов и прочих современных писателей (to the Greek of the papyri and other contemporary writers)»¹.

Итог: концептуальный хаос

Итогом изображенного Портером состояния теории может быть только однозначное признание концептуального хаоса, царящего в современной новозаветной лингвистике. Греческая точка зрения, сторонником которой является канадский исследователь, а также используемый им и его соратниками методологический инструментарий не позволяют представить новозаветные тексты нормализованными литературными памятниками. Отраженные у Портера настойчивые попытки обнаружить в новозаветном материале «чистую» языковую систему («язык») закономерно оборачиваются признанием того, что искомым аутентично греческий языковой строй всегда выглядит пострадавшим (испорченным) от семитского влияния: новозаветный греческий нельзя признать «чистым» языком папирусов, «чистым» аттическим диалектом, «чистым» региональным диалектом или «чистым» эллинистическим койнэ — литературным или нелитературным. Эти попытки скорее обнаруживают желание теоретика создать законченную схему, но не возможность материала в нее вписаться. Подобным образом Дж. Мултон, наиболее горячий сторонник греческой аутентичности новозаветных текстов, в позднейших работах был вынужден отказаться от своего греко-ориентированного ригоризма, признать существование «истинных семитизмов» в евангельском тексте и дать собственное определение понятию «семитизм»², притом что главной целью своей исследовательской программы он изначально полагал полный отказ от семитского субстрата (об этом факте Портер, исполняя свою риторическую задачу, в своей статье умалчивает). В результате попытки Портера сохранить хорошую мину при плохой игре выглядят самоизобличающими: греческий Ново-

¹ См.: Porter S. E. Op. cit. P. 109–110.

² См.: Maloney E. C. Semitic Interference in Marcan Syntax. Michigan, 1981. P. 9–10.

го Завета оказывается то *почти* совпадающим с языком папирусов, то *немного не* совпадающим; то «*общим* эллинистическим греческим, на котором писали *литературные* авторы, например *историк Полибий*», то языком, который греческие авторы, например *историк Полибий*, не использовали; то *разговорным*, то претендующим на следование *литературным* нормам аттического диалекта; то *обладающим* особенностями, то *не обладающим* и пр. Невозможность констатировать какой-то определенный из известных «языков» приводит исследователя к последней единственной возможности — признать, что восточные авторы плохо владели тем «языком», на котором пытались создавать свои тексты.

Концептуальные константы проблемы

В обобщенном виде концептуальные очертания разнообразия воззрений, в которых исследователям, в том числе Портеру, не удастся найти целостный «язык», сводятся к двум главным положениям:

1) авторы/переводчики создавали целевые тексты на *нелитературном греческом языке*;

2) созданные ими тексты сохраняют следы какой-то *иной (нелитературной греческой)* стихии языка.

Данные положения (как это заметно в том числе из представленной Портером картины) являются наиболее распространенными и практически общепринятыми. Они имплицитно или явно лежат в основании как греческих, так и гебраистских концепций «языка» Нового Завета.

Первое суждение следует из сопоставления ионийско-аттической литературной нормы, засвидетельствованной в аутентичных греческих литературных текстах, с любым текстом данного корпуса.

Второе суждение возникает как попытка объяснить происхождение очевидных «неправильностей» языка грекоязычных библейских текстов.

Два основных направления библейских филологических исследований (эллино-ориентированное и гебраистское), упомянутые Портером, возникают из попыток определить причину, вызвавшую нарушения ионийско-аттической литературной нормы.

Эту ущербность (неправильность) языка Нового Завета исследователи пытаются приписать какому-то чуждому языковому влиянию.

«Аттицисты» и «гебраисты»

В рамках *эллино-ориентированного направления* (к которому принадлежит и сам Портер) лингвистические феномены, воспринимаемые с точки зрения ионийско-аттической нормы как неправильности, связываются с койнэ, или эллинистическим греческим. При этом понятие койнэ, как уже было сказано, предполагает различие уровней этого языка, то есть введение понятий литературного и разговорного койнэ, а также выделение гипотетических территориальных особенностей койнэ, характерных для лингвистических практик различных регионов империи.

В рамках второго, *гебраистского* (семито-ориентированного), направления поиски причины «неправильностей» приводят исследователей к акцентированию арамейской (или даже древнееврейской) стихии письменного или устного языка, сказавшегося на итоговой форме грекоязычных текстов.

Очевидно, что две указанные тенденции являются *взаимоисключающими* в рамках принятой лингвистической методологии: *пословный перевод* не может рассматриваться как *аутентичный текст* на целевом языке (поэтому исследователь должен выбирать: либо пословный перевод, либо аутентичный текст); *греческий литературный язык* (литературное койнэ, ионийско-аттический диалект) не может рассматриваться как *семитизированный язык* (поэтому исследователь должен выбирать: либо аутентичный греческий, либо семитизированный); язык источников не может считаться одновременно *нормализованным* — литературным, традиционным и *ненормализованным* — разговорным, просторечным, малолитературным, изобилующим случаями спонтанной интерференции (поэтому исследователь должен выбирать: либо «правильный», либо «неправильный» язык) и т. д. В результате принятия решения о лингвистическом статусе грекоязычных библейских текстов возникают суждения, прямо взаимоисключающие друг друга или внутренне противоречивые (замечу, что именно это и демонстрирует Портер).

Последний возможный результат структурно-языковой модели: «малограмотные авторы»

Последний возможный результат, которого позволяют добиться от материала существующие исследовательские схемы, сводится к констатации, что язык грекоязычных библейских текстов есть некая *греческая*

норма с включенными в нее нарушениями. В такой формулировке уже нет строгих рамок, и такая теоретическая диспозиция дает значительный простор исследованиям, что в свою очередь находит выражение в том, что в качестве греческой нормы принимается любая сколько-нибудь подходящая, раз аутентичности в ней все равно нет. Таковой может выступать норма общегреческого разговорного койнэ, общегреческого литературного койнэ и даже собственно литературного аттического диалекта с неизменными, впрочем, семитизмами, не позволяющими тексту полностью нормализоваться на греческой почве.

Эта незавершенность схемы, вызванная несомненным фактом семитизмов, как показывает опыт Портера и его единомышленников, заставляет прибегнуть к последнему аргументу — объявить авторов малограмотными, не знающими канонов и языка эллинской литературной традиции, писавшими на низкопробном языке повседневного общения, и пр. Так, задолго до Портера стоящий у истоков этой традиции Мултон видел лингвистическую ситуацию в том же ключе: «Язык греческой Библии, за исключением случаев переводного греческого, был просто разговорным, принятым в повседневной жизни. Люди, стремившиеся к литературной славе, писали на искусственном диалекте, который был языком Афин времени их владычества, как поступают и современные образованные греки. В отличие от них, новозаветные авторы слабо сознавали (*had little idea*), что они пишут литературу. Святой Дух говорил всецело на языке простых людей. Сама грамматика и словарь вопиют против людей, которые могли бы позволить Писанию появиться в какой-то иной форме, нежели «понятной для простого народа»¹.

Таким образом, неспособность теоретической схемы объяснить мнимую ненормализованность новозаветного языка обретает твердую почву в идее *малограмотности* новозаветных авторов, которые якобы будучи простецами, попытались, но не смогли написать правильно ни на одном из существовавших «языков». Как видно, попытки исследователей представить непротиворечивой лингвистическую ситуацию сами собой свелись к необходимости списать концептуальные изъяны принятой методологической матрицы (другой, впрочем, не было) на исследуемых участников аутентичной лингвистической ситуации.

¹ См.: *Moulton J. H.* Op. cit. Prolegomena I. P. 5.

Каждое из направлений («аттицисты» или «гебраисты») делает это по-своему. Третье направление, имея верный содержательный вектор, тем не менее не обладает необходимым набором методологических инструментов, достаточным для констатации единого «иудейского языка».

В целом траектория, по которой движется мысль исследователей, вооруженных строгими лингвистическими данными, представляется в следующем виде.

Исследовательская программа «аттицистов»

Эллино-ориентированная позиция (А. Deissmann, А. Thumb, F. Blass, А. Debrunner, J. H. Moulton, H. B. Swete, J. Psichari, H. St. J. Thackeray, R. Helbing, H. Pernot, А. Pallis, S. Antoniadis, А. Meillet, J. de Zwaan, E. J. Goodspeed, E. C. Colwell, R. H. Charles, F. W. Howard; А. Wifstrand, L. Rydbeck и др.)¹ опирается по преимуществу на первую очевидность библейских текстов, а именно, что памятники LXX и НЗ написаны с использованием «греческого на вид»

¹ См., например: *Thackeray H. St. J.* A Grammar of the OT in Greek According to the Septuagint, I. Cambridge: Cambridge University Press, 1909; *Rademacher L.* Neutestamentliche Grammatik: Das Griechisch des NT im Zusammenhang mit der Volkssprache. Tübingen: Mohr [Siebeck], 1911; *Robertson A. T.* A Grammar of the Greek NT in the Light of Historical Research. New York: Hodder and Stoughton, 1914; *Milligan G.* The Grammar of the Greek NT // Expository Times 31 (1919–20). P. 420–424; *Idem.* Here and There among the Papyri. London: Hodder and Stoughton, 1922; *Meecham H. G.* Light from Ancient Letters: Private Correspondence in the Non-Literary Papyri of Oxyrhynchus of the First Four Centuries and its Bearing on NT Language and Thought. London: Allen and Unwin, 1923; *Goodspeed E. J.* The Original Language of the NT // New Chapters in NT Study. New York: Macmillan, 1937. P. 127–168; *Colwell B. C.* The Greek of the Fourth Gospel: A Study of its Aramaisms in the Light of Hellenistic Greek. Chicago: University of Chicago Press, 1931; *Idem.* The Greek Language // Interpreter's Dictionary of the Bible, Nashville: Abingdon Press, 1962. P. 479–487; *Costas P. W.* An Outline of the History of the Greek Language, with Particular Emphasis on the Koine and the Subsequent Periods. Chicago: University of Chicago Press, 1936; *Koester H.* Introduction to the NT, I. 2 vols. Philadelphia: Fortress Press, 1982. P. 103–113; *Browning R.* Medieval and Modern Greek. Cambridge: Cambridge University Press, 2nd edn, 1983, ch. 1; *Horsley G. H. R.* The Fiction of «Jewish Greek» // New Documents Illustrating Early Christianity. V. Linguistic Essays. New South Ryde: Macquarie University, 1989. P. 5–40.

лексического материала, в то время как вторая очевидность, то есть семитизмы, занимает в эллино-ориентированных концепциях маргинальное и подчиненное положение. Более того, в логически завершенных эллиноцентричных схемах (Дайссманн, Тумб, ранний Мултон) первый элемент (греческая морфология) стремится полностью поглотить или вытеснить второй (семитизмы). Впрочем, нужно заметить, что последний настолько очевиден, что окончательного поглощения и вытеснения не удавалось достичь никому из исследователей, несмотря на все попытки.

Рассматривая новозаветные тексты под эллиническим углом зрения, исследователь попадает в следующую теоретическую ситуацию. Прежде всего, для феноменов этих текстов необходимо найти исконную греческую топику, то есть ответить на вопрос, в какой аутентичной стихии языка эти феномены имеют те же значения, что и в новозаветном корпусе. Другими словами, исследователь должен найти в исконно греческом материале ту систему координат, в которой следует исчислять грамматические и семантические явления новозаветных текстов. Именно здесь у эллиноцентричной концепции возникают сложности. Попытки засвидетельствовать в новозаветных текстах какую-то исконно греческую «норму» сталкиваются с очевидностью семитизмов. Ясно, что семитизмы в исконно греческом тексте суть по определению нарушения аутентичной греческой текстуальности, соответственно «язык», имеющий нарушения аутентичной языковой топики, не может быть признан нормативным, то есть обладающим искомой единой и естественной системой лингвистических координат. Именно поэтому законченная логика эллиноцентричной позиции состоит в том, чтобы включить семитизмы, нарушающие стройность картины, в состав какой-нибудь исконно греческой нормы, признав, что они уже не суть семитизмы, а регулярные исконно греческие феномены. Однако ни в одну норму, определяемую каким-либо корпусом исконно греческих текстов, данные явления синтаксического и семантического уровня полностью не включаются при всей эластичности рамок и критериев. Они упорно существуют как нарушения греческого строя языка. В этом смысле показательна история Мултона, одного из наиболее горячих сторонников греческой аутентичности, который в позднейших работах был вынужден отказаться от своего греко-ориентированного ригоризма, признать «истинные семи-

тизмы» в евангельском тексте и дать собственное определение понятию «семитизм»¹.

Формула «испорченная семитизмами греческая норма» (то есть ненормализованный текст) является последним возможным ответом эллиноцентричной теории на вызовы материала. Ввиду отсутствия «правильной» аутентичной стихии языка в качестве субстрата, подвергнутого языковой деформации, выступают различные страты греческого языка с присущими им «нормами» (общегреческое разговорное койнэ, общегреческое литературное койнэ, литературный аттический диалект и т. д.). Семитизмы, неизменно присутствующие повсюду, не позволяют текстам полностью нормализоваться на греческой почве, какой бы ни мыслить ее изначально.

Так или иначе исследовательская задача эллиноцентричной схемы сводится к тому, чтобы определить следы различных «языков» в рамках единого «полуграмотного» текста² или расширить номенклатуру уровней древнегреческого «языка»³ при молчаливом признании, что целостного «языка» — литературного или разговорного — констатировать невозможно.

Нужно заметить, что эксплицитно или имплицитно признаваемая ненормализованность языковой деятельности авторов и переводчиков ставит ряд вопросов, вызывающих недоумение при попытках ответить на них в рамках эллино-ориентированной описательной схемы.

Некогерентность схемы: малограмотный текст в традиционной среде

Прежде всего, против идеи ненормализованности выступает уже упомянутый факт традиционной культурно-религиозной среды (иудейской грекоговорящей диаспоры), внутри которой создаются тексты LXX и НЗ, теснейшим образом связанные с аутентичными лингвистическими практиками данного сообщества и составляющие ее наиболее заметные образцы (подробнее см. далее гл. 4).

¹ См.: *Maloney E. C. Semitic Interference in Marcan Syntax*. Michigan, 1981. P. 9–10.

² См., например: *Maloney E. C.*. Op. cit.

³ К примеру, против такой практики выступает *Horsley* (Op. cit. P. 46).

Некогерентность схемы: множество малограмотных авторов

Кроме того, на «плохом греческом языке» писал не один человек, а целый ряд авторов. Если ненормализованный язык можно представить как продукцию одного малограмотного автора, скажем в настенных граффити, то кажется невероятным, чтобы целым сообществом таких людей был создан обширный литературный корпус.

Некогерентность схемы: добровольное литературное варварство автора Евангелия от Луки

Наиболее иллюстративным является писательская практика автора третьего Евангелия, который очевидным образом (то есть благодаря имеющимся несомненным данным) не вписывается в эллиоцентричную схему и который не может быть ею объяснен. Предисловие в несколько строк, которое евангелист предпослал своему сочинению, написано в полном соответствии с эпистолярными стандартами ионийско-аттической прозы, и этот факт сам по себе свидетельствует, что автор совершенно свободно выразился в письменной форме на литературном греческом, безусловно владея нормализованным языком. Это, впрочем, и неудивительно, поскольку о Луке известно, что он был эллински образован, начитан в греческой литературе, по происхождению не был евреем и, по всей видимости, даже не знал арамейского языка. Тем более удивителен другой факт, остающийся без объяснения в рамках эллиоцентричной схемы: автор, проявивший себя в предисловии знатоком аттической нормы, приступая к тексту самого Евангелия, неожиданно переходит на язык, изобилующий семитизмами, то есть отступает от аутентичных греческих стандартов и делает выбор в пользу заведомо не нормализованного (с эллиоцентричной точки зрения) языка. Почему он предпочел не создавать свое сочинение на «правильном» языке, хотя и мог? Зачем представлять себя «худшим» писателем, чем он на самом деле был? Нужно признать, что здесь эллиоцентричная схема заходит в полный концептуальный тупик де-факто и лишь констатирует, не вдаваясь в объяснения, что Лука, возможно, был «добровольный септуагинталист» («deliberate septuagintalizer»¹); нужно

¹ См.: Sparks H. F. D. The Semitisms of St. Luke's Gospel // Journal of Theological Studies 44 (1943). P. 131.

заметить в скобках, почему бы тогда не признать добровольными септуагинталистами и всех остальных авторов Евангелий?).

Исследовательская программа «гебраистов»

Главная черта *семито-ориентированного* направления — сосредоточенность на семитском материале, то есть опора на семитизмы, второй бесспорный элемент новозаветного текста (J. Vergote, J. Wellhausen, G. Dalman, C. C. Torrey, C. F. Burney, J. A. Montgomery, R. B. Y. Scott, M. Burrows, M.-J. Lagrange, P. Jouon, H. J. Cadbury; M. Black, M. Wilcox, C. F. D. Moule, V. Taylor, J. Jeremias, M. Zerwick, R. A. Martin, J. A. Fitzmyer и др.)¹. Представители данного направления, в отличие от эллино-ориентированного, вовсе оставляют вопрос о нормализованности «языка» вне сферы своего рассмотрения. Проблема языковой целостности текстов по умолчанию разрешается в пользу ее отсутствия. По-видимому, та мера, в которой представлен в рассматриваемом корпусе греческий элемент, сразу настраивает

¹ См., например: Zimmermann F. The Aramaic Origin of the Four Gospels. New York: Ktav, 1979. P. 3–23; Lachs S. T. Hebrew Elements in the Gospels and // Jewish Quarterly Review 71 (1980). P. 31–43; Lee G. M. Translation Greek in the NT // Studia Evangelica, VII /Ed. E.A. Livingstone. Berlin: Akademie Verlag, 1982. P. 317–326; Schwarz G. Und Jesu Sprach: Untersuchungen zur aramäischen Urgestalt der Worte Jesu. Stuttgart: Kohlhammer, 2nd edn, 1987; Wilcox M. The Semitisms of Acts. Oxford: Clarendon Press, 1965. P. 1–12; Idem. Semitisms in the NT // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt 11.25.2. P. 979–986; Black M. An Aramaic Approach to the Gospels and Acts. Oxford: Clarendon Press; 3^d edn, 1967; Idem. The Recovery of the Language of Jesus // New Testament Studies 3 (1956–1957). P. 305–313; Idem. Second Thoughts. The Semitic Element in the NT // Expository Times 77 (1965–1966). P. 20–23; Idem. The Biblical Languages // The Cambridge History of the Bible, I / Ed. P. R. Ackroyd and C. F. Evans. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 1–11; Bumey C. F. A Hebraic Construction in the Apocalypse // Journal of Theological Studies 22 (1920–1921). P. 371–376; Idem. The Aramaic Origin of the Fourth Gospel. Oxford: Clarendon Press, 1922; Idem. The Poetry of Our Lord. Oxford: Clarendon Press, 1925; Montgomery J. A. The Origin of the Gospel According to St. John. Philadelphia: J. C. Winston, 1923; Burrows M. The Original Language of the Gospel of John // Journal of Biblical Literature 49 (1930). P. 95–139; Idem. The Semitic Background of the NT // The Bible Today 2 (1951). P. 67–73; Zwaan J. de. The use of the Greek Language in Acts // The Beginnings of Christianity, 1.2 /Ed. F. J. Foakes Jackson and K. Lake. London: Macmillan, 1922. P. 30–65; Idem. John Wrote in Aramaic // Journal of Biblical Literature and Exegesis 57 (1938). P. 155–171.

на поиски греческой нормативности (впрочем, ее все равно не удается найти). Что же касается семитского элемента, то в таком количестве греческого, вернее, грекоподобного материала семитский след заведомо представляет собой лишь вкрапление, несистематическое нарушение. Таким образом, семито-ориентированная схема сразу (по умолчанию) признает отсутствие единой нормализованной стихии языка в корпусе LXX и НЗ.

Нужно заметить, что простота, с которой представители семито-ориентированной точки зрения соглашаются с фактом ненормализованного языка НЗ, обусловлена тем очевидным фактом, что в случае LXX можно доподлинно наблюдать, как из древнееврейского оригинала в результате пословного перевода возникает грекоподобный текст, изобилующий семитизмами. Если та же семитообразность присутствует и в новозаветном тексте, то вопрос решается сам собой в пользу семитской основы и ненормализованного характера итогового греческого текста.

Некогерентность схемы: те же вопросы

Данная методологическая ситуация в лагере «гебраистов» поднимает те же вопросы, что и в случае сторонников греческой аутентичности: о возможности ненормализованного текста в традиционной среде, о возможности приписать ненормализованный текст целому сообществу авторов, о возможности появления внелитературного текста в литературной ситуации, о подозрительно значительном количестве ненормализованных текстов.

Некогерентность схемы: тексты написаны на несуществующем языке

Признавая по умолчанию факт ненормализованности, представители семито-ориентированного направления тем не менее сосредотачиваются на исследованиях вопроса, откуда в евангельский текст попали семитизмы и какие они — арамеизмы, гебраизмы или септуагинтизмы. Смысл таких поисков и констатаций в рамках существующей схемы сводится к тому, чтобы усугубить понимание испорченности языка этих источников. Так, если все идентифицированные феномены суть признаки чуждого языкового строя в грекоподобном тексте, то их подробное досье лишь подтверждает мысль о языко-

вом хаосе, в котором собственный строй немислим. Другими словами, полагая свою цель в том, чтобы отыскать источники семитизмов, исследователи не замечают, как достигают и другую цель — утверждают факт пушей испорченности языка библейских источников посредством констатации чуждых тексту элементов, заимствованных из еврейского текста, из арамейских таргумов, из текста LXX (для текстов НЗ), из какого-то неведомого устного языка и т. д. Это нисколько не вносит в сокровищницу понимания текста, а скорее, наоборот, удаляет от искомой целостной системы лингвистических координат, в которой можно было бы исчислить грамматические и семантические феномены новозаветного текста. Если же таковая система, таковое нормативное единство, отсутствует, то текст распадается на элементы и предстает в виде эклектичного набора языковых явлений, не сочетающихся друг с другом и не образующих отдельной и самостоятельной языковой стихии; в хаосе нет опорных точек для определения значений и соответственно для интерпретации смыслообразования, но именно этот хаос и констатируется, когда семитизмы рассматриваются как нарушения какой-то аутентичной греческой нормы.

Некогерентность схемы: множественность источников семитизмов

В случае анализа текстов НЗ исследователи зачастую попадают в замкнутый круг, поскольку анализируемые грамматические феномены в большинстве случаев могут быть возведены сразу к нескольким источникам. Это обусловлено тем, что, во-первых, для арамейских таргумов и LXX единым источником является текст Еврейской Библии (соответственно отдельно взятый феномен текста НЗ зачастую может быть одновременно гебраизмом, арамеизмом или септуагинтизмом); во-вторых, как LXX, так и исконно греческие тексты используют внешне один и тот же лексический материал и иногда обнаруживают совпадения на уровне синтаксиса (соответственно одно и то же грамматическое явление новозаветного текста, особенно на лексическом и микро-синтаксическом уровне, может быть идентифицировано одновременно и как септуагинтизм, и как грецизм); в-третьих, нельзя исключить возможность, что на греческий папирусный материал или на какую-то его часть оказал влияние язык LXX (соответственно никакого выхода за пределы семитского материа-

ла папирусы в таком случае не дают); в-четвертых, один и тот же новозаветный автор мог быть основательно знаком сразу с несколькими лингвистическими источниками, например с текстами LXX и их древнееврейским оригиналом, и тогда грамматические семитизмы в его узусе могут быть одновременно септуагинтизмами и гебраизмами, и т. д. Эта двусмысленность (а иногда и трех-, и даже четырехсмысленность) в свою очередь открывает новое поле исследования: отделить септуагинтизмы от гебраизмов, гебраизмы от арамеизмов, септуагинтизмы от грецизмов, и т. д., что само по себе не означает нахождения ответа на вопрос: как возможен текст на ненормализованном языке, тем более в традиционной среде? — и подменяет важную задачу: определить аутентичный статус текста для понимания его места в лингвокультурной ситуации.

Некогерентность схемы: первоисточники не для всех текстов

В русле семито-ориентированного направления особое место занимает вопрос о первоисточниках, то есть о семитоязычных оригиналах, якобы послуживших основанием для некоторых новозаветных текстов (в особенности Евангелий). В случае с LXX вопрос о первоисточниках для большинства текстов не возникает ввиду полной очевидности процесса переводческой работы. При таком подходе нарушения нормы, то есть восходящие к семитскому оригиналу особенности греческого текста, разрушающие целостность греческой референтной системы, как будто получают некоторое ценностное оправдание, ввиду того что главной целью переводчиков было не соблюдение греческих языковых стандартов, а стремление с точностью передать культурно и религиозно значимый исходный текст. Вероятно, такой ход рассуждения мог бы сыграть свою роль в оправдании как исследователей, так и авторов (на последних, впрочем, все равно ложится тень от не вполне корректно исполненной лингвистической работы). Однако в ситуации с поисками оригиналов остается непонятной избирательность исследовательского внимания: семитизмы, то есть потенциальные признаки арамейского или древнееврейского оригинала, в различной степени присутствуют практически во всех текстах корпуса LXX и НЗ; однако существование оригиналов в подавляющем большинстве случаев исследователи-«гебраисты» пытаются доказать только для Евангелия

от Матфея и Евангелия от Марка (реже для Апокалипсиса)¹. По законченной семито-ориентированной логике концепция оригиналов должна быть распространена на все тексты, имеющие семитизмы и относящиеся к данному кругу (в случае НЗ это все остальные Евангелия, Деяния, послания, огромное число текстов, не вошедших в новозаветный канон), однако полное отсутствие исторических свидетельств, так же как и некое необъяснимое лингвистическое чувство заставляет приверженцев гебраистского направления не вполне последовательно в поисках семитоязычных источников ограничиваться только авторами двух первых Евангелий.

В случае, например, автора Евангелия от Луки некорректность такого допущения выглядела бы особенно рельефной: автор третьего Евангелия, эллински образованный и начитанный, засвидетельствовавший в предисловии умение писать по-гречески безупречно, тем не менее создает свое сочинение путем компилирования заведомо варварских текстов, при этом получается, что он, проявляя незаурядное писательское мастерство в сфере композиции, изменяет структуру своих источников, однако неизменно сохраняет и даже лично преломляет свой варварский источник, а иногда даже дополняет откровенно семитскими чертами свой текст. Здесь для преодоления возникающих противоречий снова напрашивается идея простоты и неискушенности автора-компилятора, однако одновременно всеми признается, что автор третьего Евангелия не может быть заподозрен в такой простоте и неискушенности. По всей видимости, в этом случае семито-ориентированная теория в поисках оригиналов как источников семитизмов заходит в концептуальный тупик.

Некогерентность схемы: неконтролируемая интерференция в письменном тексте

Синтезом научных (как семито-, так и эллино-ориентированных) представлений, объясняющих процесс проникновения семитизмов в библейский текст, выступает идея языковой интерференции и свя-

¹ Только в отношении автора первого Евангелия в христианской традиции сохранилось указание на семитский след его работы. По свидетельству Паппия Гиерапольского (первая половина II в.), «Матфей составил на еврейском языке запись речений [Иисуса Христа], а перелагали их на греческий язык кто как смог» (см.: *Eusebius. Historia ecclesiastica*. III. 39, 16).

занного с ней явления билингвизма, суть которых состоит в признании того, что, во-первых, авторы были знакомы как минимум с двумя языками — греческим и каким-то семитским, и, во-вторых, что в процессе создания греческих текстов имело место калькирование семитских языковых моделей, навязанных семитоязычным сознанием авторов¹. Однако скептическое отношение к данному способу объяснения семитизмов возникает незамедлительно, поскольку в основании понятия билингвизма положено одно из фундаментальных заблуждений традиционной лингвистической теории, заставляющее исследователей от начала идти по неправильному пути. Оно состоит в признании, что письменный язык является прямым отражением устного и что в письменном тексте (скажем, масштаба Евангелий) можно непосредственно видеть некий разговорный узуз и спонтанное пользование языковыми моделями².

Вполне очевидно, что создание письменного нарративного текста представляет собой процесс гораздо более опосредованный, чем тот, который обыкновено представлен в теории новозаветного билингвизма. Написание нарратива, подобного евангельскому, предполагает такой уровень рефлексии и отбора языковых средств, таких затрат времени и сил, что автор с неизбежностью успевает осознать свои возможности и способности. Соответственно он успевает понять, что если «язык», на котором он пишет, ему незнаком, то и писать на нем незачем, — ничего, кроме вреда самому себе и коммуникативной цели такого литературного творчества, из этого не проистечет. Так, невозможно представить, чтобы автор, едва знакомый с английским языком, взялся за создание англоязычной повести, адресованной англоязычной аудитории. Очевидно, что литературное творчество пред-

полагает совершенно иное использование вербальных клише и отношение к ним со стороны автора, чем то, которое явно и имплицитно констатируется понятием «билингвизм». Прежде всего, следует признать, что использование лингвистических средств при создании литературного текста опосредованно и рефлексивно, а это в свою очередь означает, что новозаветные авторы осознанно употребляли те или иные языковые модели, соответственно о спонтанном проникновении языковых феноменов из разговорной среды в литературный текст не может быть и речи.

Некогерентность схемы: осознанная порча текста

В таком случае возникает следующая картина: семитизмы, то есть языковые модели, не способные нормализоваться в греческом литературном тексте, благополучно преодолевают стадию авторской рефлексии и осознанно (со стороны автора) попадают в его пространное письменное сочинение. Объяснения этой ситуации, пожалуй, можно было бы снова найти в допущении, что каждый из авторов создавал свой текст впервые в жизни, не видел перед собой никакой аудитории и вообще не отдавал себе отчета в том, что он делает¹. Однако столь радикальные концепции, по-видимому, излишни.

Осознанные семитизмы в евангельском повествовании (и в других сочинениях новозаветного корпуса) гораздо проще объяснить тем, что для авторов текстов и для их аудитории языковые модели, посредством которых создавались эти сочинения, были *общепринятыми, общепонятными и нормализованными*. Авторы попросту не могли создавать письменные тексты, заранее зная, что обречены на осуждение за «малограмотность» со стороны аудитории. Это в свою очередь означает, что «неправильности», признаваемые как таковые в семито- и эллиноцентричных схемах и получившие теоретическое объяснение в концепции билингвизма, не выглядели таковыми на взгляд аутентичных участников лингвистической ситуации — традиционного сообщества грекоговорящих иудеев (ср. современную православную

¹ Наиболее полным сводом современных представлений в духе билингвизма является уже упомянутая работа: *Horsley G. H. R. The Fiction of «Jewish Greek» // New Documents Illustrating Early Christianity. V 5. Linguistic Essays. New South Ryde: Macquarie University, 1989. P. 5–40*, а также: *Silva M. Bilingualism and the Character of Palestinian Greek // Biblica 61 (1980). P. 198–219*.

² Так, рассуждения Horsley о калькировании семитских языковых моделей опираются на наиболее авторитетное исследование в области билингвизма: *Weinreich U. Languages in Contact. The Hague, 1953, repr. 1974*, — автор которого, по признанию самого же Хорсли, исследует не письменные тексты, а явления спонтанной устной речи: «...те примеры отступления от норм языка, которые появляются в речи билингв как результат их знакомства с более чем одним языком» (см.: *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 7*).

¹ Отчасти так и происходит в рассуждениях о недостаточных литературных горизонтах авторов (см., например, Мултон и др.), о единственном образце текста, который они имели перед собой в виде LXX (см., например: *Лезов С. Библейское повествование и повествование Mk // Библия: литературные и лингвистические исследования. Вып. 1. М.: РГГУ, 1998. С. 280–297*).

практику использования церковнославянского языка и отношение к нему сообщества верующих, см. об этом далее п. 4.7).

Некогерентность схемы: Иосиф и Лукиан смогли, а новозаветные авторы не смогли

Камнем преткновения теории билингвизма в отношении новозаветной (и шире — эллинистической) языковой ситуации всегда остаются ее аутентичные участники, о которых имеется достаточно сведений, чтобы сформировать вполне определенную картину их лингвистической деятельности.

Прежде всего, речь идет об иудейском историке Иосифе Флавии (I в. н. э.), современнике создателей новозаветных текстов. Его пример с очевидностью обнаруживает, насколько опосредован процесс создания письменного текста, а также насколько адекватны отношение автора и аудитории в ситуации создания письменного текста.

Родным языком иудейского историка был арамейский («язык, на котором у нас говорят»), к тому же, по его собственному признанию, он хорошо знал древнееврейский язык («наши священные книги»). По-гречески, опять по его же признанию, говорил он плохо, а греческую грамматику изучал, читая сочинения греческих авторов. Показателен тот факт, что в весьма значительном корпусе его грекоязычных сочинений количество семитизмов, допущенных арамеоязычным автором и обнаруженных затем скрупулезными исследователями, стремится к нулю¹. Та же ситуация наблюдается с сироязычным Лукианом, автором многочисленных сочинений, написанных на чистейшем аттическом диалекте.

¹ Английский исследователь Теккерей обнаружил у Иосифа Флавия один семитизм («плеонастическое *arkhomai*»), который, впрочем, встречается у Ксенофонта, как было замечено ранее Ханкином (см.: *Hunkin J. W. Pleonastic *arkhomai* in the NT // Journal of Theological Studies 25 (1924). P. 390*), с которым Теккерей соглашается, см.: *Thackeray H. St. J. An Unrecorded "Aramaism" in Josephus // Journal of Theological Studies 30 (1929). P. 364, 369–370*. Этот случай Теккерей считает «разговорным выражением, не вполне обычным для просторечного греческого, но которым могли, в определенных обстоятельствах, воспользоваться авторы, имеющие претензии на стиль» («It was a colloquialism not so foreign to Greek speech but that it could pass muster, in certain circumstances, with writers having pretensions to style», p. 370).

Некогерентность схемы: неопосредованные письменные тексты вне какой-либо традиции и аудитории

Объяснение факта семитского лингвистического бэкграунда автора, с одной стороны, и полного отсутствия семитизмов в его текстах, с другой, по-видимому, непосредственно связано с тем, что Иосиф Флавий (так же как и Лукиан) создавал свои сочинения для эллинской аудитории в русле литературной традиции, предполагавшей эллинистически правильное пользование греческими вербальными клише («Я взялся за настоящее сочинение [«Иудейские древности»], полагая, что содержание его будет достойно возбудить к себе интерес со стороны греков», — *Иосиф Флавий. Иудейские древности. Предисловие, 2*). Если бы арамеоязычный Иосиф оснастил свой греческий текст семитизмами или позволил бы себе дословно цитировать LXX, вместо того чтобы пересказывать ее на литературном греческом языке, то, по-видимому, ни один эллинский читатель не посчитал бы его эллинским писателем, имеющим право посягать на участие в греческой литературной традиции. Именно поэтому с точки зрения греческой топики и комбинаторики (то есть «нормы» употребления греческих вербальных клише) иудейский историк явил себя в своем тексте подлинным эллином.

Пример Иосифа Флавия позволяет констатировать опосредованность и рефлексивность при пользовании чужими вербальными клише, независимость литературного «языка» от чуждого по структуре родного «языка» автора — будь то язык разговорный или литературный, также констатировать факт существования аутентичного способа создания текста и общепринятость этого способа для автора и аудитории, а кроме того, констатировать факт авторитетной литературной традиции, в которой благодаря общепринятым языковым практикам адекватно реализует себя пишущий и читающий.

По-видимому, в лингвистической ситуации библейских текстов следует констатировать те же черты, что и в случае Иосифа Флавия. Несмотря на это, септуагинтальная и новозаветная лингвистическая ситуация ввергается в хаос посредством *концепции билингвизма* (отражающей, нужно заметить, суть как эллино-ориентированной, так и семито-ориентированной позиций), которая:

отрицает авторскую рефлексивность над используемыми языковыми клише при создании письменного текста («как думали по-арамейски, так и написали по-гречески»);

отрицает опосредованность связи письменного языка с разговорным («как говорили на ломаном греческом, так и написали»);

отрицает, кроме того, сам факт существования принятых литературных практик создания текстов («никто никогда нигде так не писал»);

отрицает факт общепринятости языковых моделей для автора и аудитории («никто никогда нигде не ожидал такого от авторов»);

и, наконец, отрицает какую-либо культурную и литературную традицию, для которой такой способ создания текстов был бы аутентичным («авторы/переводчики, явившись ниоткуда, были в полном литературном и культурном одиночестве, творили ни для кого»).

ГЛАВА 2

ТЕОРИЯ БИЛИНГВИЗМА В ОПИСАНИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА КАК СЛЕДСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНО- ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ

В главе представлены теоретические последствия применения структурно-языковой модели, в рамках которой теория билингвизма становится главной объяснительной концепцией, позволяющей интерпретировать лингвистические особенности библейских текстов. Две наиболее известные и характерные статьи (авторы М. Сильва и Дж. Хорсли), специально посвященные лингвистическим вопросам библейских исследований, затрагивают прямо или косвенно все дискуссионные аспекты статуса библейских текстов. Оба автора, вовлекая концепцию билингвизма в свои описательные схемы, используют в качестве главного теоретического инструмента понятие «язык», которое вбирает в себя все сущностные свойства структурно-языковой парадигмы.

2.1. Концепция билингвизма в теории библейского стиля М. Сильвы

Статья Мойсеса Сильвы «Билингвизм и особенности палестинского греческого»¹ представляет собой одну из наиболее авторитетных попыток объяснить лингвистические особенности Нового Завета². В общих чертах особенностями признаются такие характеристики текста, которые не встречаются в иных текстах за пределами

¹ См.: *Silva M. Bilingualism and the Character of Palestinian Greek // Biblica 61 (1980). P. 198–219.*

² Статья многократно цитировалась исследователями (например: *Horsley G. H. R. Op. cit. 1989. P. 2*) и воспроизведена в сборниках, посвященных лингвистическим проблемам библейского текста (см., например: *Biblical Greek Language and Linguistics /Eds. S. E. Porter, D. A. Carson. Sheffield, 1991*).

новозаветного корпуса и около-новозаветной литературы и по сложившейся традиции именуется семитизмами.

Спор Тумба и Вергота: что такое «язык иудеев, говоривших по-гречески»?

Статья открывается констатацией проблемы: «В своей несомненно выдающейся статье о «библейском греческом» Жан Вергот¹ признает абсурдной точку зрения Альберта Тумба², согласно которой язык иудеев, говоривших по-гречески, не испытал на себе заметного влияния их родного языка»³. Соглашаясь с абсурдностью такой позиции Тумба, М. Сильва считает своей задачей прояснить вопросы лингвистической терминологии и указать на причины этих разногласий, в основании которых, как он считает, лежит неточность в различении *langue* («языка») и *parole* («речи»). Ввиду этого два автора, Тумба и Вергот, не соглашаясь друг с другом, возможно, говорят о разных вещах. В своей статье Сильва обещает продемонстрировать, что современная критика так называемого дайссманнизма движется в неверном направлении и терпит неудачу.

Дайссманн и его критики

В первой части статьи, говоря о позиции Дайссманна и его критиков, Сильва отмечает, что подход немецкого исследователя обвиняли в крайностях, однако все предложенные впоследствии замечания и коррекции его взглядов допускались самим же Дайссманном.

Точки зрения, высказанные критиками, не представляют единства, но сводятся к ряду частных вопросов, среди которых нужно выделить следующие.

¹ См.: *Vergote J. Grec biblique // Dictionnaire de la Bible, Supplément 3. Paris, 1938. Col. 1367.*

² Обращает на себя внимание причина, по которой А. Тумба не видит в «языке иудеев» следов их «родного языка»: существование особого иудейского греческого невозможно признать ввиду того, что Иосиф Флавий и Филон писали на совершенно правильном греческом языке (см.: *Thumb A. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beitrage zur Geschichte und Beurteilung der Κοινη. Strasburg, 1901. S. 125–126.*)

³ *Silva M. Bilingualism and the Character of Palestinian Greek // The Language of the New Testament. Classic Essays / Ed. S. E. Porter. London, 1991. P. 205.*

В отношении койнэ в целом:

1. Место койнэ в истории греческого языка.
2. Возможность диалектных различий внутри койнэ.

В отношении александрийского койнэ:

3. Природа греческого языка, на котором говорили египтяне.
4. Природа греческого языка, на котором говорили александрийские иудеи.
5. Природа греческого языка LXX (если возможно признать его единством).
6. Отношение между греческим языком LXX и языком александрийских иудеев.

В отношении койнэ в Палестине:

7. Общая лингвистическая ситуация в Палестине (более конкретно: на каком языке говорил Иисус?).
8. Природа греческого языка, на котором говорили палестинские иудеи.
9. Природа новозаветного греческого (если возможно признать его единством).
10. Отношение между новозаветным греческим и языком палестинских иудеев (включая вопрос о возможности «переводного греческого»).
11. Влияние живого арамейского (или древнееврейского) субстрата на новозаветных писателей.
12. Влияние LXX на новозаветных писателей¹.

Позиция Дайссманна: «общепринятый греческий язык с восточными родовыми пятнами»

Приступая к защите Дайссманна, Сильва делает оговорку, что его более ранние взгляды, вызванные восторженной реакцией на открытие папирусов, несколько попирают факты. Сам Дайссманн в позднейших работах это признавал². Поэтому Сильва обращается к более поздним его работам, в которых немецкий исследователь, в частно-

¹ См.: *Silva M. Op. cit. 1991. P. 206–207.*

² Так, высказываясь о переводном греческом, он замечает: «Ранее я сам был менее сдержан в выражении своего мнения по этому вопросу, чем вынужден быть сейчас» (*Deissmann A. The Philology of Greek Bible: Its Present and Future. London, 1908. P. 51.*)

сти, замечает, что библейский греческий «должен быть строго отделен от всего того, что так любят называть просторечным греческим (profane Greek)»¹. По замечанию Дайссманна, до открытия папирусов «мы значительно преувеличивали число гебраизмов и арамеизмов в Библии», но «ни одному из современных исследователей не могло прийти в голову отрицать существование семитизмов... То, что мы действительно отрицаем, — что семитизмы, прежде всего содержащиеся в Новом Завете, могут составлять основание для признания отдельного языка священных текстов. Наше мнение о библейском языке сложилось на основе констатации его многочисленных совпадений с общепринятым языком, а не нескольких отличий от него. Семитизмы не выносят Библию за пределы греческой филологии; они являются скорее родовыми пятнами. Они показывают нам, что в этой великой космополитичной Книге на общепринятом греческом языке говорили люди, родина которых лежала на Востоке»².

Таким образом, заключает Сильва, позиция А. Дайссманна совершенно ясна: хотя некоторые особенности новозаветного греческого выдают тот факт, что эти тексты были написаны авторами семитского происхождения, количество этих особенностей все же не настолько значительно, чтобы строго отделить библейский от небиблейского греческого или поставить эти тексты вне сферы компетенции греческой филологии³.

Мултон: «общепринятый греческий язык под действием факторов образования авторов, их намерений и степени зависимости от иноязычных оригиналов»

Далее Сильва отмечает, что последователь Дайссманна Дж. Х. Мултон также делал шаги в сторону признания особенностей, свойственных различным диалектам койнэ, но считал, что «такие тексты, как греческая Библия, предназначенные для всеобщего понимания, использовали язык, который избегал местных особенностей... Для исполнения почти всех задач нашего исследования эллинистический греческий можно рассматривать как единство, которому не-

¹ См.: *Deissmann A.* The Philology of Greek Bible: Its Present and Future. London, 1908. P. 44

² См.: *Deissmann A.* Op. cit. P. 62–63, 65.

³ См.: *Silva M.* Op. cit. P. 208.

свойственно варьирование, за исключением факторов образования авторов, их намерений учитывать или не учитывать особенности литературного языка и степени их зависимости от иноязычных оригиналов»¹.

Сильва подчеркивает в этих словах акцент Мултона на единстве языка, которое допускается последним не в абсолютном смысле, а в специальных целях грамматического описания².

Направления критики взглядов Дайссманна

Критика позиции Дайссманна осуществлялась в разных направлениях. Сильва выделяет, во-первых, тех, кто пытался представить папирусы (на основании которых Дайссманн строил свою концепцию аутентично греческого языка Нового Завета) подверженными семитскому влиянию (со стороны многочисленного иудейского населения Александрии или самого египетского языка, близкого к семитским), следовательно, не дающими полноценной картины чисто греческого койнэ³.

Во-вторых, он выделяет тех, кто не признавал существования особого диалекта греческого языка, на котором могли говорить эллинизированные иудеи, но считал, что стиль новозаветных авторов тесно связан с иудейской синагогой⁴.

В-третьих, Сильва выделяет позицию Найджела Тёрнера, который, особенно в своих позднейших синтаксических исследованиях, признавал радикальные отличия между языком папирусов и Нового Завета на основе огромного числа случаев⁵. Он соглашался с вероятностью того, что библейский греческий отражает разговорный язык грекоговорящих иудеев, а также считал возможным говорить о существовании так называемого «языка Святого Духа». «Теперь мы должны согласиться с тем, что в случае Писаний не только материал исследования является уникальным, но что уникальным является-

¹ *Moulton J. H.* Prolegomena. Vol. 1 // A Grammar of NT Greek. Edinburgh. 1908. P. 40.

² См.: *Silva M.* Op. cit. P. 208.

³ К этим авторам относятся J. Vergote, L.-T. Lefort, F. T. Gignac.

⁴ Например: *Wifstrand A.* Stylistic Problems in the Epistles of James and Peter // *Studia Theologica* 16 (1947). P. 170–182.

⁵ См.: *Turner N.* A Grammar of NT Greek. V. 3. Syntax. Edinburgh, 1963.

ся также язык, на котором они написаны или переведены»¹. Мэтью Блэк, сторонник арамейского направления в новозаветных исследованиях, приветствовал взгляды Тернера, замечая, что «язык грекоговорящей синагоги, как и древнееврейский язык Ветхого Завета, который и придал ему особую форму (moulded), с самого начала был отдельным языком; библейский греческий — особый язык особого народа»².

Ключ к примирению точек зрения: билингвизм и дихотомия «язык—речь»

Таким образом, продемонстрировав различные точки зрения на природу новозаветного греческого, то есть обозначив проблему для рассмотрения в своей статье, М. Сильва переходит к вопросам лингвистической методологии, в которой, как ему представляется, содержится ключ к частичному примирению точек зрения путем уточнения используемой терминологии.

В качестве одного из основных препятствий на пути согласования позиций Сильва выдвигает «свободу, с которой слово “диалект” (или сходное выражение “особый язык”) используется представителями различных направлений»³. Несмотря на то что даже среди диалектологов отсутствует строгое определение диалекта (ввиду отсутствия четких критериев различения понятий «диалект» и «язык»), исследователям новозаветного корпуса нет смысла рассуждать, является ли новозаветный греческий особым диалектом, если они не пришли прежде к соглашению о том, что означает для них данное понятие. Определению понятий диалекта и языка (применительно к новозаветной ситуации), занимающих центральное место в этой оживленной полемике, по мнению Сильвы, должны способствовать рассуждения о природе билингвизма, а также сосюрская дихотомия «язык—речь»⁴. Раскрытию этих тем и терминов посвящена основная часть статьи.

¹ Turner N. Op. cit. 1963. P. 9.

² Black M. The Biblical Languages // The Cambridge History of the Bible. Vol. I / Ed. P. R. Ackroyd and C. F. Evans. Cambridge, 1970. P. 11.

³ Silva M. Op. cit. P. 211.

⁴ См.: Silva M. Op. cit. P. 213.

Теория билингвизма в проекции на новозаветный материал

Как отмечает Сильва, Вергот в своей работе «Библейский греческий язык» (1938) упрекает Тумба и Дайссманна за непонимание сущности билингвизма и предлагает достижения современной лингвистики в качестве верного средства преодолеть это непонимание. Если во время написания работы Тумба исследования в области билингвизма находились в начальной стадии, то уже в 1950-х гг. вышло несколько работ, специально посвященных этому языковому явлению. Исследования в области билингвизма имеют прямое отношение к выяснению сущности палестинского греческого, хотя они до сих пор (то есть к 80-м гг. прошлого века) оставались практически не затронутыми в новозаветных дискуссиях. Таким образом, М. Сильва видит свою задачу в том, чтобы сначала представить общие принципы теории билингвизма¹, из которых им приводятся только четыре, имеющие непосредственное отношение к обсуждаемой теме.

Во-первых, невозможно напрямую сравнивать палестинскую ситуацию с той, что имеет место в среде, например, португальских иммигрантов в США, поскольку если португальский и английский имеют генетическое родство, то греческий и арамейский принадлежат к совершенно различным языковым семьям. Во-вторых, родной язык билингв (в данном случае португальский или арамейский) не подвергается влиянию в той же мере, в какой их второй язык (английский или греческий). В-третьих, совершенно разные социальные соотношения (иммигранты испытывают на себе давление доминирующего языка, в отличие от говорящих на родном языке своей страны) воздействуют на языковое поведение билингв. В-четвертых, следует иметь в виду различные уровни индивидуальной языковой компетенции внутри каждой из групп².

¹ См.: Silva M. Op. cit. P. 213.

² См.: Beziens M., Overebeke M. van. Le bilinguisme: Essai de définition et guide bibliographique. Cahiers de l'Institut des Langues Vivantes, 13. Louvain, 1975. Авторы используют в своей работе три основных критерия: отношение между языками, которые используются билингвами, способ усвоения этих языков, уровень образования. См. также: Oksaar E. Bilingualism // Current Trends in Linguistics 9. The Hague, 1972; Cohen A. D. Assessing Language Maintenance in Spanish Speaking Communities in the Southwest // El Lenguaje de los Chicanos: Regional and Social Characteristics Used by Mexican Americans. Arlington, 1975.

Наиболее значимым положением из приведенных Сильва считает второе, ссылаясь на точку зрения Э. Хогена, согласно которой влиянию подвергается родной язык того, кто усваивает чужой язык, а не наоборот. Так, английский язык вообще не подвергается влиянию языков, на которых говорят иммигранты, но их языки, наоборот, испытывают влияние английского. Причина, по которой это происходит, состоит в различной престижности языков, на которых говорят билингвы. Соответственно влияние идет от более престижного в сторону менее престижного¹. Здесь Сильва подмечает, что, согласно такой точке зрения, Тумб и Дайссманн скорее должны были признать влияние греческого на арамейский или древнееврейский, а не наоборот². Действительно, как отмечает Сильва, эти языки (вместе с коптским) испытали на себе сильнейшее влияние греческого. Однако интересно, что уже упомянутый Хоген по поводу схожей ситуации говорит, что языки иммигрантов, несмотря на заимствованные слова и иноязычные выражения, не оказывают влияния на английский. Сам же Дайссманн отмечал, что присутствие латинизмов и семитизмов в греческом представляет собой лишь небольшие трофеи, взятые победителем у побежденного³. Прежде чем перейти к изложению своей центральной лингвистической идеи, Сильва приводит еще одно суждение Хогена в том же ключе: «Те, кто изучает неродной язык на наших собственных занятиях иностранным языком, или даже взрослые иммигранты используют язык, который они учат, неправильно. В их случаях имеет место обоюдное воздействие между двумя языками. Но те инновации, которые они производят в изучаемом языке, не распространяются на тех, для кого этот язык является родным, в то время как инновации, производимые в их родном языке, наоборот,

¹ См.: *Haugen E.* The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. Philadelphia, 1953. II. P. 370. Впрочем, концепция престижности для определения направления влияния неоднозначна (см.: *Hope T. E.* Lexical Borrowing in the Romance Languages: A Critical Study of Italianisms in French and Gallicisms in Italian from 1100 to 1900. Oxford, 1971. II. P. 722–723).

² Подобным образом К. Рабин замечает, что «в действительности сам греческий повлиял на древнееврейский и арамейский» (см.: *Rabin C.* Hebrew and Aramaic in the First Century // *The Jewish People in the First Century* / Ed. S. Safrai, M. Stern. 2 vol. CRINT, Assen-Amsterdam, 1976. V. 2. P. 1024).

³ См.: *Deissmann A.* The Philology of Greek Bible: Its Present and Future. London, 1908. P. 42.

распространяются»¹. Другими словами, то, что верно для изучаемого языка в целом, необязательно свойственно конкретным индивидуальным практикам билингв, изучающих данный язык.

Язык и речь: языковая система и индивидуальные употребления

Наконец, Сильва констатирует: приведенные факты указывают на известное сосюроевское разделение между *языком* и *речью*; первый отсылает к абстрактной лингвистической системе в сознании сообщества говорящих, в то время как вторая описывает актуальные речевые употребления отдельных говорящих. Сегодня, несмотря на критику, сосюроевская дихотомия представляет собой основание многих точек зрения. Например, Дж. Лайонз отмечает: «Лингвисты будут спорить о степени абстракции и идеализации, присутствующей в постулировании относительно единообразной языковой системы; многие из них будут отрицать, что система, которую они постулируют, присутствует как таковая в сознании аутентичных носителей языка, который они описывают. Но большинство современных лингвистов все же проводят нечто подобное разделение между языком-поведением, с одной стороны, и системой элементов и отношений, лежащих в основе этого поведения, — с другой»². Так, речевая ошибка есть нечто свойственное *parole*, а не *langue*. Соответственно индивидуальный говорящий может делать ошибки при говорении на чужом языке (*parole*) вследствие интерференции из своего родного языка, но эти ошибки не являются регулярными, не становятся частью системы (*langue*)³.

Спор Тумба и Вергота: «первый говорил о языке, второй о речи»

Далее Сильва возвращается к спору Вергота с Тумбом, указывая, что точка зрения последнего имеет в виду *langue*. Она кажется Верготу абсурдной именно потому, что сам он имеет в виду *parole*. Кроме то-

¹ *Haugen E.* The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. Philadelphia, 1953. II. P. 371.

² *Lyons J.* Semantics. 2 vol. Cambridge, 1977. V. 1. P. 239.

³ См.: *Silva M.* Op. cit. P. 216.

го, следы этой дихотомии прослеживаются во многих случаях, из которых Сильва указывает на Дайссманна, который, следуя введенному Г. Раулем разделению на «*usuelle*» и «*momentane Anomalien*», утверждает, что синтаксические семитизмы LXX были скорее окказиональными, чем вошедшими во всеобщее употребление (то есть не являлись частью языковой системы)¹. В том же ключе сам Вергот подчеркивает «индивидуальный характер языка билингв»².

Далее, уповая на то что такой подход может прояснить многие неясности существующих споров, Сильва переходит к изложению сущности alexandrianского и palstinianского билингвизма.

Александрийский билингвизм: «отсутствие стабильного языкового строя»

В отношении alexandrianского билингвизма Сильва полемизирует с позицией Генри С. Джемена³, являющегося сторонником идеи особого языка — «иудейского греческого, который использовался в синагогах и в религиозных кругах». «LXX отражает язык грекоговорящих иудеев». «На билингвальных территориях немногие могут говорить в совершенстве на обоих языках, наоборот, подавляющее большинство (*the masses*) не могут четко разделять идиомы этих языков, как можно наблюдать на примере языковых областей в нашей стране (Соединенных Штатах Америки. — А. В.). Всегда существует затруднение при переходе от одного языка к другому; в переходный период одно поколение обладает поверхностным знанием языка своих предков, не будучи всецело погруженным в новый язык».

Сильва критикует Джемена за неопределенность термина «*Jewish Greek*», за ошибочно постулируемую Джеменом стабильность и единство языка LXX. Кроме того, Джемен предполагает, что некоторые пассажи LXX могли быть понятны только тем, кто знаком с иудейским греческим или собственно древнееврейским, в то вре-

¹ См.: *Deissmann A.* Hellenistisches Griechisch // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung.* Stuttgart: J. B. Metzler, 1894–1980. 3rd ed. VII. S. 637.

² *Vergote J.* Grec biblique / *Dictionnaire de la Bible, Supplément 3.* Paris, 1938. Col. 1366.

³ См.: *Gehman H. S.* The Hebraic Character of Septuagint Greek // *Vetus Testamentum 1* (1951). P. 81–90.

мя как сам же Джемен показывает, как такие места понимались грекоязычным читателем. Описание alexandrianского билингвизма Джемен иллюстрирует современным состоянием того же явления в США, тогда как именно такого положения дел (в частности, «переходного периода») в реальной ситуации (в том числе в США), как подчеркивает Сильва, наблюдать невозможно. Так, дети иммигрантов сразу же усваивают новый язык как родной и владеют им в совершенстве, минуя стадию плохого знания и неполного погружения в новый язык.

«Мне неизвестны, пишет Сильва, какие-либо исследования, которые утверждали бы существование особого диалекта английского языка в среде иммигрантов. Другими словами, предполагаемый иудейский греческий диалект (или как бы мы ни называли эту единую и устойчивую форму языка) в Александрии, как видно, не подтверждается современными исследованиями по билингвизму»¹.

Палестинский билингвизм: «отсутствие особого языкового строя»

Что касается палестинского билингвизма, то Сильва солидаризируется с точкой зрения Мартина Хенгеля, согласно которой греческий язык уже в III в. до н. э. был широко распространен на территории Палестины, а ко времени Иисуса Христа использовался населением повсеместно². Один из исследователей формулирует эту мысль так: «Знание греческого языка не было свойственно исключительно высшим кругам, подверженным влиянию греческой культуры, но обнаруживается во всех слоях иудейского общества и, конечно, в местах, граничащих с территориями, где в основном использовался греческий, например в Галилее»³. Вопрос о возможном особом характере палестинского греческого Сильва не обсуждает, склоняясь скорее к отсутствию особенностей.

¹ *Silva.* Op. cit. P. 220.

² См.: *Hengel M.* The «Hellenization» of Judaea in the First Century After Christ / *Tr. J. Bowden.* London; Philadelphia, 1989. P. 7.

³ *Sevenster J. N.* Do You Know Greek? How Much Greek Could the First Jewish Christians Have Known? // *Novum Testamentum, Supplementum, 19.* Leiden, 1968. P. 189.

«Библейский стиль — это *parole*»

Заключительную часть своей статьи Сильва посвящает понятиям *parole* и *style*, видя в них методологический ключ к решению споров, на которые было указано в начале статьи.

«Одним из заметных направлений в лингвистике последних двух десятилетий является внимание к *parole*, в отличие от почти исключительного интереса к *langue* предшествующих исследователей. Теперь, поскольку *style* может быть примерно определен как вариативность (*parole*), которую грамматика (*langue*) оставляет в стороне, вполне понятен новый интерес исследователей (также двух последних десятилетий) к стилю. Я полагаю, именно с этих позиций нужно вести обсуждение “библейского греческого”. Большинство дебатов подразумевают (часто это проявляется открыто), что различия между партиями можно установить арифметически, в зависимости от того, насколько значительно число семитизмов, установленных в тексте. Но это разделение может применяться только в том случае, если обе стороны имеют дело с одним и тем же лингвистическим явлением. Мне хотелось бы провести ту мысль, что в действительности они имеют дело с двумя различными уровнями лингвистического описания. Дайссманн, занимаясь грамматическими правилами (*langue*), правомерно настаивает на том, что новозаветный греческий не может быть обособлен от эллинистической формы языка. Тернер, посвятивший свои исследования синтаксическим феноменам — области грамматики, которая постоянно “вступает” в область стилистики (*parole*) — с определенностью видит индивидуальный характер библейского языка»¹.

«Основание библейского стиля — семитский способ мышления»

В поддержку такой точки зрения Сильва приводит суждения Тумба: семитский элемент в библейском греческом «проявляется по большей части в стиле и особенностях мышления и представления, а не в языке в собственном смысле этого слова»², а также А. Уиф-

¹ *Silva M.* Op. cit. P. 223–224.

² *Thumb A.* Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beitrage zur Geschichte und Beurteilung der Κοινή. Strasburg, 1901. S. 121.

странда: «Мы не можем обнаружить какой-то особый диалект, используемый эллинистическими иудеями; на уровне фонологии, словоупотребления, синтаксиса, морфологии и многих значений слов их языком было обычное койнэ... но во фразеологии, в способах построения предложения, в предпочтениях, которым они следовали в случаях, когда эквиваленты были доступны, — во всех этих вещах, которым авторы новозаветных грамматик уделяют меньше внимания, настоящим основанием [иудейских авторов] является, в подавляющем большинстве случаев, еврейский или арамейский способ мышления»¹.

«Единый язык, различные стили»

Сильва особо отмечает роль LXX в связи с рассуждениями о стиле. Признавая огромное влияние этого источника на новозаветных авторов, он обращает внимание на сферу, в которой оно проявляется: влияние сказывается не на языке (*langue*), а на стиле (*parole*). Сильва подчеркивает, что библейские тексты редко воздействуют на лингвистические навыки какого-либо сообщества (*seldom affect linguistic habits of a community*). В пример приводятся Библия короля Иакова (*King James Version*) и средневековые французские переводы. В обоих случаях влиянию подвергается область идиоматики, фразеологии, аллюзий, но не языковая структура (грамматическая или лексическая)².

В заключение Сильва отвечает на вопрос, можно ли говорить о существовании особого иудейского (или христианского) греческого языка (или диалекта): конечно, особый иудейский (или христианский) *стиль* существует, однако его следует отделять от *языка* койнэ — предмета исследования Тумба и других ученых³ из лагеря эллинистов. Этот *язык* не подвержен семитскому влиянию, он является общим и единым для всех, в том числе для новозаветных авторов.

¹ *Wifstrand A.* Stylistic Problems in the Epistles of James and Peter // *Studia Theologica* 1(1947). P. 181–182.

² См.: *Silva M.* Op. cit. P. 225.

³ См.: *Silva M.* Op. cit. P. 226.

«Разделение языка и речи»: игнорирование коммуникативной реальности

Таким образом, главная цель статьи — разрешить конфликт между позицией строгих эллинистов, представленных Тумбом («язык иудеев, говоривших по-гречески, не испытал на себе заметного влияния их родного языка»), и тех, кто, как Вергот, считает такое суждение «абсурдным», — достигается благодаря лингвистической интерпретации, которая состоит в проецировании на новозаветную языковую реальность соссюрковского разделения языка и речи. В результате вывод, что греческий язык, единый для всех новозаветных авторов, — это *langue*, а свойственный новозаветным авторам «библейский стиль» — это *parole*, выглядит исполнением примиряющей миссии: в самом деле, невозможно отрицать особенности новозаветных текстов, но верно и то, что они представляют собой всего лишь особенности стиля и не затрагивают тело языка. Согласно Сильве, каждый из исследователей по-своему прав в констатации лингвистической реальности, которая является им в различных аспектах: языковом или речевом.

Как видно, Сильва повторяет опыт Соссюра, выразившийся в итоговом ущемлении прав вербального коммуникативного процесса: как Соссюр для сохранения предметной (античной) теории, вопреки естественной коммуникативной реальности, постулировал в качестве главного объекта исследования не представленный в реальной коммуникации «язык», так Сильва, вопреки очевидным фактам «семитизмов», постулировал в качестве «языка» не представленное в новозаветных текстах греческое койнэ. Как Соссюр попытался вписать лингвистическую реальность в рамки античной предметной теории, добившись полного игнорирования естественных вербальных фактов, так Сильва попытался вписать лингвистическую реальность новозаветных текстов в соссюрговскую методологическую схему, добившись игнорирования их подлинной специфики.

Проследим некоторые наиболее важные моменты рассуждения М. Сильвы (см. пункты 1–4 ниже).

«Восточные родовые пятна» («стиль») не могут свидетельствовать о генетической чистоте «греческого тела» («язык»)

1. Прежде всего, следует отметить, что отношения между семитизмами и аутентичным «греческим языком» остались у Сильвы нерегулированными. Так, ранние взгляды Дайссманна, которые, как он отмечает, зачастую усваиваются исследователями без учета коррекции, предпринятой в позднейших работах самим же Дайссманном, воспринимаются Сильвой с отрицательным знаком: семитизмы в самом деле нельзя отрицать, с чем согласен и поздний Дайссманн. Однако их присутствие говорит лишь о восточном (семитском) происхождении людей (авторов), которые, несмотря ни на что, говорили на общепринятом греческом языке. Остается неясным: если по созданным новозаветными авторами текстам можно идентифицировать их «восточное происхождение», можно ли считать язык этих текстов «общепринятым греческим»? Так, если автор текста, написанного кириллицей, употребляет выражение «взять метро» вместо «поехать на метро», можно ли признавать, что он говорит на общепринятом русском языке? Другими словами, как возможны в текстах, написанных на «общепринятом языке», чуждые этому языку элементы в лексике, «во фразеологии, в способах построения предложения, в предпочтениях, которым новозаветные авторы следовали в случаях, когда [правильные греческие] эквиваленты были доступны», как указывал Вифштранд? В свою очередь, если в новозаветном тексте присутствуют «следы семитского сознания» авторов, устанавливаемые Сильвой и его единомышленниками по вербальным фактам, где же в таком случае «не запятнанное какими-либо следами *греческое сознание*», которое, согласно логике Сильвы, должно просматриваться в тексте, написанном на общепринятом греческом языке? По-видимому, общепризнанная «восточная узнаваемость» — существенная часть концепции Сильвы и его единомышленников — все же свидетельствует об инородности (некоторые авторы откровенно считают ее неполноценностью), то есть о не вполне удачной попытке думать и выражаться на «общепринятом греческом».

Как видно, обратившись за помощью к Соссюру, Сильва игнорирует «речевую деятельность», или естественный коммуникативный процесс. Именно об этом, вопреки очевидному, говорит пред-

ложенная им итоговая формулировка: язык, на котором говорили новозаветные авторы, не подвержен семитскому влиянию, он является общим и единым для всех. При этом семитизмы, сохраняющие свое присутствие в греческом тексте, все равно приходится объяснять, списывая их на семитское сознание авторов. Соответственно чтение написанных ими текстов приходится мыслить как работу читателя над авторскими ошибками, названными у Сильвы «следами семитского сознания». Замечу, что более прямолинейные интерпретаторы (на которых ссылается сам Сильва) на фоне упорства семитизмов находят необходимым апеллировать к недостаточной степени образованности новозаветных авторов, называть их далекими от учености и литературы, не заботящимися о чистоте греческого и пр. «Стиль» Сильвы, таким образом, представляется эвфемизмом, который не имеет под собой методологической строгости: восточные «родовые пятна» («стиль») не могут свидетельствовать о генетической чистоте «греческого тела» («язык»), а прямо наоборот.

«Новозаветные авторы, делая ошибки, все равно говорили на греческом языке»

2. Сильва убежден сам (и пытается убедить читателей) в правоте соссюрговской схемы, в которую факты естественной коммуникации вписываются откровенно небезупречным образом. Так, «греческий язык» воспринимается Сильвой как идеальный соссюрговский объект, существующий как будто вне авторов и текстов, по крайней мере новозаветных. В своем рассуждении Сильва доказывает, что индивидуальные ошибки «восточных людей» не затронули этот идеальный объект, не навредили ему, не поменяли его сущность (языковую систему): «Индивидуальный говорящий может делать ошибки при говорении на чужом языке (*parole*) вследствие интерференции из своего родного языка, но эти ошибки не являются регулярными, не становятся частью системы (*langue*)»¹. «То, что верно для языка в целом, необязательно свойственно конкретным индивидуальным практикам билингв»². «Синтаксические семитизмы LXX были скорее окказиональными, чем вошедшими во всеобщее употребление (то есть не

¹ Silva M. Op. cit. P. 216.

² Silva M. Op. cit. P. 215.

были частью языковой системы)»¹. Подобно тому, как на французский язык библейские выражения не оказали заметного влияния, затронув «почти исключительно лишь форму, а не его структуру», так и «истинная суть влияния LXX на НЗ раскрывается различением формы и структуры»², то есть разделением внешних черт (*стиль*) и глубинных закономерностей механизма *языка*. Таким образом, Сильве удастся констатировать, что греческий язык остался целым и невидимым (чистым) после прикосновения к нему восточных авторов. Именно поэтому, несмотря на *стиль* (который, нужно заметить, согласно Сильве, создан «ошибками» новозаветных авторов), язык, на котором они говорили и писали, — настоящий греческий, не подверженный семитскому влиянию, общий и единый для всех: «Конечно, существует семитизированный греческий стиль, или христианский греческий стиль, или даже христианский английский стиль. Мы можем привести суть вопроса к логичному и правомерному выводу, признав, что есть даже индивидуальные стили Павла или Иоанна (лучше сказать, «идиолекты»). Однако такие суждения со всей определенностью должны быть отделены от тех проблем, которыми были обеспокоены Тумб и его коллеги»³, то есть от проблем *языка*.

Казуистика такого рассуждения, позволяющая Сильве в итоге спасти язык — необходимый инструмент описания вербального процесса, и избавиться от нарушающих его целостность ошибок-семитизмов, признав их особым стилем этого языка, основана на соссюрговском признании реальности (или по меньшей мере методологической эффективности) идеального тела языка. Такой язык не нуждается в авторах и текстах, он существует сам по себе, он не подвержен индивидуальным влияниям. Именно его, по мнению Соссюра и Сильвы, следует видеть в кривом зеркале авторских коммуникативных практик, поскольку последние очевидным образом (посредством «семитизмов» в данном случае) искажают его правильный контур. Авторы все равно на нем говорят, даже если на основании их текстов мыслимым исследователем правильную систему никак невозможно констатировать. Замечу, что не последнюю роль в этом странном рассуждении играет не критично усвоенная Сильвой инструментальная

¹ Silva M. Op. cit. P. 217.

² Silva M. Op. cit. P. 225.

³ Silva M. Op. cit. P. 226.

метафора: восточные люди брали в свои руки некий инструмент, они пользовались им как могли и оставили то, что брали в руки, в прежнем виде, поскольку каждый по отдельности, согласно Соссюру, не может причинить вреда коллективному достоянию.

В целом непоследовательность рассуждения Сильвы состоит в том, что соссюровский язык (в данном случае представленный греческим) воссоздается по вполне конкретным параметрам (фонетическим, морфологическим, синтаксическим и др.), однако в тех случаях, где те же параметры, составляющие характерный контур «языка», оказываются нарушенными, Сильва игнорирует нарушения и соответственно не видит причин усомниться в существовании «общего и единого для всех языка». Другими словами, чтобы предъявить «язык» новозаветных текстов, эти тексты, по мнению Сильвы, следует избавить от элементов, которые несвойственны «языку», на котором эти тексты написаны, то есть чтобы установить язык этих «греческих» текстов, нужно читать другие (исправленные или вовсе чужие) тексты. Это подлинно соссюрианское рассуждение откровенно попирает коммуникативную реальность в интересах ошибочной теоретической схемы.

Игнорирование условности понятия «язык»: онтологизация «переходника»

3. В своих рассуждениях Сильва предпочитает не замечать значительной меры условности большинства понятий, которые используются для описания лингвистической ситуации. Различные «языки» и их варианты, которые упоминает Сильва («койнэ или чисто греческое койнэ», «александрийское и палестинское койнэ», «общепринятый язык», «язык папирусов», «родной и чужой язык авторов», «иудейский греческий», «арамейский и древнееврейский языки»), уже в рамках данного перечня не представляют строго и определенно разграниченных сфер лингвистических фактов, а обособленное существование различных «греческих языков» прямо противоречит идее единства.

Так, койнэ, в зависимости от избранного аспекта исследования, воспринимается различными авторами как собрание всех местных разговорных диалектов на грекоговорящих территориях избранного периода¹; как разговорный язык, служивший средством общения всех

¹ Например: *Kretschmer P.* Die Entstehung der Koine. Ed. K. Dieterich. Berlin, 1901.

жителей империи¹; как совокупность различных между собой литературного и разговорного вариантов²; как неопределенное единство всех лингвистических практик избранного периода³; как теоретическая фикция⁴ и др. Значение, которое сам Сильва придает этому понятию, скорее подразумевает строгое структурное единство, лежащее в основе панэллинского средства общения. Однако эта трактовка на практике неизбежно теряет свою строгость, обнаруживая условность и неполноту. Так, Сильва с одобрением цитирует Мулттона, который для исполнения задач своего исследования, с одной стороны, рассматривает эллинистический греческий как единство, но с другой, — допускает это единство «не в абсолютном смысле, а в специальных целях грамматического описания» (вспомним сказанное о процедуре ущемления коммуникативной реальности описательной схемой). Тот же Мулттон, подчеркивая единство новозаветного языка, был вынужден оговориться: этому языку несвойственно варьирование, за исключением факторов образования авторов, их намерений учитывать или не учитывать особенности литературного языка, степени их зависимости от иноязычных оригиналов. По-видимому, понятие «койнэ», ввиду различных трактовок и нестабильности употребления, все же не обладает единством, которое необходимо Сильве для законченности схемы. Полную параллель между *langue* и койнэ удастся провести только при условии нетождественного употребления понятия «койнэ», выступающего одновременно строгим—нестрогим единством, сущностным понятием—техническим термином, реально существующим—реально не существующим языком. Так, произнося формулу «языком Нового Завета является эллинистическое койнэ», Сильва имеет в виду «соссюровский концепт, созданный в интересах грамматического описания». Зато при употреблении другой формулы («эллинистическое койнэ представлено языком Нового Завета»

¹ Например: *Mayser E.* Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. 6 vols. Leipzig; Berlin, 1906–1938.

² Например: *Porter S. E.* The Greek of the New Testament as a Disputed Area of Research // *Biblical Greek Language and Linguistics* /Eds. S. E. Porter, D. A. Carson. Sheffield, 1991.

³ Например: *Horsley G. H. R.* The fiction of «Jewish Greek» // *New Documents Illustrating Early Christianity*. V. 5. 1989.

⁴ Например: *Froesen J.* Prolegomena to a Study of the Greek Language in the First Centuries A. D. The Problem of Koine and Atticism. Helsinki, 1974.

та») Сильва и его единомышленники вынуждены оговариваться («за вычетом семитизмов»), демонстрируя, таким образом, понимание койнэ как «конкретной формально представленной коммуникативной практики». Как видно, императив точности в восприятии койнэ, возникший из необходимости подтвердить соссюрговскую оппозицию *langue—parole*, встречается с коммуникативной реальностью и в попытках интерпретировать ее вынужденно теряет свой теоретический ригоризм. Койнэ как «строгое языковое единство» де-факто оказывается условно строгим, условно существующим, условно относящимся к новозаветным и любым другим текстам данного периода. Нужно заметить, что такая участь при встрече с коммуникативной реальностью постигает любой соссюрговский «язык», независимо от сферы и времени бытования.

Затем, александрийское и палестинское койнэ представлены Сильвой как равноправные образования, в то время как в Палестине, несмотря на громкие заявления М. Хенгеля¹, греческий язык был распространен весьма слабо (вероятно, немногим более, чем английский язык в современной Москве; в крайнем случае как французский язык в эпоху классической дворянской культуры в России), а Александрия была подлинно грекоговорящим городом, в котором значительную часть занимали живущие отдельно, но говорившие по-гречески иудеи. Стоит ли говорить, например, о «московском английском койнэ» в том же смысле, в каком можно говорить о современном «английском койнэ» Сиднея или Ванкувера? По-видимому, не замечаемая Сильвой условность этого соположения (палестинское койнэ и александрийское койнэ) не предоставляет достаточной теоретической базы для сопоставления их как возможных равноправных вариантов эллинистического койнэ.

Далее, упомянутый Сильвой «язык папирусов» представляет собой еще один «язык» (наряду, впрочем, с другими — родными и неродными для авторов арамейским, древнееврейским и пр.), который играет в лингвистических рассуждениях роль своеобразной козырной карты: своим авторитетным положением в теоретической схеме Соссюра (и принятой до него античной схеме) «язык» всегда «кроет» факты естественной коммуникации, подчиняя их риторическим целям и стратегиям исследователей. Например, формула «язык папи-

¹ См.: Hengel M. Op. cit. P. 3.

русов» произносилась Дайссманном как в ранний период его увлечения египетским материалом, так и впоследствии, когда он отказался от прямолинейного сопоставления папирусов и новозаветных текстов. Неизменным, однако, оставался единый вектор на признание «языка» новозаветных авторов просторечным и малолитературным: «Греческая Библия обрамлена пышным венком современных ей текстов. Помимо языка новозаветные писания близки к этим текстам еще в одном отношении: подобно последним, и первые так же мало желают быть “литературными”, как письма, протоколы и завещания Египта. Обе группы, в сущности, одинаково непосредственны, но в этой непосредственности кроется их ценность... Чем глубже будут проникать в тайники сознания людей того времени, тем больше будут понимать, как случилось, что написанное ἀγραμματοί («малообразованными некнижными людьми». — А. В.) в Новом Завете стало книгой всего человечества»¹. Впоследствии Н. Тернер, корректируя Дайссманна, продемонстрировал радикальные отличия между «языком» папирусов и Нового Завета на основе огромного числа случаев². Внимание исследователей впоследствии привлек и тот факт, что выводы Дайссманна о схожести «языка» папирусов (так называемого «народного койнэ») и новозаветных текстов были основаны на результатах почти исключительно лексического анализа, без привлечения других уровней организации текста³ (впрочем, иудейская специфика и в сфере лексики проявляется гораздо более значительно, чем полагал Дайссманн).

Все это говорит лишь о том, что «язык» имеет не абсолютное, а относительное значение, в зависимости от теоретической схемы («риторической игры»), в которую его вовлекает исследователь. Бесспорным остается только то, что имела место определенная коммуникативная практика аутентичных участников лингвистической ситуации, которые, строго говоря, не знали ни одного «языка» из известных исследователям: в действительности им были известны вербальные модели реализации коммуникативных ситуаций, то есть адекватные способы действия в актуальном непосредственно известном им коммуникативном пространстве. Интерпретировать ли их действия с помощью

¹ Deissmann A. The Philology of Greek Bible: Its Present and Future. London, 1908. P. 35.

² См.: Turner N. A Grammar of NT Greek. V. 3. Syntax. Edinburgh, 1963.

³ См.: Maloney E. C. Semitic Interference in Marcan Syntax. Michigan, 1981.

понятия «язык» (неясного, изменчивого, но всякий раз неизменно авторитетного в рамках античной теоретической схемы) или же с помощью иной описательной модели, не нарушающей право участников лингвистической ситуации переходить мнимо строгие границы «языков» и вообще их не знать? Характерно, что новозаветные авторы, знавшие о параметрах непосредственно созерцаемого коммуникативного пространства заведомо больше, чем последующие вторичные интерпретаторы, оказались «малообразованными», «далекими от литературы», «не заботящимися о способах выражения», как раз вследствие неисполнения тех требований, которые налагают на них соответствующие «языки». Другими словами, их «главным недостатком» было то, что они плохо владели «языками», которыми в совершенстве владеют современные интерпретаторы. Сильва, таким образом, как будто не желает заметить относительность и вторичность понятия «язык», его мнемотехническую, дидактическую, вспомогательную ценность, но, напротив, вслед за Соссюром, относится ко всем «языкам», о которых говорит, совершенно строго и серьезно.

«Не двуязычие, а двуречие»: спасти «язык», жертвуя авторами

4. Наконец, на фоне традиционного понимания билингвизма и той объяснительной миссии, которую исполняет эта концепция в интерпретации новозаветного материала, позиция Сильвы выглядит противоречивой: он, с одной стороны, прямо отрицает факт билингвизма в текстах НЗ, а с другой — подспудно вводит его, признавая следы семитского сознания и восточных особенностей в способах выражения.

Первое, по-видимому, объясняется желанием Сильвы видеть один единственный «язык» в новозаветном материале, в то время как признание билингвизма по определению вводит как минимум два «языка». Следовательно, это явление в новозаветном тексте следует декларативно отрицать (иначе последствия встречи и смешения койнэ еще с каким-то языком могут оказаться роковыми для соссюровской схемы). Однако присутствия следов другого «языка» (то есть семитизмов) в новозаветном тексте отрицать невозможно. Значит, все же двуязычие? Значит, ни о каком примирении Тумба с Верготом не может быть и речи?

Здесь, для разрешения этой апории, с точки зрения Сильвы, снова оказывается эффективной концепция Ф. де Соссюра: «Речевая ошибка, — пишет он, — есть нечто свойственное *parole*, а не *langue*. Соответственно индивидуальный говорящий может делать ошибки при говорении на чужом языке (*parole*) вследствие интерференции из своего родного языка, но эти ошибки не являются регулярными, не становятся частью системы (*langue*)»¹. Другими словами, в тексте Нового Завета присутствует не двуязычие, а двуречие, на фоне полного греческого монолингвизма, одноязычия.

Замечу, к слову, что такая тонкая, почти судебно-юридическая, казуистика, направленная на спасение «языка» во что бы то ни стало, не находит сторонника в лице другого исследователя, столь же внимательно относящегося к вопросам языковой теории в новозаветных текстах. Дж. Хорсли, также представляющий лагерь «аттицистов», запросто видит в новозаветных текстах масштабные явления билингвизма, вызванные двуязычием авторов: «Наблюдаемые нами феномены семитизмов в некоторых частях Нового Завета и других иудеохристианских сочинений, таких, как *Testamentum Abrahami*, суть простые примеры билингвальной интерференции»². При этом категорию библейского стиля Хорсли вовсе не рассматривает как продуктивную для объяснения, склоняясь скорее к грубой интерференции в устном и письменном тексте, демонстрируя тем самым обычное, не усложненное Соссюром отношение к билингвизму: «Хотя нельзя отрицать, что некоторые семитские черты проникают в греческий язык иудеев и христиан, — те случаи, где они появляются, следует понимать как вполне закономерный феномен интерференции, которая проявляет себя в различной степени в речи и письменных текстах билингв»³.

«Библейский стиль создан индивидуальными ошибками восточных авторов»

В итоге, согласно Сильве, новозаветные авторы, совершая индивидуальные ошибки и деформируя греческую текстуальность, тем не

¹ Silva M. Op. cit. P. 216.

² Horsley G. H. R. Op. cit. P. 32.

³ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 40.

менее пишут именно на греческом языке и, каждый на свой лад искажая его, все вместе порождают единый библейский стиль. Возникает недоуменный вопрос: как это возможно, ведь «ошибки», согласно Сильве и иным билингвальным исследователям, не могут быть систематическим всеобщим явлением? Как можно считать стилистическим единством индивидуальные упражнения в деформировании и порче языка, предпринятые иностранцами?

По всей видимости, такая противоречивая теоретическая диспозиция становится возможной вследствие использования структурно-языкового теоретического инструментария или античной (и одновременно сосюрговской) описательной модели «знак—значение». Своей статьей Сильва дает иллюстративный пример того, как античная инструментальная метафора «язык» и основанный на ней сосюрговский *langue* пытается подчинить себе факты естественной коммуникации, ориентирует процедуру лингвистического анализа на себя, в ущерб коммуникативной реальности, создавая «под себя» искусственный теоретический объект.

Проблема текстов LXX и НЗ остается неразрешенной: семитизмы («ошибки в греческом») не преодолены

Несмотря на всю терминологическую эквилибристику, проблема новозаветных текстов остается неразрешенной, поскольку нельзя считать адекватным и справедливым вердикт, согласно которому авторы признаются восточными неучами, исказившими греческую текстуальность проявлениями семитского сознания и создавшими благодаря своей безграмотности библейский стиль.

Иными словами, сосюррианская теория оказывается не в состоянии справиться с семитизмами, которые органично не вписываются в идеальный (то есть искусственный и неадекватный) объект исследования — «язык». Усилиями сторонников теория вынуждена активно адаптировать «восточный» контингент к греческой языковой почве, но финал этой процедуры со времени Дайссманна всегда состоит в признании малограмотности и малолитературности авторов. По-видимому, искусственный сосюррианский инструментарий следует, наоборот, преодолевать, а не поднимать на щит, как это делает Сильва.

Проблема текстов LXX и НЗ остается неразрешенной: исследователи «языка» не доверяют «информантам»

Кроме несовершенства сосюрговской концепции «языка» в отношении новозаветных текстов Сильве удастся продемонстрировать, что среди исследователей, пользующихся сосюрговской номенклатурой теоретических инструментов, имеет место непонимание того, что новозаветные авторы были не менее серьезны и осмысленны, чем сами исследователи, без всяких оговорок и снисходительных допущений (другими словами, «среди них не было писателей-рыбаков»). Так, поскольку создание письменного текста — процесс трудоемкий и длительный, невозможно допустить спонтанность и небрежность при его написании, подобную той, что возникает при устном говорении. Следовательно, необходимо признать, что написание новозаветных текстов было полностью осознанным со стороны авторов. Они сознательно употребляли языковые модели, которые современным интерпретаторам, благодаря некорректным исследовательским критериям, представляются пришлыми и неорганичными в структуре греческого текста.

Здесь следует заметить, что автор текста, как непосредственный участник ситуации коммуникации, был намного более осведомлен в вопросах уместности тех или иных вербальных клише, чем любой вторичный знаток «языка». Вряд ли стоит указывать аутентичным «информантам», действовавшим осознанно, какие вербальные формулы для реализации доподлинно известных им коммуникативных действий стали ошибочными («семитизированными»), а какие могли бы стать правильными. Данные модели были допустимыми и принятыми в коммуникативном сообществе, которое составляли традиционные грекоговорящие иудейские общины, и таких взаимоотношений между автором и аудиторией вполне достаточно для признания полноценной нормализованной лингвистической практики (которая, замечу, ввиду культивируемой иудеями религиозной обособленности намеренно игнорировала греческие литературные образцы с присущими им коммуникативными моделями).

Главное возражение: вербальные клише нормализуются в сознании участников коммуникации

Гораздо уместнее в поисках источников коммуникативных клише ссылаться на LXX. Последняя, правда, в соссюрианской схеме зачастую становится «недолжным языковым образцом», который видели перед собой малокультурные авторы новозаветного корпуса, не замечая его языковой ущербности в виде повсеместно присутствующих конструкций, калькирующих семитские способы выражения. Однако о свойствах этого образца следует судить скорее не на основании «точных» лингвистических изысканий в области грамматической деривации, этимологии и интерференции, а на основании того значения, которое данные вербальные клише имеют в коммуникативном сообществе, то есть в когнитивном пространстве участников лингвокультурной ситуации. Структурные лингвистические изыскания всегда заставят сделать вывод, что любой факт любого «языка» является результатом трансформации (деформации, нарушения) какого-то прежнего «языкового» состояния. Несмотря на такой приговор, следующий из структурных соображений, аутентичные участники ситуаций признают определенные языковые модели уместными и нормализованными и пользуются ими, невзирая на их всегда подозрительное прошлое. Так, многочисленные свидетельства субъектов лингвокультурной ситуации (например: *Филон*, *De vita Mosis II*, 5) позволяют судить о том, что грекоязычная LXX имела для иудеев статус главной богодухновенной Книги Книг. Вербальные модели, использованные в ее тексте, благодаря пословной передаче древнееврейского оригинала, были изначально отличными от любых образцов грекоязычной языческой литературы и, по всей видимости, воспринимались как главная особенность пророческого текста, отличающая их от профанных образцов. Очевидно, что суждения языковедов, определяющих статус языкового материала, должны ориентироваться на мнения аутентичных участников ситуации, нормализующих в своем сознании данные языковые модели, а не на «структуру языка», не санкционированную ничем, кроме античной теоретической схемы.

2.2. Концепция билингвизма в теории греческой аутентичности Дж. Хорсли

«Отступления от греческой языковой нормы, возникающие в речи билингв»

Другой, уже упомянутый автор, Дж. Х. Р. Хорсли, посвятивший вопросам билингвизма значительную часть своей обширной (прежде всего, лингвистической по содержанию) статьи «“Иудейский греческий” как фикция»¹, имеет целью показать, что «констатировать какое-либо отличие между койнэ и “иудейским” (“христианским”) греческим неуместно... Ошибочная уверенность в существовании иудейского греческого основана на а) принятии слишком пространной терминологии и на б) недостаточном знакомстве с современными лингвистическими исследованиями, особенно в области билингвизма»². Замечу, что автор статьи ссылается на работу М. Сильвы, указывая, что его собственная статья написана независимо от американского коллеги, в ином ракурсе, но во многом разделяет выводы Сильвы³.

Отправным пунктом рассуждений о природе новозаветного билингвизма Хорсли избирает труд Уриела Вейнриха «Языковые контакты»⁴, в котором обсуждаются «случаи отступления от языковой нормы, возникающие в речи билингв (in the speech of bilinguals) как результат их знакомства с более чем одним языком»⁵. После перечисления работ, имеющих отношение к вопросу билингвизма, Хорсли выделяет книгу Е. К. Мэлони «Семитская интерференция в синтаксисе Евангелия от Марка»⁶, указывая, что результатом этого исследования является следующий вывод: «Некоторые особенности синтаксиса Марка, которые считались свидетельствами семитского влияния, в действительности вполне возможны в койнэ; все же некоторые конструкции, которые повсеместно признавались гречески-

¹ См.: *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 5–48.*

² *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 6.*

³ См.: *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 6.*

⁴ См.: *Weinreich U. Languages in Contact. The Hague, 1953.*

⁵ См.: *Weinreich U. Op. cit. P. 1.*

⁶ См.: *Maloney E. C. Op. cit.*

ми, следует рассматривать в контексте раннего христианства как отражения семитской интерференции, вследствие широкой представленности в тексте Марка»¹.

Entia multiplicanda в условиях сопротивления материала методологическим инструментам

Затем Хорсли оспаривает вывод Теккерей, что «греческий язык во все времена был отдавателем, а не получателем (the giver rather than the receiver)»², поскольку многочисленные примеры убеждают, что влияние между языками — более престижным и менее престижным — могло происходить в любом направлении.

Хорсли подчеркивает, что билингвизм часто рассматривался как феномен, свойственный индивиду, а не целой группе. Что же касается билингвальных языковых общностей, то вопрос о билингвизме следует рассматривать в плоскости *диглоссии* (или *полиглоссии*), имеющей определенные черты, в частности: функциональную специализацию языков, различие в престижности языков, вариативность литературного наследия, способ усвоения языка, устойчивость взаимоотношений языков.

Возвращаясь к интерференции, Хорсли задается вопросом: когда интерференция становится переходом на другой язык? Однако тотчас замечает, что тема о «code-switching» актуальна для устной речи, а не для письменных текстов³.

Наряду с этим Хорсли затрагивает понятия *территориального диалекта* и *социального диалекта*, на основе и из сочетания которых появляется *идиолект* отдельного автора. При этом *диалект*, замечает Хорсли, следует отличать от *акцента*, который имеет отношение только к произношению, а не к грамматике и лексикону⁴. Особенности произношения не могут быть причиной конституирования особого диалекта, в частности иудейского греческого. Здесь же в скобках Хорсли ссылается на замечание Дж. Массиеса (G. Mussies), который указывал, что «помимо специфического иудейского акцен-

¹ Maloney E. C. Op. cit. P. 243–252.

² Thackeray H. St. J. A Grammar of the OT in Greek according to the Septuagint. Cambridge, 1909. P. 1.

³ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 9.

⁴ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 10.

та следует иметь в виду, что авторы могли имитировать гебраизированный переводной греческий, особенно в апокрифах. В этом случае речь идет о литературном явлении, которое может быть названо *жанровым диалектом*»¹.

«Не отдельный язык», поскольку нет географической локализации: памфилийский диалект

Эти положения, касающиеся диглоссии, полиглоссии, территориального и социального диалектов, иллюстрируются языковой ситуацией в Памфилии (Малая Азия)² и Нубии (Северная Африка)³. Памфилийский греческий в классический период обнаруживает некоторые особенности, проявленные в алфавите, фонологии, лексике, морфологии и синтаксисе, о чем свидетельствует небольшое количество сохранившихся надписей. Изолированное положение этой области представляется главной причиной существования этого особого диалекта⁴. Однако после завоеваний Александра Памфилия открылась для внешнего мира. В наступившем состоянии диглоссии койнэ постепенно занимает положение диалекта «au rang de ‘patois’ inculte» («со статусом некультурного говора»), который используется местным населением исключительно для коммуникации *inter se* и для надписей на семейных погребениях (последние, несмотря на публичный характер, отражают черты частной семейной жизни)⁵. Хорсли отмечает, что существенным отличием памфилийского диалекта греческого языка от языка, используемого иудеями, было то, что первый детерминирован географически. «Следует полагать, что иудей, выросший в Памфилии, пользовался языком, подверженным процессам местной интерференции (affected by localised interference phenomena). Считать же, что иудеи в Италии, Египте и Палестине — местах, о которых имеется более всего сведений, — говорили на отдельном — идентичном и идентифицируемом — диалекте греческого

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 10.

² См.: Brixhe C. Le dialecte grec de Pamphylie. Paris, 1976.

³ См.: Nubian Studies. Proceedings of the Symposium for Nubian Studies /Eds. T. Hägg, J. H. Plumley. Cambridge, 1978. P. 103–107.

⁴ См.: Brixhe C. Op. cit. P. 9.

⁵ См.: Brixhe C. Op. cit. P. 148–150.

языка вследствие принадлежности к одному этносу, значит игнорировать фактор географической обусловленности, образования и социальной принадлежности (those factors such as geography, education and social class)»¹.

«Не отдельный язык», поскольку нет географической локализации: нубийский диалект

Похожие выводы о процессах интерференции в локальных диалектах можно сделать, как считает Хорсли, на основании эпиграфических данных из Нубии. Так, Т. Хэгг (Т. Hägg), автор исследования корпуса греческих надписей из этого региона (V–XII вв. н. э.), констатирует существование «нубийского греческого», который исследователи часто сравнивают с классическим греческим или койнэ и признают его «варварский» характер. Хорсли замечает, что «присутствие в Нубии нескольких языков, где греческий был, или мог быть, *lingua franca*, предполагает возможность лингвистической интерференции. Интерференции из коптского можно объяснить на основе параллелей с греческим в Египте, в то время как интерференции из древнего нубийского могли иметь для нубийского греческого уникальный характер»².

Entia multiplicanda в условиях сопротивления материала методологическим инструментам (продолжение)

Затем Хорсли указывает еще на одно понятие, важное для билингвальной ситуации, — *регистр*, посредством которого описывается выбор языковых средств, осуществляемый автором в ситуации коммуникации: кто говорит, на каком языке, обращаясь к кому и где³.

Кроме того, явление интерференции следует отличать от заимствования: последнее нет причин связывать с билингвизмом, как, например, в случае использования особой терминологии, не влияющей на общую структуру языка⁴.

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 10.

² Horsley G. H. R. Op. cit. P. 10.

³ См.: Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic. London, 1978. P. 110–111.

⁴ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 11.

Представив еще несколько примеров античного билингвизма, а именно случаев, в которых можно предполагать взаимодействие и взаимовлияние между греческим и другими языками (латинским, сирийским), Хорсли отмечает, что именно в этот период и были написаны новозаветные книги.

«Широкое видение проблемы: общий греческий язык»

Панорамный взгляд на лингвистическую и культурно-историческую ситуацию проявляется у Хорсли в следующем рассуждении: «Ввиду того что Новый Завет был бесспорно написан по-гречески (поскольку греческий был международным языком древнего средиземноморского мира в то время), составляет ли этот трюизм полное основание для объяснения? Конечно, латинский язык не обладал подобным статусом, как признает Цицерон веком ранее: «Graeca leguntur in omnibus fere gentibus, Latina suis finibus, exiguis sane, continentur» («На греческом читают почти все племена, а латинский ограничен своими, довольно узкими границами», — Cicero. Pro Archia poeta, 23). Однако сказать, что все новозаветные авторы осознавали значение для ранней христианской проповеди того статуса, которым обладал греческий, вероятно, было бы анахронистическим приписыванием им слишком широкого международного видения проблемы. Но поскольку эту причину нельзя полностью исключить, следует иметь в виду и дополнительные связанные с этим факторы. Один из них — широко распространенное знание греческого непосредственно в Палестине, не говоря уже о том, что греческий имел гораздо больший ареал распространения. Кроме того, такой человек, как ап. Павел, высокообразованный не только в иудаизме, но и по греко-римским стандартам, вероятно, происходил из высшего сословия. Можно в таком случае допустить, что он разделял с другими, столь же образованными людьми, нежелание пользоваться латынью в своих посланиях, несмотря на свою деятельность и контакты среди других римских граждан во многих римских городах. И третий фактор — христианство, пользуясь греческим и затем латинским языками, просто соответствовало лингвистической ситуации, как и другие восточные культы, которые распространялись на Западе»¹.

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 19.

Палестинский билингвизм: «локализация территории языковой ненормативности»

Переходя к языковой ситуации в Палестине I в. н. э., Хорсли задается вопросом, какие языки использовались там в это время. Несмотря на сложившийся научный консенсус (в изложении самого Хорсли этот консенсус выглядит следующим образом: «Палестинский арамейский был наиболее обычным для иудеев того времени, родившихся и живших в Палестине. При этом некоторые были знакомы с библейским ивритом, другие использовали мишнайский иврит как средство повседневного общения. Знание латинского было достаточно ограничено, в то время как греческий повсеместно понимался и использовался, причем мера варьировалась в зависимости от местности, социального и образовательного статуса и мобильности»¹), решение этого вопроса, по мнению автора статьи, не вполне однозначно. Смысл приводимых им аргументов и точек зрения сводится к тому, что греческий язык был распространен в Палестине более, чем обычно считается (несмотря на обилие противоположных данных и выводов): «Поскольку греческий был главным городским языком в Иудее, представляется, что в течение I в. до н. э. арамейский и греческий поменялись местами — по мере того как греческий распространялся в сельской местности, а знание арамейского уменьшалось среди образованных слоев и городских жителей»².

Мнение о распространенности греческого опирается исключительно на эпиграфические данные (надгробные надписи), обнаруживаемые на территории Палестины в относительно большом количестве. Другие данные, релевантные для I в. н. э., говорят об обратном. Нужно заметить, что для корректности лингвистических выводов о масштабах экспансии греческого языка необходимо иметь в виду, что наиболее вероятной причиной обилия греческих надгробных (именно надгробных, а не каких-то иных) надписей в Палестине был повсеместно распространенный среди диаспоральных иудеев обычай хоронить останки (кости) умерших на Святой Земле. По-видимому, эти надписи в большинстве своем происходят из грекоговорящей ди-

¹ *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 19.*

² *Meyers E. M., Strange J. F. Archaeology, the Rabbis and Early Christianity. London, 1981.*

аспоры, а не из арамеоязычной Палестины¹. Иной причиной относительно многочисленных эпиграфических свидетельств может быть анахронистическое приписывание Палестине I в. н. э. более позднего процесса греческой культурно-языковой экспансии, когда приток эпиграфического материала (в том числе уже византийского) в этом регионе заметно усилился.

Далее в статье приводится несколько положений, взятых из книги Бэтенс Бёрдсмор², которые Хорсли считает важными для решения вопроса о палестинском билингвизме:

1. Подавляющее большинство билингв не свободно владеют вторым языком³.

2. В билингвальном контексте доминирующий или предпочтительный язык может не всегда совпадать с первым языком⁴.

3. Первичный билингвизм следует четко отличать от вторичного билингвизма. Первый относится к тому, кто усвоил второй язык в силу обстоятельств, без специального обучения. Второй относится к билингву, который овладел вторым языком в процессе специального изучения⁵.

4. Особое значение имеет разделение на воспринимающий (чтение и понимание) и продуцирующий (говорение и письмо) билингвизм.

Попытки теоретического устранения (девальвации) семитизмов

Тема, к которой в конце концов сводятся рассуждения о билингвизме, обозначена Хорсли как «Семитизмы и Jewish Greek». Задача автора состоит в том, чтобы показать, что «семитизмы не означают существование иудейского греческого»⁶, а являются результатом языковой деятельности билингв, которая не конституирует особый диалект: «Эти новые слова и слова с новым значением [в христианских

¹ Подробнее см. далее сноски 235 и 236.

² *Baetens Beardsmore H. Bilingualism: Basic Principles. Clevedon, 1982.*

³ См.: *Baetens Beardsmore. Op. cit. P. 10.*

⁴ См.: *Baetens Beardsmore. Op. cit. P. 30.*

⁵ См.: *Baetens Beardsmore. Op. cit. P. 8.*

⁶ *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 31.*

употреблениях, например у ап. Павла] следует рассматривать прежде всего как результат литературной деятельности во время их создания, и ни в коем случае не как осознанный вклад в развитие особого диалекта»¹. «Наблюдаемые нами феномены семитизмов в некоторых частях Нового Завета и других иудеохристианских сочинений, таких, как *Testamentum Abrahami*, суть простые примеры билингвальной интерференции»².

Свой методологический ракурс Хорсли определяет следующим образом: «Чтобы говорить о диалекте как о целостной грамматической подсистеме языка, необходимо продемонстрировать, что он имеет устойчивый синтаксис, морфологию и фонологию, которые заметным образом отличны от языка (и все же соотносимы с ним)»³. «Различие между разговорным языком и языком, используемым в литературных жанрах, имеет отношение к регистру, а не к понятию “диалект”»⁴.

Чтобы представить иудейский греческий как неосновательную концепцию, Хорсли пытается аргументировать несколько положений:

1. Семитизмы — не целостное понятие: «Понятие “семитизм” игнорирует фактор различных уровней идиоматического языка. Поскольку слово “семитизм” стало принятым зонтичным термином, правомерно возникшее требование обозначить отличие арамеизмов от гебраизмов», а также от септуагинтизмов и даже «измов» мишнайского иврита»⁵.

2. «На лексическом уровне следует понимать, что технические термины, происходящие из иудаизма и используемые в греческом, не могут рассматриваться как часть гипотетического «иудейского греческого» диалекта»⁶.

3. «Хотя литературное воздействие LXX на новозаветных авторов несомненно, ее реальное влияние на словарь НЗ невелико, за исключением богословских и других технических терминов»⁷.

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 27.

² Horsley G. H. R. Op. cit. P. 32.

³ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 31.

⁴ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 30.

⁵ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 27.

⁶ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 27.

⁷ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 28.

4. Нельзя полностью отказаться от фактора перевода, однако сам Хорсли, в согласии с Д. У. Риддлом¹, склоняется к тому, что «греческое нелитературное койнэ обеспечивает должное основание для сопоставления новозаветных текстов»². Мнения авторов, которые допускают, что LXX повлияла на устный язык иудеев и создала особый диалект³, неосновательны⁴.

5. Количество гебраизмов не так велико в самой LXX, тем более их меньше, чем обычно считается, в НЗ⁵.

6. Иудейский греческий не назывался особым диалектом у эллинистических и византийских авторов: Климент Александрийский говорит о пяти диалектах (аттический, ионийский, дорийский, эолийский и койнэ); Квинтилиан также имеет в виду пять диалектов; ни одного византийского свидетельства о библейском греческом не существует⁶.

Неустранимость семитизмов

Несмотря на приводимые аргументы и точки зрения (смысл которых сводится к необходимости решить, где провести границу, за которой начинается «другой язык» или «другой диалект») и несмотря на определенный исследовательский вектор сторонников греческой аутентичности НЗ, состоящий в том, чтобы «свести к нулю семитский элемент в библейских книгах»⁷, из рассуждений Хорсли, тем не менее, становится ясным, что ни провести границу, ни избавиться

¹ См.: Riddle D. W. The Logic of the Theory of Translation Greek // Journal of Biblical Literature and Exegesis 51 (1932). P. 13–30.

² См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 29.

³ См.: Gundry R. H. Language milieu of first-century Palestine: its bearing on the authenticity of the Gospel tradition // Journal of Biblical Literature and Exegesis 83 (1964). P. 408; Friedrich G. Septuagint // Theological Dictionary of the New Testament 10 (1976). P. 652; Sparks H. F. D. The Semitisms of St. Luke's Gospel // Journal of Theological Studies 44 (1943). P. 131.

⁴ См.: Thackeray H. St. J. A Grammar of the OT in Greek according to the Septuagint, 1. Cambridge, 1909. P. 27.

⁵ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 29.

⁶ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 30.

⁷ См.: Abel P. M. Grammaire du grec biblique suivi d'un choix de papyrus. Paris, 1927. P. xxv.

ся от семинизмов не удавалось пока никому. В этом смысле показателен упоминаемый Хорсли опыт Мултона, который после попыток полного отрицания все же признал наличие семитского элемента в греческом тексте НЗ: «Из введения к разделу “Семитский колорит” [«Граматики греческого языка НЗ»¹] страницы 12–22 были написаны Мултоном, но остались незавершенными. На странице 14 он признает, что его минимизирующий взгляд на семитизмы был слишком ригористичным»².

Общепризнанными и неустраняемыми примерами семитизмов за пределами НЗ в изложении Хорсли выступают *Testamentum Abrahami*³, тексты Псевдо-Аристея, Аристобула, Езекииля Трагика («Исход»)⁴. Варианты объяснений, предлагаемые Хорсли, двойственны и неопределенны. Так, по поводу Езекииля он отмечает, что, создавая свои сочинения во II в. до н. э. в Александрии, этот автор наверняка знал LXX, но вряд ли знал древнееврейский язык. Это означает, что причиной появления семитизмов у Езекииля Трагика могла стать только LXX, но не его билингвизм. В похожих, казалось бы, отношениях с греческим был и Ерма, автор «Пастыря», немногочисленные семитизмы которого можно отнести за счет знакомства с LXX, но не знания каких-то других языков, как указывает Хилхорст⁵. Хорсли, тем не менее, для объяснения этого случая пытается привлечь концепцию билингвизма, говоря, что «родным языком Ермы мог быть арамейский, с хорошим знанием греческого». При этом он оставляет возможность и того, что родным языком Ермы был греческий, «с доминирующими лингвистическими предпочтениями иудейской (и христианской) общины»⁶.

¹ См.: Moulton J. H. A Grammar of NT Greek, II. Accidence and Word Formation. Edinburgh, 1929.

² Horsley G. H. R. Op. cit. P. 32.

³ См., например: Turner N. The ‘Testament of Abraham’: Problems in Biblical Greek // New Testament Studies 1 (1954/55). P. 219–223.

⁴ См., например: Sollamo R. Some “Improper” Prepositions, Such as Enopion, Enantion, Enanti, etc., in the Septuagint and Early Koine Greek // Vetus Testamentum 25 (1975). P. 773–782.

⁵ См.: Hilhorst A. Sémitismes et latinismes dans le Pasteur d’Hermas. Nimwegen, 1976. P. 185.

⁶ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 33.

«Поразительное отсутствие семитизмов у арамеоязычного Иосифа Флавия»

Наиболее развернуто в работе Хорсли представлен случай Иосифа Флавия. Результатом работы над первым его грекоязычным сочинением «Иудейская война» (переработкой более ранней сирийской версии, сделанной при участии греческих «помощников») стало «доброкачественное койнэ с заметными признаками аттицизма»¹. В работе А. Пеллетьера² показано, как Иосиф изменяет язык *Письма Аристея*, чтобы приблизить его к стандартам классического греческого. Однако Иосиф, по мнению Пеллетьера, не абсолютный пурист³. В сравнении с ним Лукиан, родным языком которого был также арамейский, еще более верен аттицизирующим установкам.

В связи с этим Хорсли отмечает, что труды Иосифа Флавия поражают полным отсутствием следов семитизмов, «которые можно было бы ожидать, если бы существовал особый иудейский греческий»⁴. Так, Теккерей обнаружил в обширном тексте Иосифа всего один семитизм (ἄρχομαι с инфинитивом), однако та же конструкция, по его же признанию, обнаруживается у Ксенофонта⁵. Хорсли объясняет этот феномен следующим предположением: «Что касается его знания греческого, мы должны признать, что он овладел им настолько основательно, что никакой языковой интерференции нельзя обнаружить в том, что он пишет. Или же мы должны полагать, что редакторская работа хорошо образованных помощников, которых он привлек, была весьма значительна, так что они удалили все следы арамейской интерференции... Мы можем заключить, что для Иосифа, как и для Ермы, греческий язык стал доминирующим, или предпочтительным языком, которым он овладел путем формального изучения»⁶.

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 33.

² См.: Pelletier A. Flavius Josephé, adaptateur de la Lettre d’Aristée. Une réaction atticisante contre la Koine. Etudes et Commentaires 45. Paris, 1962.

³ См.: Pelletier A. Op. cit. P. 250–259.

⁴ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 33.

⁵ См.: Thackeray H. St. J. An Unrecorded “Aramaism” in Josephus // Journal of Theological Studies 30 (1929). P. 361–370.

⁶ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 34.

«Поразительное обилие семитизмов у автора Откровения»

Противоположную позицию на шкале билингвизма, по мнению Хорсли, занимает автор Откровения Иоанна. По результатам исследования орфографии, фонологии и морфологии этого памятника, предпринятого Массиесом, первым языком автора был арамейский или, возможно, мишнайский иврит. Его владение греческим было настолько посредственным, что многочисленные семитские идиомы предстали в греческом одеянии, что выразилось в заметно испорченном греческом языке¹.

В связи с Откровением Хорсли приводит точку зрения С. Томпсона, который утверждает, что основанием для языка этого памятника послужил библейский, а не мишнайский иврит². Приводимые возражения касаются часто повторяемой у Томпсона идеи: слова и формы в Откровении являются «негреческими».

Здесь Хорсли делает два методологических замечания, характерных для его общелингвистических воззрений (подробнее см. далее, п. 4.4). Из них становится ясно, что Хорсли склонен считать «древне-еврейские» значения греческих слов (глаголов *θαυμάζω* и *κληρονομέω*) исключительно «ошибками» авторов и ни в коем случае не допускает какого-то общепринятого (для какой-то лингвокультурной среды) понимания этих терминов, отличного от общезыкового, общегреческого. А кроме того, становится ясно и то, что автор статьи в качестве аудитории текста НЗ видит «античного читателя», говорящего (и думающего) исключительно на койнэ³.

Вывод Хорсли: «современная теория языка не позволяет констатировать отдельный правильный язык в текстах НЗ»

После статистического обзора надписей в Палестине и указания на то, что иудейские надписи по всей ойкумене не отличаются по языку от неиудейских, а также после критики концепции, согласно

которой можно говорить о влиянии иудейского греческого на язык надписей и папирусов (последние в таком случае были бы неинформативными для выяснения различий между иудейским и неиудейским греческим), Хорсли кратко излагает историю дебатов между «пуристами» (аттицистами) и «гебраистами» по поводу иудейского греческого (языка Нового Завета) и делает следующий вывод: «Концепция иудейского греческого не находит оснований ни в реальности, ни в лингвистических исследованиях. Соответственно она создана на основе неубедительных аргументов и утверждений. Хотя нельзя отрицать, что некоторые семитские черты проникают в греческий язык иудеев и христиан, — те случаи, где они появляются, следует понимать как вполне закономерный феномен интерференции, которая проявляется в различной степени в речи и письменных текстах билингв. Следует, однако, оставить открытым вопрос о возможности (весьма вероятной), что палестинские иудеи, родным языком которых был арамейский (или, возможно, мишнайский иврит), говорили по-гречески с определенным (заметным) акцентом. Но только фонологические отличия недостаточны для конституирования отдельного диалекта»¹.

Как видно, Хорсли, пытаясь двигаться в традиционном эллиноориентированном русле новозаветной лингвистики, рассматривает текст НЗ с точки зрения греческой аутентичности: «греческое нелитературное койнэ обеспечивает должное основание для сопоставления новозаветных текстов»; «Новый Завет был, бесспорно, написан по-гречески (поскольку греческий был международным языком древнего средиземноморского мира в то время)»; «христианство, пользуясь греческим и затем латинским языками, просто соответствовало лингвистической ситуации, как и другие восточные культы, которые распространялись на Западе» — и утверждает свои выводы на прочном основании современных представлений о билингвизме и связанных с ним явлений, а также фактов эллинистической языковой ситуации. Главным объектом критики в своей статье Хорсли видит так называемый «иудейский греческий», возможность существования которого допускается некоторыми исследователями (надо сказать, что они как раз и пытаются представить лингвистическую ситуацию нормализованной: у авторов должен быть «отдельный язык», на ко-

¹ См.: *Mussies G.* The Morphology of Koine Greek as Used in the Apocalypse of St. John. A Study in Bilingualism. Leiden, 1971. P. 348–349.

² См.: *Thompson S.* The Apocalypse and Semitic Syntax. Cambridge, 1985. P. 1; 34; 53–57; 106–107.

³ См.: *Horsley G. H. R.* Op. cit. P. 35.

¹ *Horsley G. H. R.* Op. cit. P. 40.

тором они общаются с аудиторией). Доказательство невозможности Jewish Greek, сформулированное Хорсли, основано на признании семитизмов недостаточным основанием для конституирования этого языка: они «суть простые примеры билингвальной интерференции», результат языковой деятельности билингв (сложившейся в силу их образования, социальной принадлежности и родного языка), которая не конституирует особый диалект.

Некогерентность схемы: странные черты коммуникативной деятельности новозаветных авторов

В итоге основные параметры лингвистической ситуации, устанавливаемые Хорсли с использованием традиционного методологического инструментария (в котором билингвизму отводится значительное место), подтверждают дайссманновские положения: новозаветные авторы писали по-гречески с ошибками (то есть с «семитизмами», которые никому, даже Мултону, не удалось представить аутентичными на греческой почве языковыми феноменами). Свои тексты новозаветные авторы адресовали «греческому читателю», но, пытаясь соблюсти законы греческого языка, не преуспели в этом, поскольку находились в плену исконных для них семитских языковых моделей (явления интерференции вследствие билингвизма).

Как видно, по воссозданной Хорсли лингвистической диспозиции (ставшей, впрочем, едва ли не общепринятой после работ Дайссманна) оказывается невозможным представить создание и функционирование текстов НЗ (в том числе Евангелий) как полноценный литературный процесс. Как и для Сильвы, коммуникативная деятельность авторов в интерпретации Хорсли обнаруживает довольно странные черты:

1) спонтанность («как говорили, так и написали»), тогда как создание любого письменного текста такого масштаба не может производиться в условиях нехватки времени для обдумывания используемых языковых моделей;

2) плохое знание языковых моделей, или «языка», на котором они пишут («малообразованные многочисленные авторы»), в то время как плохо- или малообразованные люди не в состоянии создать столь обширный литературный корпус (новозаветные и околоновозаветные тексты различного авторства);

3) вопиющее пренебрежение аудиторией со стороны авторов и неадекватную реакцию со стороны самих читателей/слушателей («варварский текст для грекоязычного читателя»), в то время как любой автор создает текст для предполагаемого адресата, учитывая вполне определенные читательские навыки и предпочтения в восприятии текста;

4) непричастность какой-либо литературной традиции, где такой способ создания текста был бы приемлемым и допустимым («никто, нигде, никогда не ожидал, что авторы новозаветных текстов могут так поступить»).

Отношения «автор — читатель — вторичный интерпретатор»

В целом странность ситуации, которую вводит Хорсли вслед за целой плеядой предшественников, заключается в том, что «семиотическая система», используемая при создании текстов НЗ, согласно установленным Хорсли параметрам ситуации, не может считаться нормализованной в пространстве «автор — читатель — вторичный интерпретатор»: аудитория недоумевает по поводу «языка», на котором пишут авторы; авторы сами не знают «язык», на котором пишут; вторичные интерпретаторы знают «язык», на котором должны были создаваться тексты НЗ, гораздо лучше самих авторов текстов. Вероятно, недаром Хорсли делает самоизобличающую оговорку, что самой малоизученной областью в новозаветных языковых исследованиях является сфера коммуникативного взаимодействия (а не «формальные и структурные языковые исследования»): «Конкретная ситуация, в которой оказывается говорящий (формальный/неформальный контекст, отношения с другим говорящим, предмет обсуждения), будет сказываться на осуществляемом им выборе языковых средств — в сфере лексики, синтаксиса и иногда фонологии (в меткой формулировке Фишмана: “Кто, на каком языке, к кому обращаюсь и когда говорит”). Регистр, безусловно, применим не только к устной коммуникации, но и к письменному языку и поэтому представляет собой инструмент для изучения лингвистических феноменов античности. Впрочем, насколько мне известно, в изучении древнегреческого языка потенциал “регистра” использован пока незначительно»¹.

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 11.

Именно этот коммуникативный аспект вовсе не учтен в поле ново-заветных исследований, ориентированных на изучение тонкостей не-уловимого «языка».

Сторонники «иудейского греческого»: исполнение императивов «языка»

В то же время немногочисленные сторонники идеи иудейского греческого, против которых выступает Хорсли в своей статье, пытаются, в отличие от него, преодолеть несовершенство сложившейся после Дайссманна теоретической модели. Их интенция так или иначе состоит в том, чтобы «иудейский греческий» занял законное место в ряду других «языков» («диалектов») и, таким образом, снял бы конфликт, возникший в результате использования внутренне ошибочной методологии: «иудейский греческий» («язык» или «диалект») в рассуждениях исследователей, подобных Тернеру, стремится стать полноценной знаковой системой, нормализованной в пространстве «автор — реципиент — вторичный интерпретатор».

Примечательно, что выводы о существовании особого «языка» («диалекта») формулируются на основе того же материала, который для противников этой концепции служит основанием для выводов об отсутствии особого «языка» («диалекта»). Ситуация может быть описана известной метафорой о стакане, который наполовину пуст («языка практически нет») или наполовину полон («язык фактически есть»). Причина того, что количество воды в стакане в обоих случаях все же меньше, чем его номинальный объем, по-видимому, методологическая. Сторонники «иудейского греческого», так же как и его противники, по требованию метода должны предъявить «телесные» структурно-грамматические конститuentы «языка», а именно: особую и стабильную морфологию, синтаксис, семантику, комбинаторику, то есть отдельную грамматику и словарь, а также географическую, социальную и временную локализацию этого «языка».

Ясно, что один и тот же материал, оцениваемый с единой структурно-грамматической точки зрения (как сторонниками, так и противниками «иудейского греческого»), в зависимости от интенции исследователей, станет «более убедительным» в каком-то из направлений, то есть будет неизбежно свидетельствовать в пользу одной из двух разнонаправленных тенденций — подтверждать на-

личие «языка» или отсутствие строгого «языка». Но стакан никогда не будет полностью полон или полностью пуст, если стабильность и строгость словесного механизма будет критерием оценки естественной лингвистической ситуации. Сама структурная методология, скрупулезно примененная к любому естественному материалу, неизбежно спровоцирует выводы о присутствии «размытой системы» и отсутствии «строгой системы». Так, в современной лингвокультурной ситуации невозможно подтвердить существование строго формального «русского языка» на основе естественных полевых данных, — многофакторных, разноформенных и произвольно группируемых. В то же время «русский язык» благополучно существует как объект исследования, несмотря на размытость границ материала и используемых методов его анализа. На этом фоне существование объекта «язык» следует признать скорее априорной идеологемой, возникшей вследствие *ошибочно постулированного смыслопорождения из слов, которые якобы составляют единый правильный инструмент смыслопорождения*. Словесно оформленный «язык» требуется искать по указанию принятого метода, но невозможно найти по «природе вещей», поскольку источник смыслопорождения локализован не в самоорганизованных словах.

Противники «иудейского греческого»: исполнение императивов «языка»

Если сторонники «иудейского греческого», подобно исследователям «русского языка», довольствуются намеченными контурами этого объекта, который «должен существовать, если на нем написаны тексты», то противники «иудейского греческого» предъявляют убедительные свидетельства неполноты этого «языка», оставаясь, правда, с недоуменным вопросом, какой же «язык» был в таком случае «правильным» для данного лингвокультурного сообщества, ведь сам факт сообщества означает и факт конвенции в сфере коммуникации. А сообщество, по-видимому, должно было существовать, поскольку вряд ли такое количество текстов могло быть написано ни для кого.

Им же, с использованием той же номенклатуры понятий, можно адресовать и другой закономерно возникающий вопрос: не следует ли довериться самим авторам в выборе того, как создавать актуальные тексты в непосредственно известной им коммуникативной сре-

де? И если они все же поступали *так*, то не был ли «такой их язык» тем самым «правильным языком» («диалектом»)?

В итоге вместо неконфликтной диспозиции, предлагаемой сторонниками «иудейского греческого», на основании того же материала и с использованием того же структурного инструментария, Хорсли как противник «иудейского греческого» вводит противоречивую и странную модель коммуникативного процесса: авторы обращались к аудитории с текстами, написанными с использованием ненормализованной (в пространстве «автор — реципиент») семиотической системы, о параметрах которой вполне осведомлен вторичный интерпретатор, но не сами авторы и их аудитория.

Нужно заметить, что такая картина возникает благодаря концепции идеального «языка», реальность и строгость которого никогда не подтверждается эмпирическими данными актуальных текстов (устных и письменных), но вводится по требованию используемой методологической сетки. В ситуации, когда новозаветный материал не отвечает критериям «языка» («диалекта»), известного исследователю, Хорсли готов признать не условность и вспомогательность «системы языка», созданной грамматистами в мнемотехнических целях и во все не известной авторам, а некомпетентность самих авторов — якобы малограмотных, неопытных в писательском деле людей, не адекватных коммуникативной реальности и не связанных никакими традиционными для литературного процесса ограничениями.

Проблемные пункты Хорсли: есть особенности языка или нет?

Ключевым условием интерпретации новозаветного лингвистического материала является среда возникновения данных текстов, то есть *грекоговорящая иудейская диаспора* как лингвокультурное пространство, в котором появляются данные тексты. Оставляя в стороне все прочие перспективы лингвокультурологического исследования, в отношении грекоговорящих иудеев Хорсли замечает только один продуктивный для его концепции факт, а именно, что они говорили по-гречески точно так же, как и окружающее их языческое население, с возможными особенностями, свойственными каждой отдельно взятой территории и временному срезу: «Следует полагать, что иудей, выросший в Памфилии, пользовался языком, под-

верженным процессам местной интерференции (affected by localised interference phenomena)». На этом основании Хорсли делает вывод, что языком всех иудеев было койнэ (возможно, в незначительных локальных вариациях), а «иудейский греческий» как диалект, который мог бы объединять иудеев в различных частях империи, не мог существовать вследствие географических факторов (наряду с социальными и др.): «Считать, что иудеи в Италии, Египте и Палестине — местах, о которых имеется более всего сведений, — говорили на отдельном — идентичном и идентифицируемом — диалекте греческого языка вследствие принадлежности к одному этносу, значит игнорировать фактор географической обусловленности, образования и социальной принадлежности (those factors such as geography, education and social class)»¹.

Однако такая констатация сразу сталкивается с определенным затруднением, которое Хорсли предпочитает не объяснять и вообще не упоминать: устраняя возможность особого языка для иудеев по всей империи, австралийский исследователь добивается того, что и в Палестине в таком случае нужно признать актуальное для иудеев греческое койнэ, или по меньшей мере какой-то автономный вариант койнэ. Тогда следовало бы говорить об отдельном *палестинском диалекте койнэ* (подобно александрийскому, памфилийскому и другим вариантам койнэ) и считать его аутентичным и нормализованным языком для данной территории. Замечу, что другой возможностью могла бы стать констатация, что присутствие греческого в Палестине было незначительным, недостаточным для формирования отдельного диалекта. Однако Хорсли вполне определенно настаивает на значительном и постепенно расширяющемся присутствии греческого в этом регионе. Какой же «язык», по логике Хорсли, был использован для написания текстов НЗ — нормализованный территориальный диалект или низкопробное нелитературное койнэ?

Ситуацию окончательно запутывает факт, на который Хорсли указывает в ходе обсуждения вопроса о том, в какой мере присутствовал греческий в Палестине: «Если бы отдельный Jewish Greek в действительности существовал, он оставил бы какой-то след в иудейских нелитературных надписях и папирусах. Однако это не так... По подсчетам Массиеса, на середину 70-х гг. было известно около 440 греческих

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 10 (см. тж. сноску 157).

надписей иудейского происхождения из Палестины и около 700 за ее пределами. Последние в лингвистическом плане фактически не отличаются от найденных в Палестине»¹ (замечу, что это указание наряду с другим фактом: «из приблизительно 200 надписей из Иерусалима приблизительно 100 сделаны по-гречески» — используется Хорсли еще и как количественный аргумент в пользу значительной распространенности греческого в Палестине среди иудеев).

Таким образом, оказывается, что иудеи по признаку языка как вне, так и в пределах Палестины вообще не проявляли себя как не-греки. Получается, что никаких особенностей их греческий язык вообще не знал, а это вопиющим образом противоречит данным новозаветных текстов, необычности которых Хорсли и пытается найти объяснение (вслед за целой плеядой исследователей). В текстах НЗ несомненные особенности в виде признаваемых Хорсли «семитизмов», в отличие от палестинских надписей, присутствуют с недвусмысленной очевидностью.

Взаимоисключающие положения: концептуальный хаос

В результате попытки Хорсли приписать определенный статус текстам НЗ осуществляются на фоне взаимоисключающих положений: 1) характерные особенности («семитизмы») новозаветных текстов несомненны; 2) никакого особого языка у иудеев не было ни в Палестине, ни за ее пределами; 3) в Палестине, как и в Памфилии и других частях империи, местный вариант койнэ может и должен обладать характерными особенностями; 4) согласно эпиграфическим данным, эти особенные черты в Палестине не проявлялись.

Другими словами, пытаясь доказать невозможность *особого* иудейского языка, австралийский исследователь тем не менее соглашается с фактом семитизмов, которые явно указывают на иудейские *особенности* текстов НЗ.

Признав семитизмы, то есть встав перед фактом *характерных для иудеев* способов выражения в новозаветном корпусе, Хорсли продолжает отстаивать идею *общегреческого койнэ*, которое, замечу, бла-

¹ *Mussies G. Greek in Palestine and the Diaspora // The Jewish People in the First Century. CRINT I. 2 /Ed. S. Safrai, M. Stern. Assen, 1976. P. 1043.*

годаря семитизмам должно быть названо как минимум *семитизированным*, а не всеобщим.

Отказывая иудейским текстам в *литературности*, Хорсли привлекает идею *просторечности*, *спонтанности* языкового процесса в практиках отдельных необразованных писателей (и здесь, вероятно, ему следовало бы выставить новозаветных авторов подобными тому единственному иудею, который написал надгробную надпись с ошибками¹), однако следует заметить, что вопреки этой логике обнаруживается, что число таких «неграмотных» писателей весьма значительно и все вместе они составляют *обширный корпус* новозаветной и околоновозаветной *литературы*, включая иудейские и иудеохристианские апокрифы и псевдоэпиграфы.

Настаивая на *значительном распространении* греческого в Палестине, Хорсли тем самым лишает оснований свои же рассуждения о *доморощенности* и *самозаконности* отдельных языковых практик малообразованных билингв, хотя только самостийными опытами писательства в системе взглядов самого же Хорсли можно объяснить не вполне греческий характер текстов НЗ.

Как видно, в рассуждениях Хорсли (как противника «иудейского греческого» и сторонника «нелитературного языка») возникает целый клубок противоречивых суждений, который только запутывается при попытках тянуть за концы торчащих из него нитей: «язык» иудеев одновременно: 1) *нормализованный и ненормализованный*, 2) *литературный и нелитературный*, 3) *особенный и всеобщий*, 4) *полностью греческий и не вполне греческий*. Эти коллизии, по-видимому, ставят Хорсли в не замечаемый им теоретический тупик.

В целом методологическая проблема Хорсли (как, впрочем, и Сильвы) состоит в том, что, разрешая вопрос о полностью/неполностью греческом характере «языка» новозаветного корпуса, исследователи заручаются *теорией билингвизма* (я бы назвал его упрощенным или «вульгарным» билингвизмом) как возможностью представить «язык» НЗ в виде когерентной концепции. В результате избранный структурно-языковой инструментарий (а иной отсутствовал) заставляет их искать строгий вербальный механизм, а реальность не может не свидетельствовать против такой трактовки (модели) естественной коммуникации. В итоге исследуемый материал анонсируется как

¹ См.: *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 24.*

«аутентично греческий, но не совсем аутентичный и не вполне греческий». Именно такая странная формула следует из обрамляющих статью Хорсли констатаций:

1. «Констатировать какое-либо отличие между койнэ и «иудейским» («христианским») греческим неуместно. Ошибочная уверенность в существовании иудейского греческого...»¹ (иными словами, язык корпуса НЗ есть аутентичное койнэ; «иудейский греческий» — ложный, несуществующий объект).

2. «Концепция иудейского греческого не находит оснований ни в реальности, ни в лингвистических исследованиях. Соответственно она создана на основе неубедительных аргументов и утверждений. Хотя нельзя отрицать, что некоторые семитские черты проникают в греческий язык иудеев и христиан, — те случаи, где они появляются, следует понимать как вполне закономерный феномен интерференции, которая проявляет себя в различной степени в речи и письменных текстах билингв»² (иными словами, язык корпуса НЗ есть не совсем аутентичное и не совсем койнэ, поскольку в греческом тексте присутствуют семитские вкрапления вследствие некомпетентности билингв).

Такая же формула следует из соссорианских рассуждений Сильвы: тексты НЗ написаны на чистом греческом языке (*langue*) за вычетом всех случаев восточных по происхождению явлений интерференции, создающих библейский стиль (*parole*). Этот стиль возникает благодаря использованию «чистого греческого языка» билингвами, которые были некомпетентны в греческом языке.

Вероятно, эти формулировки можно было бы считать тем самым «рассуждением о терминах» («стакан наполовину пуст или наполовину полон»). Однако, как было показано, концептуальная схема (с выделенными в ее рамках объектами и терминами) утрачивает безобидность, когда внедряется в аутентичное историко-культурно-религиозное пространство и формирует неадекватную картину реальности, включая ложные представления о писательской деятельности авторов, их отношении с аудиторией, составе и компетенциях аудитории и авторов, актуальной для текстов литературной и религиозной традиции и пр. В этой методологической экспансии (экспан-

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 6.

² Horsley G. H. R. Op. cit. P. 40.

сии «языка») некорректная лингвистическая схема утрачивает служебную мнемотехническую функцию и узурпирует несвойственные ей полномочия.

Это состояние теоретической нестабильности преодолевается возвращением к коммуникативной реальности (в области теории, см. гл. 3) и реалиям грекоговорящей диапоры (в культурно-историческом пространстве), к ее культурным (в том числе лингвистическим) практикам, не учтенным исследователями в их «строго лингвистических» рассуждениях (см. гл. 4).

ГЛАВА 3

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОПИСАНИЯ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ В КОММУНИКАТИВНОЙ (ДИСКУРСИВНОЙ) ПАРАДИГМЕ

В главе представлены основные характеристики дискурсивной модели описания вербального факта. Традиционные понятия, используемые в лингвистических исследованиях, в проекции на естественную коммуникацию приобретают иную теоретическую значимость, начиная с самого понятия «язык». Интерпретация феноменов строевого уровня высказывания следует из естественных и неотъемлемых свойств любого вербального факта. Несомненным следует считать приоритет тех параметров коммуникативного действия, которые мыслились при его реализации данным говорящим/пишущим. В главе приводится пример дискурсивной интерпретации актуального высказывания.

3.1. Вопросы методологии

Несогласованность и противоречивость в определении лингвистического статуса LXX и НЗ провоцируется несовершенством традиционной описательной модели, то есть той теоретической сетки, которая традиционно набрасывается на имеющиеся лингвистические факты.

Лингвистический метод как причина некогерентности: от LXX к НЗ

Так, исследователь языка LXX, исповедующий традиционный взгляд на лингвистический материал, оказывается поставленным в следующую ситуацию. С одной стороны, существуют аутентичные греческие тексты, описанные грамматикой греческого языка, свод

которой создается на основе классических и эллинистических авторов. Кроме того, общепринятым является суждение, что LXX создавалась как пословный (или максимально приближенный к оригиналу) перевод Еврейской Библии на греческий язык. С другой стороны, совершенно очевидно: 1) в результате пословного перевода — как в действительности и создавалась LXX — аутентичный текст на целевом языке возникнуть не мог; 2) строгая грамматика греческого языка не находит стойких подтверждений в тексте «греческого перевода», который по преимуществу обнаруживает кальки с древнееврейского, то есть «нарушения» древнегреческой грамматики (на уровне морфологии, синтаксиса, семантики и комбинаторики); 3) «перевод на древнегреческий язык» не выдерживает никакой стилистической критики с точки зрения греческой литературной практики.

В результате исследователь, сопоставивший данные грамматики с данными текстов и обстоятельствами их возникновения, при вынесении суждений о лингвистической природе LXX вынужден сопрягать несопряжимое: школьное понятие о правильности древнегреческого языка с очевидной нереализованностью его стандартов в тексте, греческие слова с их негреческими «значениями», священность текста с профанирующей «невразумительностью» и «корявостью» его перевода, беспрецедентный объем совершенной работы с очевидной неспособностью переводчиков ее достойно исполнить, роль Текста Текстов в грекоязычной иудейской диаспоре с внеграмматичностью текста и т. д. Как следствие, применение абсолютизированного грамматического шаблона способствует формированию несколько снисходительного суждения о переводе и переводчиках: перевод является одним из первых опытов *sui generis*, нормы языка нарушены повсеместно, древнегреческий язык (как, впрочем, и древнееврейский) переводчики знали плохо, оригинал скопирован рабски дословно, уважения заслуживают старательность, целеустремленность и желание переводчиков принести пользу (хоть, впрочем, они, вероятно, просто прибегли к практике толмачей из александрийского порта¹).

Выводы, как видно, оказываются вполне логичными, если за логику принимать выводимость суждения из принятых по умолчанию посылок: действительно, если стандарты всеобщего и самодовлеющего

¹ См.: *Rabin Ch. The Translation Process and the Character of the Septuagint // Textus 6 (1968). P. 21.*

греческого языка заранее известны и описаны, а также если перевод LXX есть очевидное калькирование древнееврейского источника, то рассматриваемый текст по необходимости оказывается ненормализованным, калькированным со всеми вытекающими характеристиками такого текста.

Отсюда остается один шаг до вынесения приговора «языку» новозаветного корпуса: если замеченные в LXX языковые нарушения обнаруживаются затем и в текстах НЗ, то и для них становится неизбежным статус ненормализованных, интерференционных и мало-литературных.

Как видно, простота и безотказность такой логики лингвистического рассуждения не дает сбоев до тех пор, пока сама методологическая схема (программа) сохраняет теоретическую обоснованность, функционируя по собственным алгоритмам и выдавая обусловленный программой результат.

Лингвистический метод как причина некогерентности: язык койнэ

Похожим образом сложившееся в эллинистике понятие койнэ и соответствующая практика его использования в лингвистических описаниях обнаруживают неадекватность принятого теоретического метода. Попытки описать койнэ как некое языковое единство неизбежно приводят к выводу, что «общий язык» очевидным образом не обладал чертами единства. Соответственно возникает необходимость констатировать различные варианты койнэ — северо-западное, юго-восточное египетское, птолемеевское и др. (среди прочих вариантов «общего языка» — «новозаветное койнэ», «начиненное» «семитизмами» различного рода: септуагинтизмами, арамеизмами, гебраизмами). Помножив территориальные особенности на особенности «жанровые», «временные» и «авторские», традиционная структурно-языковая теория получает столь безотрадную в своей пестроте картину «общего языка», что разглядеть в ней «общность» можно разве что в шутку — если избрать минимальной единицей общности букву («все тексты на общем языке написаны одинаковыми, общими, буквами», которые, нужно заметить, могли произноситься по-разному на различных территориях и разными людьми). В поисках твердой почвы теория вынуждена оставить ускользающий материал и обратиться

ся к архетипу — к аттическому диалекту — и попытаться признать, что черты общности могут быть констатированы только там, что сами варианты койнэ суть множественные девиации от единого языка-источника. Но здесь возникает закономерное подозрение, что сам аттический «язык» фактически был не столь однородным, несмотря на идеологическую канонизацию его строя. Все те же факторы — жанровые, временные, авторские, а кроме того, общегреческое полидиалектное состояние — создают многообразие, не сводимое к оформленному единству.

В целом само понятие «общего языка» применительно к данной лингвистической ситуации становится с любой точки зрения не вполне обоснованным. По-видимому, «общий язык» следует понимать в качестве неточной метафоры, которая не дает возможности однозначно констатировать общность и единство вербальных моделей («предметного элемента»). По крайней мере, можно с определенностью утверждать, что понятием койнэ нельзя пользоваться как точным инструментом в построении суждений о реальных лингвистических практиках.

Эти сомнения очевидно имеют отношение к *базовым принципам конституирования «языка» и методологии описания фактов «языка»*. В области общей лингвистической методологии необходимо избрать для библейских исследований новое русло, чтобы указать выход из обозначенных выше методологических затруднений.

Лингвистический метод как причина некогерентности: поиски «языка» («языков»)

В приведенной панораме суждений о лингвистическом статусе и природе рассматриваемых текстов заметно, что конкретные исследовательские позиции всегда сводятся к определению «языка», на котором написаны тексты. Во всех примерах сколько-нибудь подробного касательства лингвистической темы исследователи прибегают к традиционной *инструментальной и/или биологической метафоре*, пытаясь воссоздать целостную словесную систему, использованную в любом из текстов, представляя ее как «орудие» и/или как «живой организм»: в первом случае речь идет о синхронной перспективе исследовательского зрения, во втором — о диахронной. Примеры, знаменующие собой, по существу, полярные точки зрения, тем не ме-

нее целиком согласны в признании этих несомненных подлежащих любого лингвистического исследования — язык-инструмент и язык-организм. Так, язык (в обоих смыслах) имеют в виду как сторонники «переводной теории» Евангелий и других сочинений, так и адепты греческой аутентичности этих текстов. Однако, как видно, воссоздать в конкретных формах «язык», на котором написаны эти тексты, оказывается невозможным, если понимать под ним строгую систему правил употребления предметных единиц (морфем, лексем, комбинаторных вариантов и пр.). Как и во многих других случаях, коммуникативная реальность преодолевает рамки грамматик, словарей, таблиц и схем, которые накладываются на живые факты естественного вербального процесса. Изъятый из мыслимой реальности, словесный материал сам по себе не может строить систему (как не может вообще участвовать в смыслообразовании) вне актуального личного коммуникативного действия, осознанного участником лингвистической ситуации. В результате на автора (субъекта лингвистической ситуации) списываются все несовершенства избранной модели описания. Однако именно участник ситуации знает/знает, как говорить/писать, намного подробнее и «правильнее» любого стороннего интерпретатора, который несколько насильственно стремится констатировать «инструмент» или «растение» в сознании аутентичного коммуниканта. Другими словами, коммуникант, в отличие от не вовлеченного в актуальную ситуацию вторичного интерпретанта, доподлинно знает/знает, как реализовать необходимое коммуникативное действие, обладая набором известных ему вербальных моделей, в то время как исследователь пытается навязать ему знание сосюрговской (одновременно традиционной античной, объективной, словесной) системы языка, помещая коммуниканта в прокрустово ложе своей неполной осведомленности о параметрах коммуникативной реальности. В результате возникают противоречивые суждения о дословных плохо исполненных переводах, о мало- или внелитературности грекоязычных иудейских и иудеохристианских сочинений рассматриваемого круга, о разговорном языке этих источников и т. д.

Как формулировать суждения о вербальном факте?

Именно здесь встает важный методологический вопрос: как формулировать суждения о вербальном факте («лингвистическом мате-

риале»)? Ответ на него, ввиду коммуникативной и когнитивной природы естественного вербального процесса, вполне очевиден: суждения об актуальных текстах (и соответственно о вербальных клише, входящих в их состав) на выходе, то есть при вторичном описании актуального смыслообразования, должны по возможности быть *адекватными той реальности коммуникативного действия, которая мыслится данным говорящим/пишущим*.

Ввиду того что представленные выше классицисты («пуристы») и «гебраисты», а также сторонники «иудейского греческого» опираются на понятие «язык» («диалект»), мыслимый как вербальный «инструмент» или «организм», полностью игнорируя условность этого понятия (например: «Чтобы говорить о диалекте как когерентной грамматической подсистеме какого-то языка, нужно продемонстрировать, что он обладает устойчивым синтаксисом, морфологией и фонетикой, которые определенно отличны и все же связаны с этим языком»¹), и в результате получают на выходе исполненную противоречий картину естественного вербального процесса (в том числе создания текстов НЗ), — причину обозначенного методологического тупика следует искать в области методологии, а именно в понимании коммуникативного процесса сквозь призму инструментально-го и/или биологического «языка», который по умолчанию используется в качестве главной методологической константы подавляющего большинства исследований.

Необходимость новой модели описания

Таким образом, если существующая модель описания лингвистических феноменов LXX и НЗ обнаруживает непоследовательность и бессвязность и если эта модель в какой-то мере является представителем общей традиционной модели лингвистического описания, вполне оправданным становится пересмотр общей лингвистической модели и затем частного случая ее применения — описания корпуса грекоязычных библейских текстов. Предлагаемый метод состоит в *оформлении дискурсивной модели* вербального коммуникативного про-

¹ «To speak of a dialect as a coherent grammatical subsystem of a language it must be possible to demonstrate that it has a consistent syntax, morphology and phonology, which is definably distinct from and yet related to that language» (*Horsley G. H. R. Op. cit. P. 31*).

цесса и в применении этого теоретического инструмента для описания текстов корпуса LXX и НЗ.

Коммуникативная (дискурсивная) модель описания

Коммуникативная (или дискурсивная) модель описания вербальных данных, поясняемая несколькими приводимыми ниже положениями, представляет собой попытку суммирования и частичного преломления лингвистических воззрений, постепенно сложившихся в русле коммуникативной (функциональной, когнитивной) парадигмы описания явлений «языка». Приводимые положения прямо или косвенно восходят к идеям, постулированным в теории функциональных грамматик, теории речевых актов, дискурсивной и текст-лингвистике, когнитивистике и связаны с именами Э. Бенвениста, Дж. Остина, Х. Вайнриха, Ч. Морриса, З. Харриса, М. Фуко, Р. Лонгакра, Дж. Серля, Л. Витгенштейна, Т. ван Дейка, С. Куно, М. Халлидэя, Г. Уиддоусона, Т. Бевера, Р. Томлина, С. Дика, Дж. Хита, Р. Барта, Д. Менгено, П. Серию, М. Томаселло, Р. Джекендоффа, Ю. С. Степанова, В. М. Живова, Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, А. Е. Кибрика, А. В. Бондарко и мн. др. Вне системы координат, образованной сводимыми здесь воедино принципами, адекватное описание иудейского грекоязычного материала (как, впрочем, и лингвистического материала вообще) представляется менее достоверным и обоснованным, как было показано на примере попыток структурно-грамматической описательной модели библейских текстов (см. главы 1 и 2). Приводимые положения даны в порядке логического следования и снабжены поясняющими примерами.

3.2. Свойства лингвистического материала

Мыслимые условия совершения коммуникативного действия

1. Любое использование «естественного языка» осуществляется в определенных условиях, мыслимых говорящим/пишущим. Фактов использования «естественного языка» вне определенной мыслимой ситуации не существует, так же как не существует текстов на «естествен-

ном языке», которые были бы созданы вне времени и пространства существом «не-homo-sapiens-sapiens».

Поскольку устная речь всегда ситуативна и поэтому бесспорно имеет мыслимые обстоятельства реализации (о разговоре с самим собой, напевании песни со словами, спонтанном (рефлекторном) произнесении некоторых вербальных клише и пр. см. далее), некоторые вопросы вызывает лишь ситуация *письменного* использования «языка». Впрочем, и здесь вполне очевидно, что любой автор постоянно пребывает в не менее обусловленном положении, создавая письменный текст. Во всех случаях графического представления коммуникации (написание записки на доску объявлений, создание научной статьи или монографии, текста запланированной лекции, оставление записи в зачетной книжке, составление письма, стихотворения, повести или романа) конкретные мыслимые условия осуществляемой коммуникации заставляют автора налагать соответствующие форматы на производимый текст в каждый из его моментов. Письменный текст производится как линейно-временная последовательность, то есть как устный текст (об относительности понятий линейности и временности см. далее). В каждый отдельный его момент автор находится в определенной точке мыслимой последовательности речевых действий и соответственно в прямой зависимости от того, что уже было сказано и что еще предстоит сказать. Сама линейно-временная специфика речи, воспроизводимая в письменном тексте, создает постоянно меняющиеся условия, с которыми автор в любой момент вынужден считаться.

Так, создавая текст короткой записки «Греч. яз. в 1061», автор адресует его тем, кто собирается прийти на занятие греческим языком. Он осознает, что его объявление должно быть вывешено в том месте, где пришедшие на занятие непременно окажутся в известное время. Кроме того, вопрос самого времени, факта самого занятия, номера группы, имени преподавателя и пр. заранее известны адресатам — и это известно автору объявления, порождающему данный текст. Кроме того, автор избирает наиболее лаконичный способ выражения и русскоязычные модели для реализации необходимой ему предикации, поскольку это естественно для русскоязычного преподавателя и русскоязычной группы в данных условиях. Все эти (и многие другие) осознаваемые обстоятельства определили в той или иной степени характер текста, который является лишь частью более

общей ситуации и вне указанных обстоятельств теряет смысл: такая записка в каком-то ином месте, где нет указанных мыслимых реципиентами условий — на другом факультете, в другом учебном корпусе, в другое время, на территории другой языковой общности и т. д. — не имела бы никакого смысла. При этом попытки интерпретации действия вне соответствующего коммуникативного контекста сводились бы к поиску адекватных обстоятельств его осуществления, то есть параметров вербального коммуникативного действия, представленного в графической форме (кто написал, когда, зачем, кому адресовал и пр.).

Следующий текст («Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию»), очевидно, мог быть написан только как продолжение уже реализуемой последовательности коммуникативных действий, когда автор имеет в виду, что «он» уже известен читателю, что уже сказано о таком «его» состоянии, которое может быть истолковано читателем как «трусливость» или «забитость», и т. д. Ясно, что автор, не склонный к творческим экспериментам в области преобразования традиционной формы, *начать* свой текст таким способом не мог. Действительно, это предложение содержится во втором по счету абзаце, в самом же начале текста автор кроме авторства, заглавия и жанра произведения сообщает о том, *где, когда и кто*. По-видимому, ничто не мешало автору назвать хорошо известного ему молодого человека словом «он» сразу, — кроме осознаваемого им положения по отношению к читателю и к уже сказанному, то есть той позиции в коммуникативном пространстве, в которой он пребывал, инициируя данное коммуникативное действие. Уже потом, когда между автором и читателем возникла общеизвестная тема, образовались новые условия предикации, которые не могли не повлиять на способ осуществления каждого следующего по порядку вербального действия. В самом же начале общим обстоятельством для автора и читателя явился весь комплекс общекультурных концептов и практик, заведомо известных столь многим и столь повсеместно, что об их значимости оказалось не нужным упоминать. Обыкновенно со всей определенностью эти общие знания различимы — скорее даже ощутимо их отсутствие — лишь на дистанциях огромного размера, отделяющих от интерпретатора, скажем, античные греческие, древнекитайские или средневековые японские тексты

и др. Для приводимого случая это знание о том, что существует общая культурная институция художественной прозы, что в литературных журналах под именем автора публикуется его произведение — роман, повесть и т. д., что литературная практика на территории России второй половины XIX в. предполагала использование моделей русского «языка», что существует культурно-социально-исторический феномен города вообще и города Петербурга в частности, что между автором и читателем имеется гуманитарная общность, обеспечивающая тождество концептуализации основных практик и событий — «молодой человек, студент, чрезвычайно жаркое время, выйти» (в актуализованной ситуации текста), и многое другое. Первоначально именно эта глобальная ситуация, которая могла быть и совершенно иной, создает условия для авторской предикации, давая возможность тексту как предикату ситуации быть инициированным в настоящей форме. Таким образом, обусловленность мыслимыми обстоятельствами следует констатировать при любом — как устном, так и письменном — вербальном процессе.

Библейские писатели/переводчики осознавали условия совершения собственных коммуникативных действий

2. Существенным для библейских языковых исследований на фоне данного свойства лингвистического материала является то, что библейские писатели или переводчики осознавали условия осуществляемой коммуникации и действовали в соответствии с ними. Задача исследования и адекватного описания в этом случае состоит в том, чтобы воссоздать по возможности полную (в существенных чертах) модель ситуации, то есть набора мыслимых каждым автором условий предикации. Подобно тому как логический предикат можно осознать только в непосредственной связи с субъектом, вербальное действие (будучи предикатом ситуации) осознается только в связи с предизируемой автором мыслимой ситуацией вербального действия. Так, одним из ключевых параметров, необходимых для интерпретации библейского языкового материала, является характер аудитории (адресата) и соответственно ее языковые навыки и мера их специфичности. Такая постановка вопроса в свою очередь ведет к необходимости локализовать во времени и пространстве сообщество людей, обладавших данными навыками, а также решить вопрос, могли

ли они обладать одновременно специфическими и «общими» навыками, использовать и то и другое в зависимости от ситуации коммуникации. Так, например, современные участники православного богослужения используют в своей практике (литургия, повседневное общение и пр.) разнообразные языковые клише, при этом «специфические» церковнославянские клише далеко отстоят от обыденных. Вероятно, какой-то один из использованных способов коммуникации, взятый изолированно от целостной лингвокультурной реальности и представленный как характеристика языковых навыков, мог бы ввести в заблуждение внешнего интерпретатора, не погруженного в комплексную лингвокультурную ситуацию (дискурс). В проекции на библейские исследования при подобной логике рассуждения актуализуется неоправданная оппозиция «эллинский читатель» vs «греко-говорящий иудей» со всеми вытекающими последствиями.

Естественный вербальный материал — действие в коммуникативном пространстве

3. Любое естественное говорение/письмо представляет собой *действие* (или попытку *воздействия*, или имитацию попытки *воздействия*) говорящего/пишущего на сознающий (вернее, мыслимый как сознающий) объект. Автор вербального текста всегда и непременно преследует целью некий результат сказанного/написанного, то есть стремится оказать влияние на мыслимую ситуацию посредством сказанного/написанного, реализуя вербальным действием свою возможную роль в мыслимой ситуации.

Так, автор устного текста может отвечать на вопрос, убеждать, отчитывать, просить, рассказывать, соглашаться, отказываться и т. д. Произносимые при этом слова будут вопросом, убеждением, просьбой, повествованием и т. д., то есть тем самым *действием*, ради которого и были произнесены.

Следует признать, что и письменный текст реализует те же авторские интенции, с некоторыми ситуативными особенностями, свойственными письменному формату, к которым, например, можно отнести возможную большую протяженность текста (повесть, статья), невозможность включить в коммуникативный акт фактор выражения лица автора, модуляции его голоса и пр. В любой момент как письменного, так и устного текста у автора существуют вполне кон-

кретные — осознаваемые им — возможности воздействия в зависимости от сложившихся на данный момент условий коммуникации (см. примеры в п. 1).

Актуальность естественного вербального материала на любом уровне анализа

Соответственно любое естественное говорение/письмо, или данное вербальное действие, предполагает *актуальность*, то есть непрерывную вовлеченность рассматриваемых элементов «языка» в конкретные мыслимые условия, соответствующее встраивание, интегрирование вербального действия в условия предикации, соизмерение вербального действия с условиями предикации. Неактуальных, то есть *не мыслимых* актуальными, вербальных актов не существует.

Если коммуникант мыслит свое высказывание (устное или письменное) неактуальным в данной ситуации (то есть «не вписываемым» в данные мыслимые условия), он вовсе не утруждает себя реализацией вербальной последовательности. Так, невозможно рассчитывать получить ответ на вопрос и соответственно задавать его, если перед вопрошающим нет хотя бы воображаемого собеседника. В такой интерпретации актуальность вербального феномена непосредственно связана с решением вопроса, что в данной ситуации возможному коммуниканту необходимо и насколько это достижимо.

Со стороны того, кто порождает речь, операции по соотношению вербального действия с мыслимыми условиями осуществляются с различной мерой успешности всегда, однако со стороны интерпретатора, как постороннего, так и вовлеченного в ситуацию, восприятие условий предикации может быть иным, не адекватным тому, которое мыслил говорящий. Так, изъятая из контекста фраза «Нет, он не собирается», сказанная в разговоре двух знакомых и услышанная посторонним интерпретатором мимоходом, не означает для последнего ничего определенного (кто «он»? почему «нет»? «не собирается» делать что? и т. д.), в то время как вербальное действие того, кто произнес эти слова, было всецело актуальным и однозначным в данный момент в данных условиях обмена коммуникативными действиями.

Похожим образом в предельно малых отрывках из LXX, найденных в Кумране, присутствуют слова и сочетания слов, не поддающиеся интерпретации, ввиду невозможности определить актуальный мо-

мент коммуникативной ситуации, которую мыслил автор вербально-го действия (например, среди папирусных фрагментов на греческом языке из 7-й пещеры (Baillet, 1962, с. 142–146, табл. XXX) фрагмент 1 идентифицирован Байе как Ex 28: 4–7 (pap 7Q LXX Ex 28: 4–7), а фрагмент 2 — как отрывок из апокрифического Послания Иереми (pap 7Q Ep Jer gr II, 43–44); остальные семнадцать фрагментов помещены в издании Байе под рубрикой «Неидентифицированные фрагменты»; в большинстве случаев на этих фрагментах сохранились только отдельные знаки и ни единого слова полностью, если не считать союза καί и артикля τό. В дальнейшем эта неопределенность послужила к тому, чтобы признать возможным (впрочем, весьма спорным) отождествление этого материала с НЗ (Callaghan, 1972): 7Q 5 = Мк 6: 52–53; 7Q 6,1 = Мк 4: 28; 7Q 8 = Иак 1: 23–24; 7Q 4 = 1 Тим 3: 16; 4: 3; 7Q 6, 2 = Деян 27: 38; 7Q 7 = Мк 12: 7; 7Q 9 = Рим 5: 11–12; 7Q 10 = 2 Пет 1: 15; 7Q 15 = Мк 6: 48).

Другими словами, любой вербальный феномен, чтобы стать смыслообразующим в авторской речи или в исследовательской интерпретации, должен быть непременно помещен в коммуникативную последовательность и быть осознанным только в таком актуализованном, интегрированном в конкретную причинно-следственную связь виде. Его адекватное истолкование возможно только путем воссоздания адекватных условий авторской предикации как мыслимого автором актуального действия в коммуникативном пространстве.

Коммуникативная направленность естественного вербального процесса

4. Любая ситуация естественного говорения/письма мыслится говорящим/пишущим как *коммуникативная*, то есть преследует целью некое *общение*. В ситуации, когда адресат возможного воздействия не предполагается, коммуниканту незачем реализовывать вербальную последовательность.

При этом процесс речи, имеющий физическую и физиологическую сторону, может быть значим для говорящего/пишущего как собственно физическое или физиологическое действие: произнесением слов можно тестировать микрофон (чтобы убедиться в его исправности), петь песню со словами (чтобы воссоздать любимый мелодический рисунок), выводить на бумаге «дом, дам, дым» (желая

посмотреть на верхнюю петлю буквы «д» в исполнении чернильного пера), чертить слова на песке (чтобы видеть, как волна смывает проведенные линии). Такие случаи следует считать своего рода нецелевым использованием элементов речи в сравнении с естественным — актуально коммуникативным (подобно тому книгами можно топить печь, вместо того чтобы их читать). В таких случаях речь идет о воспроизведении элементов актуальных коммуникативных актов, взятых односторонне, как предметные, неязыковые, феномены (речь как колебание воздуха, надпись как каллиграфическое упражнение и т. д.).

При естественном говорении/письме имеют место как минимум два участника, при этом адресат, второй участник, может быть воображаемым (здесь же следует упомянуть случаи, когда говорящий обращается к самому себе, представляя себя со стороны в качестве собеседника). Только в коммуникативной ситуации возможна вербализация как процесс воздействия на ситуацию, и в ней непременно мыслится воспринимающий, то есть поддающийся речевому воздействию, адресат.

«Магическое слово»

Так, понятие о магичности слова, по-видимому, проистекает из очевидной акциональности и результативности коммуникативных действий, в которых могут быть использованы в том числе слова: словесная просьба или словесный приказ исполняется, словесное убеждение достигает цели, на словесный вопрос дается ответ; если коммуникант уподобляет себе выделенный им объект по признаку свободы и разумности — как человек и склонен поступать едва ли не во всех случаях моделирования окружающего мира, — то в такой воображаемой коммуникативной ситуации можно пытаться (или делать вид, что производится попытка) достичь результата речью, «использовать слово магически».

Объект интерпретации — коммуникативное действие, а не слово

Поскольку *интерпретируются и понимаются в тождестве не слова, а целостное коммуникативное действие*, то на предметы и явления, не

обладающие разумностью и свободой, невозможно «воздействовать словом», ввиду того что, даже будучи мыслимыми адресатами воздействия, они не могут представить себя поступающим так же (осуществляющими такое же коммуникативное воздействие) и соответственно не могут интерпретировать сказанное (показанное).

При отсутствии хотя бы воображаемой коммуникативной ситуации порождение речи не происходит, поскольку интеллектуальный процесс не нуждается в вербальной составляющей до тех пор, пока его результатом не стало решение произвести актуальное действие в коммуникативном пространстве, то есть пока коммуникант не представил себя в конкретной ситуации коммуникации, оснащенный известными ему вербальными клише, ассоциированными в сознании коммуникантов с ситуациями действия и потому способными быть инструментами действия.

Так, для авторов НЗ критическое значение имеет распространенное среди исследователей мнение, что все они обладали семитоязычным сознанием, сохраняли «родовые пятна» семитского языкового мышления, думали на арамейском (древнееврейском) языке, что, в свою очередь, спровоцировало появление семитизмов (вследствие языковой интерференции) в греческом тексте. Поскольку в действительности сознание имеет невербальную природу, создаваемый новозаветным автором текст нельзя считать прямым отражением его мыслей, «подуманных» на каком-то одном языке, а затем воспроизведенных словами другого языка. Поскольку вербальный текст связан с мыслью весьма опосредованной связью, скорее нужно признать, что мысль автора состояла в решении произвести данное коммуникативное действие в данных условиях. Последовавшее за этим вербальное действие уже не является мыслью, скорее ее следствием. Соответственно невозможно говорить об автоматизме работы «языка» («языков») в авторском сознании. Процесс создания письменного текста нельзя считать спонтанной и неотрефлексированной «записью мыслей» на каком-то языке или заменой (подстановкой) слов одного языка словами другого языка. Автор не *думал так*, а, сначала подумав, осознанно *действовал так*, то есть организовывал коммуникативное действие в соответствии с помысленными условиями успешности. Вербальная коммуникация и способы ее осуществления спровоцированы размышлением (мыслью), но далеко не идентичны ей.

Аутентичные признаки любого вербального материала

5. Указанные характеристики вербального феномена (мыслимые ситуативность, актуальность и коммуникативность) составляют аутентичные сущностные признаки любого лингвистического материала, его онтологические *conditiones sine quibus non*, без которых собственно лингвистического (естественного вербального) материала не существует. Последний обращается в нечто иное, если в процессе теоретизирования лишается указанных свойств.

Так, рассмотрение фонетического состава отдельного слова есть исследовательский процесс в области не лингвистической, а физической и физиологической, поскольку в гуманитарной действительности при использовании «естественного языка» отдельно взятое слово никогда не говорится как «чистый фонетический комплекс», вне обстоятельств его произнесения, адресата и актуальной целенаправленности произносимого. Соответственно экспериментальная фонетика в подавляющем большинстве случаев имеет дело не с «естественным языком», а с искусственным объектом, созданным как продукт определенной объяснительной парадигмы, ставшим таковым в процессе лишения лингвистического материала его сущностных свойств.

В том же смысле искусственным следует признать объект компонентного анализа, то есть отдельно взятую лексему или семему, которая в действительности никогда не употребляется вне осмысленной ситуации коммуникативного действия, вне актуальных целей авторского действия.

В том же смысле традиционный (так называемый *inside-clause*) синтаксический анализ не имеет шансов достигнуть адекватного результата, так как вне указанных характеристик перед исследователем оказывается лишь материальный остов реально функционирующей языковой единицы, столь же искусственный материал. Так, весьма курьезным образом актуальное предложение типа «Ну хорошо» или «Да» зачастую трактуется как не имеющее подлежащего — то есть как предложение, в котором нет того, что подлечит высказыванию, соответственно как «высказывание ни о чем», в то время как «почему-то и зачем-то» реальный коммуникант все-таки произносит это предложение, усматривая причинность (в том числе и то, что должно подлежать высказыванию) в коммуникативной ситуации, а не в самом предметном материальном составе «ну хорошо» или «да».

Другими словами, то, что где-либо кем-либо говорится или пишется, непременно отвечает на вопросы или «отвечает вопросам»: где и когда? для чего? как возможно? кем сказано и к кому обращено? Если эти вопросы в процессе теоретизирования не ставятся, то естественный языковой материал попросту исчезает, превращаясь в нечто не представленное в реальности. Эти признаки суть своего рода *аксиомы*, лежащие в основании коммуникативно-функциональной парадигмы лингвистического описания, задающие направление всего последующего теоретизирования.

«Язык» игнорирует аутентичные свойства вербального материала

Так, в библейских лингвистических исследованиях интерпретация коммуникативных действий, засвидетельствованных в текстах, осуществляется почти исключительно с помощью «языка» (понимаемого как система предметных единиц). В то же время именно «язык» в таком его понимании полностью игнорирует аутентичные свойства естественного коммуникативного процесса (ситуативность, акциональность, коммуникативность, когнитивность) и не может вследствие этого быть источником смыслообразования, будучи всего лишь условным мнемотехническим инструментом вторичного интерпретанта. Для исследователя, слишком доверяющего «языку», не сознающего его условности и вспомогательности, аутентичная лингвокультурная ситуация, некогда представлявшаяся авторам и адресатам в полноте своих смыслообразующих свойств (личность автора, адресата, ситуация коммуникативного действия), предстает избыточно лингвоцентричной, что не может не сказаться на результатах интерпретации и оценки.

Осознанная прагматика коммуникативного действия

б. Три указанные характеристики лингвистического материала — ситуативность, актуальность и коммуникативность — отсылают к области прагматики (реальной коммуникации), в которой используется (функционирует) вербальный материал («язык»), в то время как атрибут «мыслимые» — к области когниции. Когнитивный и коммуникативный аспекты реального речевого процесса синтезируют-

ся понятием *дектики*, то есть «осознанной прагматики», предложенным Ю. С. Степановым¹.

Осознанная прагматика библейского текста вводит не только аспект внутренних для текста языковых ситуаций (так, например, теоретик функционального перевода Юджин Найда находит адекватные способы выражения значений в различных языках по тождеству значений, а не по корреляциям вербальных единиц, называя их динамическими эквивалентами²), но также — и прежде всего — аспект внешней для текста ситуации *авторского действия*. Первая, и главная, коммуникативная ситуация — это создание автором своего текста в каждый конкретный момент вербальной последовательности. Этот аспект рассмотрения вербального материала интегрирует все остальные уровни обнаруживаемых функциональных корреляций. Например, с точки зрения языковых закономерностей перевода греч. λέγει αὐτῷ возможно как «говорит ему», «молвит ему» или «глаголет ему», при этом функционально все три варианта будут допустимы с точки зрения «динамической эквивалентности» Найды. Однако с точки зрения «осознанной прагматики» способ перевода определяют не корреляции функциональных эквивалентов, заданные «гениями языков» (Найда), а ситуация авторского вербального действия, в которой писатель имел в виду один определенный модус употребляемого выражения в целостной мыслимой ситуации своего действия (дискурсе). Иными словами, если динамическая эквивалентность устанавливает корреляцию между единицами текста, то дектическая (осознанно-прагматическая) эквивалентность стремится к установлению и передаче тождества авторских коммуникативных действий. Так, например, динамический эквивалент, найденный Н. В. Кузнецовой при переводе с греческого языка на русский³ («Как счастливы те, у кого чистое сердце! Они Бога увидят» — Мф 5: 8), удовлетворяет условиям языковой динамической эквивалентности, но не удовлетворяет условиям дектического тождества, поскольку иудеохристианский автор, создававший текст, явно не приписывал Мессии

¹ См.: Степанов Ю. С. Язык и метод. М., 1998. С. 377–380.

² См.: Nida E., Taber Ch. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969. P. 3–8.

³ См.: Кузнецова В. Н. Радостная Весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого. М.: РБО, 2001. С. 29.

столь восторженных чувств, передаваемых восклицательными интонациями и выражаемых к тому же столь наивными формулами. Поэтому существующий синодальный вариант для современного лингвокультурного пространства русскоговорящих гораздо более выдержан и правилен с точки зрения дектической (осознанно-прагматической) корреляции, учитывающей не только межъязыковые эквиваленты вербальных единиц текста, но и коммуникативное (дектическое) тождество авторского действия: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Характерно, что рассуждения о процедуре нахождения эквивалентов привели Найду и Тэйбера к отказу от строгого понимания «языка»: они вводят понятие различных уровней и регистров языка (официальный — неформальный, современный — архаичный и т. д.), которые могут смешиваться в рамках единого текста и, таким образом, смешивать картину «языка»¹.

Когнитивная природа вербального действия означает свободу в том числе от «языка»

7. Когнитивный элемент речевого процесса, последовательно введенный в методологию лингвистического описания, позволяет изобразить вербальное действие, взятое в его ситуативно-актуально-коммуникативной целостности, от детерминизма языковой формы (в том числе детерминированности «системой языка», сосюроевским *langue*, хомскианской «языковой компетенцией») и дает возможность констатировать в процессе порождения речи творческую свободу. Естественная речь есть результат не объективной прагматической ситуации (использованных вербальных клише, условий и адресатов, задающих параметры вербального действия), а результат активного свободного осознания этой ситуации, то есть дектический феномен, определяемый духовно-рациональным выбором говорящего, который производит адекватное (с его точки зрения) действие в мыслимом коммуникативном пространстве. Несмотря на причастность предметной области, реальная предикация (актуальное «говорение») в стадии создания свободно, поскольку сознание свободно в выборе возможностей предикации. Эти возможности реализуются в назначении подлежащих высказыванию объектов и их связей, в комбинировании мыслимых обстоятельств, установле-

¹ См.: Nida, Taber. Op. cit. P. 120–124.

нии актуальных целей речевого действия, определении собственной роли в данном коммуникативном пространстве, использовании тех или иных вербальных клише, в вовлечении невербальных средств в коммуникативный процесс и др.

С этой точки зрения необоснованными выглядят попытки навязать переводчикам LXX или авторам НЗ власть языка («греческий язык требует говорить так, а не иначе, но переводчики/авторы поступают иначе»). Следствием этого навязывания становятся выводы о грамматических ошибках и недостаточном знании типологии греческих вербальных клише, что охватывает собой понятие «семитизм». Констатируемое отсутствие единого языка провоцирует выводы о внеграмматичности, внелитературности и просторечности текстов. Однако процесс перевода или создания новых текстов ограничен лишь когнитивными рамками, которые ставит себе автор текста, определяя свои возможности совершить успешное коммуникативное действие. Если мнемотехнические рамки грамматики, налагаемые на материал исследователем, не совпали с авторскими, это указывает лишь на недостаточную эффективность грамматической мнемотехники в процессе исследования и на неполное владение параметрами дектической (осознанно-прагматической) ситуации. Иными словами, автор подвластен только необходимости осуществить помысленное коммуникативное действие известными ему средствами, а не грамматикализованной языковой форме, в которой принципиально отсутствуют личные коммуникативные действия. Грамматика вынуждена подчиняться авторскому видению коммуникативной реальности, а не навязывать свои недостаточные возможности, полученные ранее от все той же коммуникативной реальности.

Шахматная аналогия

8. Соотношение когнитивного и прагматического элемента в естественном речевом процессе можно описать, воспользовавшись шахматной аналогией. Устные/письменные речевые акты, являясь действиями, подобны ходам в шахматной партии: со стороны играющего (=коммуниканта) ходы непременно осуществляются фигурами на шахматной доске в данной позиции (=ситуативность), имеют некую цель — добиться преимущества, выиграть или просто поиграть (=актуальность) и всегда тесно связаны с некими действиями с противо-

положной стороны, обращены к противоположной стороне (=коммуникативность). При всей обусловленности совершаемых ходов их выбор всегда определяется свободным рациональным решением игрока (=когнитивный элемент). Так, при относительной немногочисленности «прагматических» условий (количество и достоинство фигур, значение полей и т. д.) две партии с совпадающим «когнитивным» рисунком ходов практически исключены — «условия» не уничтожают «свободы».

Распространяя эту аналогию на создание текстов LXX или НЗ, нужно отметить холистический характер каждого отдельного игрового эпизода (=момента коммуникации) и целой шахматной партии (=целостного текста). Совершая коммуникативные ходы, авторы в любой момент пребывали в осознаваемой ситуации коммуникативного действия (дискурсе), изменяя расположение фигур в позициях, возникающих на доске по их субъективному свободному выбору. Важно отметить, что анализ каждой игровой ситуации есть анализ когнитивных операций игрока в данных условиях, а не воли самих фигур и условий.

Вербальный процесс (действие) имеет косвенное отношение к мысли (недействию)

9. Речевой процесс вторичен по отношению к когнитивному процессу: первый представляет собой лишь средство реализации принятого невербального решения; результатом когнитивного процесса может стать признание возможности и целесообразности действовать в данном коммуникативном пространстве вербально. Тогда возникает необходимость использовать адекватные в данном коммуникативном пространстве вербальные клише с целью достижения нужного коммуниканту результата. Мысль нетождественна какой бы то ни было вербальной форме и связана с ней косвенно. Мысль локализуется на стадии планирования действия (как и замысел любого действия в некоммуникативном пространстве, например открывание двери ключом). В свою очередь говорение (или его графический субститут) представляет собою результат принятого решения, как действовать.

Слова зачастую возникают («звучат») в сознании, когда коммуникант мысленно воссоздает ситуацию коммуникации, в которой он представляет себя или иного коммуниканта действующим. Так назы-

ваемая высказанная мысль, в отличие от невысказанной, всегда акциональна по своему предназначению — ориентирована на действие в целенаправленной коммуникации. В этом смысле «критика чистого разума» возможна лишь в условиях, лишенных следов приспособления к коммуникативному пространству, то есть в молчании и тайне.

Невозможность «языкового сознания»

В добавление к сказанному о невозможности «языкового» (например, «семитоязычного») сознания новозаветных авторов (см. п. 3), нужно заметить, что специфические черты «картины мира», свойственные представителям различных социумов (от национальных до малых, например, семейных коллективов), отсылают не к формам «языка», а к формам знания (фреймам), формируемым в совместных культурных практиках. С одной стороны, тождество фреймов зачастую может обеспечить возможность адекватных переводов при соответствии «слово—слово». Так, авторские вербальные действия «увидел», «пошел», «сказал» можно переводить с «языка» на «язык» словом в слово, рассчитывая на совершенное тождество фреймов «видения», «хотьбы» и «говорения», независимо от культурной специфики, поскольку они тождественно мыслимы во всех языковых коллективах (неожиданным контрпримером может служить талмудическая интерпретация (Шмот раба 1: 23) «ходили» как «умирали» (Исх 2: 5)¹, что, впрочем, лишь подтверждает когнитивный, а не формально-языковой аспект процедур понимания авторского действия). С другой стороны, многие практики нетождественны (или вовсе отсутствуют) в различных сообществах, и в таком случае перевод как восхождение к тождественно мыслимому нуждается в опосредовании и опоре на имеющиеся в целевом сообществе фреймы. Так, углубление в скале для оставления покойника, обычное для практики захоронения в Палестине и входящее в естественный для жителя древнего Иерусалима фрейм, весьма неточно соответствует русскому (древнему и современному) слову «гроб», поскольку русский фрейм захоронения предполагает иной способ захоронения и иное место для положения тела покойника. Поэтому адресат, к которому обращается переводчик со словом «гроб» (например: «На том месте, где Он рас-

¹ См.: Ковельман А. Б. Герменевтика еврейских текстов. Учебное пособие к курсу «Источниковедение истории евреев». М.: Книжники, 2012. С. 31.

пят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко. В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба...» — Ин 19: 41–20: 1), должен либо заранее знать когнитивное состояние автора и переводчика (то есть составлять с ними единое коммуникативное сообщество и владеть специфическим пониманием того, как интерпретировать слово данного автора, сказавшего «гроб»), либо получить от адресанта подробные инструкции по интерпретации с опорой на доступные адресату практики. В таких ситуациях переводчик (интерпретант) вынужден пользоваться дополнительными способами достижения когнитивного тождества в сознании адресата (так, объяснение специфической для русской культуры формы захоронения можно построить на понятиях «скала», «углубление» и др.). Перевод с одного «языка» на другой, таким образом, представляет собой восхождение к единой культурной реальности, тождественно мыслимой вне вербальных форм, но вовлекаемой в коммуникацию с помощью вербальных форм.

10. Интеллектуальный (когнитивный) процесс, последовательно избавленный от предметного «слова» (последнее в актуальной речи есть инструмент действия в коммуникативном пространстве, некое внешнее «используемое» средство, сущностно не связанное с «использующим» его мыслящим субъектом), имеет *лингвистические* перспективы философского, богословского, психологического осмысления, оставаясь при этом главной необходимой причиной вербального — *лингвистического* — материала.

3.3. Дискурс, или Осознанная коммуникативная ситуация

Коммуникант и осознанное действие

11. Свойства мыслимых ситуативности, актуальности и коммуникативности способно теоретически объять собой понятие *коммуникативной ситуации*.

Коммуникативная ситуация — это любой момент возможного знакового (взаимо)действия, предполагающий наличие хотя бы одного

коммуниканта (последний уже может действовать в мыслимом коммуникативном пространстве, представляя себе адресатов, обстоятельства и т. п.). Едва ли не главной разновидностью коммуникации является вербальная, в которой говорящий (пишущий) производит действия с использованием вербальных клише. Любой речевой акт можно адекватно понять только как принадлежность определенной коммуникативной ситуации, в рамках которой он был реализован. *Понимание сводится к истолкованию действия говорящего/пишущего.* При понимании осуществляется «обратный перевод» в невербальную область когниции, где «смыслы» суть личные типологически мыслимые несловесные представления интерпретатора о подобной ситуации. Мыслимая коммуникативная ситуация может быть названа также *дискурсом*.

Элементы коммуникативной ситуации

12. *Главные элементы коммуникативной ситуации* (или дискурса), способные при надлежащем описании быть ее (его) характеристиками:

1) *Фреймы*, то есть общие знания о мире и о данном его сегменте, например, фрейм поездки в метро, фрейм газеты или художественной литературы, фрейм анатомии человека, фрейм филологического образования, фрейм православного богослужения и т. д.; этот элемент чрезвычайно многолик и вряд ли укладывается в строгий список пунктов, будучи сам по себе невербален. Так, чтобы представить свой путь до определенного целевого пункта в уже известном пространстве, коммуниканту необходимо актуализовать существующий фрейм этого пространства и воссоздать в памяти иконическую последовательность действий или промежуточных стадий, при этом ни единого «слова» ни произнесено, ни представлено с его стороны не будет. Однако если возможный коммуникант оказывается в незнакомом месте и «невербально» осознает, что путь был избран неправильно, то здесь уже вербальное коммуникативное действие — вопрос, заданный встречному прохожему, — становится необходимым. Этот вопрос будет задан также в соответствии с определенным фреймовым знанием, индивидуальным для коммуниканта: на каком «языке» в данном городе (стране) говорят, каковы особенности этикета в подобных ситуациях, что можно спросить у взрослого человека, а что у

ребенка (и чем вообще отличается взрослый от ребенка), что может означать в данной предметной ситуации фактор времени дня — утро, день, глубокая ночь и т. д. Фреймовые знания всегда присутствуют в сознании говорящего, актуализуются в мыслительном процессе и образуют фон возможного вербального действия, позволяя соотносить действие с условиями его совершения на макро- и микроуровнях.

2) *Факты и данные, непосредственно* связанные с моментом акта коммуникации. К ним относится расстановка первого—второго—третьего лиц в акте коммуникации (соответственно говорящий, адресат, референт), (не)вовлеченность первого—второго—третьего лиц в ситуацию, присутствие в поле зрения коммуникантов неких объектов, других людей, предшествующие коммуникативные акты; предшествующая часть текста, предисловие к роману, знание структуры сборника данных текстов и др.; этот пункт составляют конкретно ситуативные элементы, с которыми коммуникант неизбежно считается; они предполагают актуализацию различных фреймов в сознании коммуникантов и всякий раз являют новые «вызовы» сознанию говорящего и слушающего. Так, ситуация в вагоне Московского метро имеет обширный фрейм: говорящий (возможный коммуникант) уже знаком с пространством, в котором он находится, ему известно, что здесь обыкновенно говорят по-русски, поездка в метро представляет собой передвижение по тоннелю от станции к станции, существует определенный порядок станций, на каждой из них двери поезда открываются и т. д. Непосредственно связанным с конкретной коммуникативной ситуацией может быть возникшая теснота и давка в вагоне, также — стоящий перед коммуникантом адресат с определенными чертами, на которого и направлено вербальное действие, вполне заданное ситуацией: «Вы выходите?»; при этом говорящий не спрашивает ни о том, на какой станции тот выходит, ни о том, откуда и куда он выходит. Кроме того, сам адресат для «Вы» устанавливается непосредственно ситуативно — пространственной близостью, пространственной направленностью речи и т. д.

Ту же картину можно наблюдать и при создании письменного текста. Прежде всего автор в зависимости от предполагаемого адресата оценивает ситуацию исполнения своего вербального действия и осознает, какими *моделями (клише)* пользоваться (о языковых клише см. следующий пункт) в своей журнальной статье, записке на стенд, официальной бумаге и т. д. Ему известен огромный массив фреймовых

сведений, которые, как он предполагает, в какой-то мере известны также адресату. Автор неизбежно оценивает обстоятельства инициации предполагаемого текста, то есть «тему» текста, которая связывает авторское вербальное действие с действительностью и обуславливает уместность письменного текста в данное время в данном месте. Так, если для русскоязычной публики начала XXI в. русскоязычный прозаик задумает написать пространный роман по-французски, его вряд ли опубликует московская рекламная газета, распространяемая бесплатно. Именно поэтому, оценив ситуацию, автор в некоторых пунктах скорректирует свои творческие планы — станет писать по-русски, рассчитывать на иные возможности публикации и пр. Каждый отдельный момент письменной речи автора — если это, например, нарратив — создает условия для последующих моментов, то есть осуществляется последовательность воздействий. Автор моделирует смену событий и фактов, в рамках которых обретают значение его последующие указания на события, речи персонажей и пр. Таким образом, ситуация функционирования письменного текста оказывается ничуть не менее обусловленной, чем диалогическое устное (со)общение, поскольку в обоих случаях речь идет об осознании ситуации коммуникации и о вербальном действии, помещаемом в осознанную коммуникативную реальность и соотношенном с нею.

3) *Модели (клише) речевой деятельности* на макро- и микроуровнях текста, актуальные для данной ситуации или ее момента, или модели вербальной реализации коммуникативных ситуаций. Этот пункт составляют разнообразные *вербальные* формы устной и письменной речи, которые приняты и подходят для тех или иных случаев и моментов построения актуальных коммуникативных действий (о которых участник лингвокультурного сообщества знает, что они вызывают в сознании других участников подобные изменения в схожих условиях), в том числе жанровые модели, способы выражения вовлеченности первого—второго—третьего лиц, так называемый «выбор слов», также то, что обыкновенно определяется как *парадигматика* языка, например, употребления падежей, предлогов, глагольных форм в соответствующих ситуациях действия и многое другое, составляющее для «носителя языка» арсенал *нетеоретизированных данностей*. Важно отметить именно то обстоятельство, что клише родного языка усваиваются говорящим вне какой бы то ни было лингвистической теории, вне того или иного варианта «грамматики языка». Так,

ребенок осваивает родной язык исключительно как умение реализовывать необходимые коммуникативные ситуации, всецело вне теоретического знания «языка». Таким же образом и взрослый носитель «языка», независимо от уровня образования и филологической подготовки, свободно реализует привычные коммуникативные действия, не зная категорий (или не вспоминая о категориях) падежей, склонений, окончаний, времен и пр. Хотя владение иностранным «языком», в отличие от родного, зачастую концептуально, сформировано определенной мнемотехнической схемой его описания (чаще всего в этой роли выступает «грамматика»), однако подлинное знание любого иностранного «языка» представляет собой способность без долгих размышлений над формой вербального действия свободно реализовывать коммуникативные действия «неродными» вербальными клише, и чем больше в знании неродного «языка» привычки, навыка вербального действия в соответствующих ситуациях, тем менее необходимо теоретическое «знание», которое у настоящих знатоков «языка», то есть его носителей, в момент актуального говорения вовсе отсутствует. Подлинную систему «языка» из хаоса вербального материала создает не абстрактная грамматическая система, обычно конституируемая гипотетическим понятием «языка», «компетенции» (*langue, language competence*), а *осознаваемая типология коммуникативных ситуаций*.

4) так называемые *паралингвистические характеристики* коммуникативного акта: темп речи, тембр голоса, интонация, дефекты произношения, жесты и др.; неразборчивый почерк, качество печати, дефекты носителя текста, ошибки переписчика, фрагментарность текста и многое другое, что всегда сопутствует любому — устному или письменному — вербальному акту, поскольку последний непременно обладает физической компонентой, а следовательно, вовлеченностью в физические (механические) процессы¹.

5) Личное восприятие и использование элементов осознаваемой коммуникативной ситуации (дискурса), или фактор *дектики*². Дектика, или *воспринятая прагматика*, по сути, содержит в себе все про-

¹ Ср.: *Dijk T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. Ch. 9: Context and Cognition: Knowledge Frames and Speech Act Comprehension. The Hague, 1981. P. 218.*

² См.: *Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 377–380.*

чие элементы дискурса, локализуя процесс порождения и восприятия речи, организации речевого действия и его понимания в сфере личной субъективности и свободы. Понятие дектики отчасти коррелирует с понятием фреймовых знаний, но подчеркивает субъективный и акциональный характер речевого процесса, или особую деятельную роль говорящего. Так, если самые общие фреймовые знания свойственны громадному большинству людей и соответственно в каком-то смысле гуманитарно объективны, интерсубъективны (например, любой человек, независимо от культурной традиции, видит, слышит, ходит, дышит, думает и т. д., формируя соответствующие концепты в сознании), то преломление этих знаний и конкретная предикативная фокусировка содержания фрейма в реальной речевой ситуации всегда полагаются в индивидуальной сфере. Очевидно, что дектичен — то есть лично воспринят и преломлен — любой используемый элемент невербального фрейма и самого вербального процесса, любой целостный речевой акт.

Проблема субъективного и общего

В связи с дектикой возникает проблема субъективного и общего в вербальном коммуникативном процессе. С одной стороны, «носители языка» никогда не демонстрируют полного тождества в использовании элементов «языка»: одну и ту же коммуникативную ситуацию различные «информанты» реализуют различными сочетаниями вербальных клише, различными конструкциями, с различными фокусировками, не говоря уже о мыслимых ими значениях каждой из единиц. С другой стороны, понимание или непонимание одного и того же в тождестве между различными «носителями» очевидным образом напрямую не связано с единым знанием ими единого «языка» (который, заметим, знаком им всегда в различной мере, в различных аспектах). Дектика, таким образом, фиксирует субъективность процесса говорения/письма как лично осознанной деятельности, подчеркивая отсутствие строгого единообразия в восприятии и пользовании вербальных клише и интерпретации невербальных феноменов. Она обнаруживает нетождественность «языковой компетенции» и знания «языка» даже у его носителей, тем более знания иностранных «языков».

Получается, что признание «единого языка» как будто исключает ведущую к нетождественности (непониманию) субъективность лю-

бого речевого факта и обеспечивает единство и тождество в практиках всех говорящих/пишущих на данном «языке». А дектика в свою очередь как будто исключает взаимопонимание говорящих/пишущих, зато остается на почве реальности, утверждая принципиально личный (лично мотивированный и индивидуализированный) характер говорения/письма.

Разрешение этой апории достигается снятием той роли, которая обыкновенно приписывается «языку» в вербальной коммуникации. Любой говорящий (слушающий) в актуальном речевом процессе *порождает и понимает не «язык» и не «языковые значения», а конкретные коммуникативные действия*, которые в конце концов имеют невербальные когнитивные основания. Смыслорождение в вербальной коммуникации (говорение/письмо и понимание) восходит к потенциальному тождеству когнитивных процессов, а не к мнимо едиобразному «языку». Оно обусловлено скорее способностью обладателя индивидуального сознания отождествлять себя с коммуникативными действиями обладателей такого же сознания в подобомыслимых условиях.

3.4. Дискурсивный синтаксис, дектическая синтагма

Вербальный текст как предикат мыслимой коммуникативной ситуации

13. Любой вербальный текст, созданный в естественных условиях, отражает последовательность коммуникативных действий говорящего/пишущего, которые представлены вербальными элементами (составляющими «предложения»). Каждое вербальное предложение (как «представитель» отдельного коммуникативного действия) является *предикатом соответствующей коммуникативной ситуации*, в рамках которой действие было порождено говорящим и в рамках которой вербальная составляющая действия может получить интерпретацию. Таким образом, текст в каждом из своих моментов содержится в изменяющейся ситуации коммуникации как в своем «субъекте» и обусловлен ею; соответственно текст (в каждом из своих моментов) есть функция мыслимой коммуникативной ситуации.

14. Любой из вербальных феноменов — на уровне звука, морфемы, лексемы, словосочетания, предложения и собственно текста в каждый из его моментов — интегрирован в мыслимую коммуникативную ситуацию (=дискурс) и задан ролью говорящего, погруженного в нее и осознающего реальные условия предикирования.

Дектическая синтагма

15. Если лингвистическое описание выходит из границ предложения и констатирует, что «слова» естественного языка связаны в значимую последовательность не внутренними для предложения связями, а значимым внефразовым принципом и что этот интегрирующий, «связывающий» принцип есть осознанная знаковая деятельность коммуниканта, или мыслимая им коммуникативная ситуация с ее фреймами, актуальными особенностями, моделями, паралингвистическими факторами и дектикой, то само понятие синтаксиса становится существенно иным. Традиционный синтаксис, понимаемый как связь слов в предложении (в крайнем случае, связь нескольких простых предложений между собой), — связь, обычно описываемая по внутрифразовым отношениям, лишь иногда с некоторыми элементами сверхфразовости в целях грамматикализации все того же отдельного предложения, — должен претерпеть изменения и пониматься как интегрированность элементов текста в осознанную коммуникативную ситуацию, или *интегрирование элементов текста сознанием действующего коммуниканта*. Такой синтаксис, организуемый автором коммуникативного вербального действия, можно назвать дектическим.

16. Соответственно весь комплекс актуальных отношений, возникающих у рассматриваемого вербального феномена в мыслимой коммуникативной ситуации, можно назвать *дектической синтагмой*.

17. Дектическая синтагма, то есть осознанная ситуация использования данного вербального элемента, интегрирует значение вербального элемента на любом уровне анализа. До помещения в конкретную дектическую синтагму лингвистические феномены, в том числе слова, не обладают источником воспринимаемого значения. Так, звуковой комплекс [ja] не возможно идентифицировать до тех пор, пока он не будет помещен в конкретную ситуацию использования данного языкового клише, то есть в конкретную дектическую синтагму.

В зависимости от конкретной синтагмы, из которой извлечен данный фонетический комплекс, это клише будет единицей немецкого, французского или русского и прочих «языков» (вернее, коммуникативных практик, из которых затем создаются «языки»). Ту же ситуацию следует констатировать с более сложными «комплексами».

18. Вербальный материал, бессмысленный и хаотичный вне актуального использования, организуется и становится воспринимаемым, смыслообразующим только в составе актуального коммуникативного действия, которое производится говорящим в мыслимых им условиях. Понять сказанное/написанное — значит воссоздать единство данного вербального материала, автора и мыслимых условий его воздействия на аудиторию, или *аутентичную дектическую синтагму данного вербального действия*, то есть ответить на вопросы — кто? когда? где? зачем? с какой целью? что и/или кого имел в виду? к кому обращался? и т. д. Так, лингвистический материал [идет] невозможно понять, поскольку невозможно ответить на указанные вопросы. В естественном вербальном процессе [идет] никогда не произносится вне дектической синтагмы, именно поэтому данное клише (вербальная модель) в изолированном виде не может иметь смысл и считаться подлинно лингвистическим материалом. То же следует сказать о любом вербальном феномене, если он в процессе теоретизирования не имеет (лишается) своего места в конкретной актуальной дектической синтагме.

3.5. Типология дектических синтагм

Коммуниканты «говорят» не словами, а дектическими синтагмами

19. Интерпретация естественного коммуникативного процесса и его вербальных элементов предполагает выход за пределы собственно вербального материала, переход на другой уровень лингвистической абстракции, отказ от вербального материала как системы и организованного «в себе» единства.

20. Вербальный материал (или предметный элемент «языка») не обладает собственной причинностью и самоидентичностью. В нем нет собственных «значений» и «смыслов» вне конкретной дектиче-

ской синтагмы, интегрирующей значение вербальных элементов. Так, «значение» слова [ja] (так же как и выделение данного звукового комплекса в отдельное «слово») неопределимо и невозможно до тех пор, пока данный «материал» не будет осмыслен как часть соответствующей дектической синтагмы ([ja] хочу; [ja], ich wünsche...; il [ja] un livre sur la table etc.).

«Язык» неэффективен для моделирования естественного вербального процесса

21. Вполне очевидно, что «назначение значения» вербального действия (и соответственно его элементов) всякий раз происходит в *сознании* коммуниканта и не может рассматриваться вне его сознания. Адресат и вторичный интерпретант в свою очередь воссоздают его когнитивное состояние, стремясь к пределу смыслообразования, заданному сознанием коммуниканта и часто недостижимому в полноте при интерпретации.

Преодолевая неудобства психологического подхода, для объяснения говорения/понимания словоизолирующая (структурно-грамматическая) парадигма постулирует существование единой *системы* и *структуры*, имеющих место в сознании автора и адресата. Фактом единой системности (структурности) объясняется способность коммуникантов говорить и понимать друг друга: правила работы «словесного инструмента» («механизма») мыслятся едиными, одинаково устроенными для всех «пользователей», иначе тождество «значений» употребляемых пользователями «слов» мыслится ничем не обеспеченным. Самоидентичная система «языка» постулируется Ф. де Соссюром в понятии *langue* и Н. Хомским в понятии *language competence*. Однако, ничуть не подвергая сомнению право науки создавать абстрактные объекты для моделирования рассматриваемых явлений, следует признать, что *эта абстракция неэффективна* и строгой системы, «схватывающей» смысловую и формальную области естественного коммуникативного процесса, в естественных данных «языка» констатировать невозможно. Тем более невозможно осуществить *смыслообразование* вне конкретного авторского действия (например, невозможно ответить на вопрос о том, кто или что конкретно имеется в виду под словом «[ja]» вне актуального авторского действия и пр.). Поэтому абстракция «язык» (понимаемый как

система элементов) неэффективна для моделирования смыслообразования в естественном вербальном процессе. Как в случае с [ja], искомые значения элементов всегда содержатся за их пределами, в мыслимой кем-то ситуации коммуникации, в дектической синтагме как моменте ситуации.

22. Признаком несамотождественности «языка», то есть признаком отсутствия системности и структурности в наблюдаемом словесном элементе речевого процесса (а вне акционального речевого процесса лингвистических фактов естественного «языка» не существует), является *фактическое неисполнение принципа «знак—значение»*, а именно изменчивость (вариативность) акустического и графического облика вербальных феноменов, многозначность выделяемых элементов, зависимость от когнитивных процессов автора и интерпретанта, то есть от избираемых факторов семиозиса, бессмысленность вербальных феноменов вне индивидуально мыслимых коммуникативных действий, служебный характер вербальных клише в процессах смыслообразования и прочее.

Типология коммуникации и вербальных клише. Дектические синтагмы

23. Коммуниканты порождают и интерпретируют коммуникативные действия, вербальный компонент которых (если он есть) не может быть тождественно мыслим вне данных конкретных действий. Типология коммуникативных действий вместе с типологически мыслимыми условиями их совершения лежит в основании любых попыток представить набор «общих» вербальных клише в виде системы (подсистемы) или структуры «языка».

Способность говорить на «языке», или «знание языка», усваивается говорящим (ребенком в случае овладения родным «языком») как умение произносить определенные вербальные клише в соответствующих моментах коммуникативных действий. Типологию этих действий овладевающий «языком» участник социума узнает вместе с соответствующими вербальными клише (словами), которые понимаются и усваиваются только благодаря коммуникативным ситуациям. Осваивая «язык», говорящий в действительности приобретает знание дектических синтагм, состоящих из типологических ситуаций коммуникативных действий и произносимых при этом слов (вербальных клише).

Вербальная часть коммуникативных синтагм получает возможность быть смыслообразующей только при условии встраивания в личное коммуникативное действие. Номинативная функция слов возникает из дектических ситуаций, в которых говорящий производит свое коммуникативное действие. Ситуации предоставляют говорящему референционную базу для номинации, осуществляемой в коммуникативном действии.

Вербальные клише «переводятся друг другом» в зависимости от типологически мыслимой гуманитарной реальности в коммуникативных группах (самых различных по составу участников, обладающих общей практикой коммуникативного взаимодействия — от нескольких человек до огромных коллективов).

24. Попытки «системного» представления вербального материала сводятся к обретению типологии вербальных клише на основе типологии коммуникативных действий.

Так, утверждать, что звуковой комплекс [ja] является «местоимением первого лица единственного числа», можно только в том случае, если иметь в виду, что у данного слова в конкретной ситуации был автор, который придал этому комплексу *такое* значение. Осознанная им коммуникативно типологическая позиция (в данном случае позиция говорящего, указывающая на себя) в актуализованной ситуации (то есть в актуальной дектической синтагме) придала «значение» до того бессмысленному [ja]. В зависимости от мыслимых условий коммуникации к данной типологической позиции может быть применено иное вербальное клише — [aj], [ani], [ego], соответствующие глагольные формы, жесты и пр., однако «значение» будет единым для этих клише благодаря единству (тождеству) коммуникативной позиции, мыслимой тем, кто в данной ситуации производит данное действие — говорит лично о себе, указывает на себя.

Грамматика — мнемотехническая схема на основе коммуникативной типологии

25. Грамматика «языка», необходимость в которой возникает у внешнего наблюдателя («носителя»), представляет собой *мнемотехническую схему*, которая упрощает доступ к арсеналу аутентичных дектических синтагм, известных коммуникантам—«носителям языка» вне какой-либо схемы («грамматики»). При этом основани-

ем для создания грамматической мнемосхемы является известная наблюдателю типология коммуникативных действий. На основе общности коммуникативных действий устанавливаются не только синонимические вербальные клише, но и корреляции между вербальными клише различных языковых коллективов.

Понимание текста — интерпретация последовательных коммуникативных действий

26. Восприятие текста (в том числе письменного) адресатом или вторичным интерпретатором заключается в понимании последовательных коммуникативных действий, то есть в идентификации мыслимой ситуации коммуникации и роли говорящего в ней. Так, чтобы понять конкретное вербальное клише [«внешнего наблюдателя»], необходимо обратиться к актуальному коммуникативному действию и определить момент коммуникативного действия (дектическую синтагму для данного клише), например, в составе того действия, которое реализовано в данном тексте, в начале предыдущего абзаца.

Номинативная функция клише, занимающего определенную позицию в дектической синтагме, возникает из мыслимой автором типологии использования этих слов в заранее известных ему коммуникативных контекстах (коммуникативной типологии). При организации нового действия автором создается новая диспозиция объектов и связей, которые репрезентируются посредством коммуникативно-типологических клише. До этого «пустые», в новой актуальной ситуации они получают «наполнение» из заново мыслимого коммуникативного контекста, параметризованного говорящим (пишущим). В каком-то ином коммуникативном действии слова [«внешнего наблюдателя»] будут интерпретироваться иначе, в зависимости от замысла говорящего (пишущего) и возможностей интерпретанта. Без обращения к целеположенному личному действию слова [«внешнего наблюдателя»] не могут участвовать «сами» в процессе смыслообразования, так же как текст или предложение не могут самопорождаться.

Означивание вербальных элементов коммуникативных действий

27. В процессе порождения/понимания естественной речи участники для совершения действия используют знание и навыки владения

коммуникативной типологией (типологией коммуникативных ситуаций, или типологией дектических синтагм). В личном коммуникативном действии всякий раз заново выстраивается многофакторная дектическая синтагма, параметры которой необходимы для порождения и интерпретации данного коммуникативного действия. Единообразное вербальное клише (например, [ja]), входя в состав различных коммуникативных синтагм, приобретает новые нетождественные значения. Так, каждый, кто указывает на себя посредством единообразного [ja], имеет в виду только себя лично, а не обобщенное «первое лицо единственного числа». Смыслообразование не происходит, если не понимается в тождестве то, что имел в виду говорящий, совершивший данное действие и назначивший данному [ja] «личное» значение.

Мыслящий коммуникант «назначает» значения предметным единицам «языка», совершая новые (актуальные для него и в данный момент) действия. Смыслообразование происходит здесь и сейчас для говорящего (пишущего). Внеакциональные (полагаемые за пределами действия) «значения» не могут идентифицироваться сознанием в тождестве. Для смыслообразования необходимо помыслить дектическую синтагму, в составе которой данный элемент может, с точки зрения интерпретатора, быть смыслообразующим.

Невербальное тождество значений

28. Подлинное коммуникативное тождество реализуется в когнитивной сфере, где невербально осознается ситуация и субъектное действие в ней. Так, указание на себя является целью говорящего, в намерении указать на себя нет вербального компонента. Реализация этой цели в коммуникативном пространстве требует вербальных клише (или каких-то иных знаков). В результате говорящий может прибегнуть к словесным клише, которыми он решил воспользоваться в данной коммуникативной процедуре в зависимости от параметризованных условий и своих целей ([ja], [ani], [ego], [aj], [ich] и пр.). Интерпретант, в конце концов, идентифицирует интенцию говорящего указать на себя и, таким образом, «возвращается» в невербальную сферу когнитивного тождества, понимает сказанное.

29. Временные и линейные характеристики приложимы к текстам, если они воспринимаются как последовательность материальных знаков (фонем, слов, предложений и пр.). В то же время акциональ-

ный аспект любого текста (то есть восприятие текста как последовательности коммуникативных действий в мыслимом коммуникативном пространстве) формирует более сложную, объемную картину смыслообразования. Так, естественный процесс смыслообразования всегда локализован в одной точке, то есть в данном моменте совершения коммуникативного действия. В этом смысле категория текста как некоторой последовательности связанных предложений обманчива, поскольку смыслообразующим всегда выступает единственный участок, в котором локализовано действие автора, то есть в котором он говорит, предпринимая попытку воздействия на читателя (слушателя). Сознание автора и адресата совершает при этом нелинейные процедуры для идентификации параметров коммуникативного действия, которые в большинстве случаев прямо не связаны с данным моментом текста. Иными словами, автор совершает действие в мыслимом пространстве, пронизанном различного рода связями, объектами, фонами и наполненным работой интегрирующего сознания, которое обеспечивает конечный результат смыслообразования. Линейные и плоскостные метафоры менее эффективны для описания коммуникативной реальности текста как последовательности коммуникативных действий.

3.6. Предикация

Актуальный текст — предикат мыслимой коммуникативной ситуации

30. Сама возможность предикации (осмысленного говорения/письма) состоит в свободном разумном выборе одной из свойственных мыслимой ситуации потенций воспринять, «вместить» вербальное действие говорящего/пишущего. Актуальный текст представляет собой предикат соответствующей коммуникативной ситуации, в которой коммуникант принял решение действовать.

Подлежащее и сказуемое зависимы от сознания

31. Любое «подлежащее» суждения не существует объективно в предметном мире, а возникает как результат когнитивных процедур индивидуального сознания. Именно поэтому одни и те же «вещи» мо-

гут называться различными назначенными именами, входить одновременно в разные множества ситуативно назначенных родов, видов и классов, объединяться с любыми другими «вещами» на основании актуально назначенных признаков и пр. Как нельзя говорить о том, что представляет собой правое и левое, горячее и холодное, высокое и низкое вне той системы координат, которая задана сознанием наблюдателя, так невозможно говорить о «подлежащем» суждения вне лично актуального и лично предпринятого назначения «подлежащего». То же — о «сказуемом» суждения.

Аристотелевский субъект — объект, созданный говорящим

Иначе говоря, в реальном речевом процессе на месте подлежащего присутствует «объект», созданный говорящим, то есть замеченный им, выделенный им из прочих возможных, оказавшийся для него важным, поставленный в определенную связь с другими выделенными объектами, наделенный актуальными признаками и пр. Эти «назначения» необходимы говорящему для реализации своих целей в мыслимом коммуникативном пространстве. В этом смысле прежний логический «субъект» логического предложения меняет свою подчиненность и превращается в «объект» назначенного коммуникативного действия, а новым «субъектом» становится действующий коммуникант, параметрирующий ситуацию предикации и организующий вербальное действие.

Выделение объектов, назначение пространственных, причинных и пр. связей происходит в результате деятельности сознания. Признание самоидентифицирующихся объектов и их связей (античная схема) не отвечает реальности мыслительного и речевого процессов.

3.7. Лексема

Приоритет коммуникативного синтаксиса

32. Синтаксис, понимаемый дектически (то есть как совокупность связей, возникающих в ситуации действия в мыслимом коммуникативном пространстве), вбирает все феномены лингвистической структуры (феномены всех уровней). Теоретическим препятствием

для такой констатации выступает «значение лексем», или значение слова. Так, ни в одной из концептуальных попыток представить дискурсивную модель непротиворечивой не подвергается сомнению существование лексического значения слова, его так называемая семантика. Х. Вайнрих, например, говоря о детерминировании слова текстом, признает тем не менее существование неких «размытых» «неопределенных» значений у самих лексических единиц¹. Если это так, то есть если некие внетекстуальные и внедискурсивные (внедекτικές, внепрагматические) значения в лексических единицах существуют, тогда сами слова заключают в самих себе принципы образования лингвистических структур, превращаясь из интегрируемых элементов в интегрирующие. Такой подход (=слово-изолирующая парадигма) отрицает дискурсивную парадигму лингвистического описания, скорее даже просто сводит ее на нет, поскольку категория мыслимой коммуникативной ситуации (дискурса) теряет свой смысл. Эту теоретическую апорию другими словами можно представить в виде оппозиции двух утверждений: «Мыслимая коммуникативная ситуация определяет свои минимальные единицы (в том числе значения слов)» vs «Минимальные единицы (в том числе значения слов) определяют коммуникативную ситуацию».

Лексема как производная коммуникативного синтаксиса

33. Разрешение этой апории достигается последовательной коммуникативной (когнитивной) интерпретацией лексем, а именно, признанием того, что значение любого изолированного элемента (слова или любого другого, предметно определенного феномена, — например фонемы, морфемы) есть представление о действии в реальной коммуникативной ситуации и о месте данной выделенной единицы в актуальном действии.

Ассоциации, возникающие у «носителя языка» при изолированном произнесении слова (что обыкновенно провоцирует признать «значение слова»), есть не что иное, как воспроизведение в памяти некой (минимальной) коммуникативной ситуации, которая достаточна для употребления данного фонетического комплекса («слова») и

¹ См.: Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 46. Ср. также: Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. Ср. с. 1 со с. 16–17, 20–27 и др.

которой данное «слово» вполне свойственно. Коммуникативная ситуация при этом понимается как любое возможное (со)общение, когда говорящий/пишущий имеют целью адекватное (то есть нужное автору) воздействие на читающего/слушающего.

Значение предметного элемента становится в таком случае полностью коммуникативным, выводимым из мыслимого процесса коммуникации, а не из автономных слов в виде текста или предложения. Таким образом, коммуникативная (дискурсивная) модель описания языкового факта становится непротиворечивой: значение изолированного элемента становится феноменом полностью дискурсивно-синтаксическим, поскольку ассоциируется с представимым коммуникативным действием, то есть мыслится интегрированным в коммуникативную ситуацию, переставая быть самостоятельным смыслообразующим элементом. Любое «лексическое значение», мыслимое даже в изолированной позиции, оказывается неизбежно синтаксическим в смысле дискурсивного понимания синтаксиса.

3.8. Звук, фонема, морфема

34. Любой из вербальных феноменов — на уровне звука, морфемы, лексем, словосочетания, предложения и собственно текста в каждый из его моментов — интегрирован в мыслимую коммуникативную ситуацию (=дискурс) и задан ролью говорящего, погруженного в нее и осознающего реальные условия предсказания.

Процедура выделения любого предметного элемента речи (в том числе звука, фонемы, морфемы) имеет основанием типологию деклических синтагм — типологию живого коммуникативного взаимодействия говорящих. В ходе этой процедуры предметная сторона вербальной коммуникации подвергается анализу на основании физических и физиологических критериев. Как невозможно, усвоив только буквы и звуки, участвовать в актуальной коммуникации, так же невозможно признавать элементы данного уровня носителями автономных значений.

Так, невозможно определить, какому из «языков» принадлежит данный предметный элемент, если изначально неизвестна коммуникативная практика, из которой взят данный элемент.

3.9. Коммуникативная парадигма *vs* предметная парадигма в лингвистическом описании библейского текста

35. Каждый элемент лингвистической структуры определен и задан более высоким — в конечном счете невербальным — уровнем, то есть самой осознанной коммуникативной ситуацией, и, взятый вне актуальной деклической синтагмы, не имеет значения. В свою очередь для приписывания ему какого-либо значения необходимо «вернуть» его в ситуацию актуального коммуникативного взаимодействия.

Глагольная форма ἔτιπτον, извлеченная из актуального текстового эпизода (который в свою очередь извлечен из созданной автором ситуации), рассматривается по уровням лингвистического анализа, от фонологии к уровню текста и мыслимой коммуникативной ситуации.

Уровень фонем и графем

В данном примере данный фонетический комплекс представлен (как и в аутентичном тексте) графически. Чтобы воспроизвести его подлинный фонетический (то есть первичный для любого языкового коллектива) облик, необходимо вернуться в ситуацию авторского действия. Это становится возможным благодаря непрерывной традиции, в которой участвует исследователь, изучающий «греческий язык», и которая в конечном счете соединяет авторский замысел данного звукокомплекса, представленного графически, со способностью и возможностью современного интерпретатора воспроизвести данное слово. Замечу, что без участия в традиции изучения греческой цивилизации произнесение данного фонетического слова вовсе невозможно. Традиция, сохранившая правила чтения греческих букв в рамках греческого цивилизационного пространства и европейской науки, предлагает условные варианты воспроизведения данного графического комплекса: [etiption] или [etyption] с ударением на первом слоге. Однако этого недостаточно для понимания авторского замысла, ввиду невозможности определить по отдельному слову комплексную ситуацию авторского действия, включавшего смыс-

ловой компонент. Замечу, что автор не произносил (и не изображал) это слово отдельно от целостной ситуации коммуникации. Его интересовал результат целостного коммуникативного действия, интерпретация которого, или смыслообразование, является единственным искомым для некогда мыслимой автором аудитории и соответственно для вторичного интерпретатора (исследователя).

Уровень морфем

Морфология данной глагольной формы, доступная современному исследователю по грамматическим справочникам, указывает на имперфект, первое или третье лицо, единственное или множественное число. Здесь же сторонники корневой семантики и этимологии могут попытаться найти значения сем. Однако нужно признать, что на вопросы *кто? что? когда? где? как?* и самое главное — *зачем это говорится?* — данная процедура не дает ответа вне общего авторского действия, которое по-прежнему не проявлено на данном уровне. Функция предикации и смыслообразования не реализована. Различимого смысла в идентифицированном морфемном составе нет. Автор не говорил ἔτιπτον только на уровне морфологии. Естественного вербального материала на данном уровне еще нет, поскольку в таком виде — «изолированном» и бессмысленном — в естественной ситуации коммуникации его невозможно наблюдать.

Уровень лексем

Слово ἔτιπτον вместе с указанными морфологическими характеристиками имперфекта первого лица единственного числа или третьего лица множественного числа «переводится» как «я бил» или «они били» (а кроме того, «я (они) наносил(и) отпечатки», «запечатлевал(и)», «отражал(ся)/ отражали(сь) в сознании» и др.).

По-прежнему возникают те же вопросы — кто, когда, где, как, зачем говорится? Самостоятельной предикации нет. Как видно, на лексическом уровне, изъятая из естественного коммуникативного процесса, лексема не имеет смысла. Действительно, «естественные слова» никогда не произносятся вне деклических синтагм, типология которых, известная говорящим и вторичным интерпретаторам, остается в данном случае пока неясной. Естественного смыслообразующего материала на уровне лексем нет.

Уровень словосочетаний

В рамках предложения реализуются следующие связи: πάντες ἔτυπτον, ἐπιλαβόμενοι ἔτυπτον, (Σωσθένην) τὸν ἀρχισυνάγωγον ἔτυπτον, ἔτυπτον ἔμπροσθεν τοῦ βήματος, то есть «все били», «схватив (поняв Сосфена), били», «били (Сосфена) начальника синагоги», «били перед алтарем».

Можно установить, таким образом, что действуют *все они* (не я). Возникают также и некоторые иные данные, не вовлеченные в ситуацию авторского коммуникативного действия и потому не исполняющие каких-либо понятных читателю коммуникативных задач. По-прежнему остается непонятным — кто, когда, где, зачем говорится? Самостоятельной предикации нет. Смысла нет. Говорить такие словосочетания отдельно от других элементов коммуникативной синтагмы и всей ситуации автору было бы незачем.

Уровень предложений

Целостное предложение выглядит следующим образом: ἐπιλαβόμενοι δὲ πάντες Σωσθένην τὸν ἀρχισυνάγωγον ἔτυπτον ἔμπροσθεν τοῦ βήματος. Дословный перевод дает следующие результаты: «Схватив (поняв) же все Сосфена начальника синагоги били перед алтарем».

Не вовлеченное в коммуникативный контекст авторского действия, предложение не дает твердых оснований для понимания: кто такие «все»? является ли объектом ἔτυπτον сам Сосфен или начальник синагоги (или это одно и то же лицо)? Сосфена схватили или поняли? Снова нет тождественно мыслимой предикации. Нет ответа на вопрос, зачем говорится данное предложение, следовательно, данная фразовая структура остается неактуализованной. Коммуникативное действие, необходимое автору, не устанавливается.

Уровень текста

Уровень текста определяется, как уже было отмечено, по количественным критериям (вполне произвольно), в то время как автор все время пребывает в одном, определенном не вполне линейно (скорее многомерно), моменте своего коммуникативного действия, с соответствующим набором параметров. Перечень параметров при пере-

ходе от действия к действию формируется как нарастающее множество данных, из которого сознание автора и интерпретанта избирает актуальные элементы, необходимые для производства и интерпретации данного действия. Так, любой элемент данного предложения (включая координатор δέ) интерпретируется на основании имеющегося фонда данных, присутствующих в сознании автора и адресата.

Условно задав минимально возможные границы текста (одно предложение, предшествующее данному), интерпретант не получает достаточных оснований для интерпретации («И прогнал их от алтаря. А все...»). Ту же ситуацию следует констатировать и в случае дальнейшего расширения текста до двух, трех, четырех предшествующих предложений: «Иудеи, если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас. Но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом. И прогнал их от алтаря. А все...». Понятно, что для обеспечения интерпретации необходимо не количество предложений, предшествующих данному, а мыслимый невербально набор данных, составляющих для интерпретанта достаточный арсенал, то есть полноценный мыслимый автором дискурс, в воссоздании которого неизбежно нуждается процедура истолкования актуальной вербальной последовательности.

Прежде чем перейти на уровень коммуникативной ситуации, важно сделать несколько замечаний об уровне текста, чтобы подчеркнуть разницу между традиционным (фразово-ориентированным) грамматическим анализом и дискурсивным.

По всей видимости, в приведенном тексте фразово-ориентированный (он же «слово-изолирующий», или «слово-ориентированный») способ грамматического анализа выделит несколько предложений со своими подлежащими и сказуемыми, группами подлежащих и сказуемых, предикаты каждого отдельного предложения с соответствующим актуальным членением, пресуппозиции для восполнения опущенных смысловых и грамматических элементов пропозиций, модальности пропозиций, различные формы глаголов и т. п. При таком подходе целостность анализируемого текста остается вне рассмотрения как самоочевидное и само собой разумеющееся, не получая никакого теоретического истолкования и обоснования, так, как будто скопление идентифицированных структур и форм, составляющих предложения, есть уже фактор возникновения текста; другими словами, вопросы

о принципе, интегрирующем ряд разрозненных предложений в единое целое, о причинах дифференциации элементов (в том числе глагольных форм) в предложениях, о самой последовательности пропозиций (которые, надо заметить, говорятся не ради самих себя, а ради адекватного вербального действия автора) и об общей предикации, реализуемой автором в каждом подчиненном элементе текста, — все эти вопросы вовсе не ставятся, заменяясь констатацией морфологических особенностей форм, коллекционированием элементов уровня словосочетания и предложения, которые сами собой будто бы что-то обозначают и создают, и др.

Дискурсивный метод истолкования речевой структуры предполагает воссоздание ситуации осуществления личного вербального действия. Именно так поступает вовлеченный в ситуацию адресат текста или посторонний интерпретатор, заинтересованный в понимании смысла сказанного, следуя в этом за когнитивным состоянием самого автора текста.

Нужно признать, что коммуникативный метод анализа вербального текста непосредственно следует за логикой и естественной практикой его построения и восприятия: говорящий (пишущий), производя текст, анализирует и идентифицирует коммуникативное пространство, в котором он может вербально действовать, то есть реализовать свой текст как предикат данной конкретной ситуации. Смысл его первоначального рассуждения состоит в том, чтобы определить базовые параметры своей роли в данной ситуации, и какое вербальное действие, отвечающее его целям, будет адекватным; при этом коммуникант исходит прежде всего из того, что производимый им текст (устный или письменный) должен быть для данной ситуации актуальным, иначе автору просто незачем говорить или писать; тем более что затем в каждый из моментов уже реализуемого текста коммуникативная ситуация приобретает новую обусловленность; так что элементы текста, реализуемого автором, в любой момент текстовой последовательности на микроуровне исполняют перманентный императив встраиваться в соответствующую структуру, продиктованную параметрами изначально идентифицированной (и постоянно идентифицируемой) макроситуации. Говорящий (пишущий) в каждый момент ситуации осознает, что уже было сказано, на что нужно и можно указать, кто его адресат, что адресат знает и о чем может помыслить в данный момент линейной последовательности коммуни-

кативного действия и т. п. Такой подход к лингвистическому феномену очерчивает естественные условия (коммуникативные параметры) функционирования вербального материала, выводит на

Уровень коммуникативной ситуации

Именно этот уровень дает ответ на вопрос: зачем говорится ἔτιπτοῖ, каково действие автора при произнесении вербальной последовательности, в состав которой входит ἔτιπτοῖ?

К моменту произнесения данного элемента текста автор сформировал набор мыслимых условий, необходимых для интерпретации своего очередного действия. Вынося за скобки все прочие сведения о действующих лицах и обстоятельствах (об апостоле Павле, его спутниках, проповеди среди язычников и т. д.), условно можно полагать, что данный эпизод начинается с прибытия Павла в Коринф, где он «во всякую субботу говорил в синагоге и убеждал иудеев и эллинов» в том, что Иисус есть Христос (Мессия). Поскольку иудеи злословили на него, он переменял место пребывания, но не покинул Коринф. Наконец, однажды иудеи напали на Павла и привели его к проконсулу Галлиону на судилище (то есть к алтарю, где совершался суд), говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. Но Галлион отказался разбирать это дело, поскольку оно касалось вопросов иудейского религиозного учения и закона. В конце концов, Галлион прогнал иудеев, схвативших Павла, от алтаря (от судилища).

В этих обстоятельствах, мыслимых автором и адресатом, как раз и сообщается, что «все, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем, и Галлион нимало не беспокоился о том».

В этой ситуации снимаются возможности двойной интерпретации ἐπιλαβόμενοι (*схватив*, а не *появ*), ἔτιπτοῖ (*били*, а не *печатали* и не *отражали в сознании*), Σωσθένην τὸν ἀρχισυνάγωγον (единое лицо, а не разные лица), однако авторское действие остается неясным ввиду некоторой странности ситуации: кто эти *все*, которые били начальника синагоги? Из воссозданных по авторскому нарративу обстоятельств следует, что здесь присутствует указание на участников ситуации (а это *все иудеи*, которые привели Павла к Галлиону). Во множестве, определенное словом *все*, входит и сам апостол, который, очевидно, участвовал в ситуации. Возникает довольно странная картина: все иудеи вместе с Павлом бьют Сосфена, который, по-видимому, и был иници-

атором суда над проповедником, выступая от лица и на стороне иудеев; в таком случае получается, что иудеи, объединившись с ранее ненавистным им Павлом, почему-то били своего предводителя, а причины этого в тексте не указаны, хотя автор должен был сделать свое коммуникативное действие понятным, выводимым из параметров ситуации, сформированных на данный момент).

По-видимому, один из возможных вариантов ответа на этот вопрос можно найти в глоссе, поддерживаемой некоторыми авторитетными рукописями: πάντες οἱ Ἕλληνες («все эллины»). В такой диспозиции появляется возможность истолковать этот эпизод в контексте обычной для автора Деяний темы, а именно противостояния двух партий в составе грекоязычной синагоги: эллинов (то есть «боящихся Бога», «благочестивых»), с одной стороны, и этнических иудеев («обрезанных») — с другой. Эта тема присутствует в тексте скорее как общий фрейм, доступный при погружении в аутентичный дискурс. Дело в том, что Павел обращался к язычникам (отвернувшись от иудеев) и защищал их право на религиозную полноценность в составе иудейской синагоги («Нет эллина, нет иудея во Христе»; об изменении ориентиров проповеди Павла и о его разочаровании в иудеях автор сообщает в начале этого эпизода — Деян 18: 1–17). Поэтому вполне понятным становится затем указание на то, что эллины (одна из партий в синагогальной общине, составленная из язычников, примкнувших к иудеям) отомстили предводителю иудеев (другой партии в составе синагоги) за то, что тот пожелал суда над Павлом, защищавшим в синагоге их, эллинов, интересы.

Уровень коммуникативной ситуации, таким образом, все ставит на свои места. Важно отметить тот факт, что в реальности (а не в данной условной экземплификации) практический лингвистический анализ, то есть интерпретация речевого акта, как раз и *начинается* с установления параметров коммуникативной ситуации. Участник коммуникативной ситуации с самого начала получает (или уже имеет) значимые для порождения или интерпретации параметры, которыми он так и не смог бы до последнего момента заручиться, если бы начинал порождение (интерпретацию) речевого акта, состоящего из несамостоятельных вербальных моделей, от уровня морфем (как в приведенном условном примере). В отличие от данного условного анализа, начатого от уровня морфем, коммуникант и интерпретант в актуальной ситуации все делают прямо наоборот: в дискурсе (мыслимой комму-

никативной ситуации с ее параметрами) уже содержится набор возможностей для порождения и интерпретации очередного авторского действия. Только после установления данной системы координат становится возможным приписывать значения элементам (как при порождении вербального действия, так и его интерпретации). Значение действия уже содержится в сознании говорящего, куда устремляется и сознание интерпретанта для установления когнитивного тождества.

Если в структурно-грамматической парадигме процесс смыслообразования интерпретируется как понимание слов, то в дискурсивной (коммуникативной) парадигме речь идет о понимании (или интериоризации) действия коммуниканта (автора текста) в мыслимом им коммуникативном пространстве. В соответствии с целостным действием интерпретируются несамостоятельные элементы действия (в том числе отдельные вербальные клише, морфемы, звуки и пр.).

3.10. Лингвистические практики: теоретизирование, перевод, этимология

36. Грамматика «языка» как мнемотехническая схема необходима по преимуществу в лингводидактических целях. Данная мнемотехника создается на основе коммуникативной типологии (как, например, в случае системы лиц или времен) путем приспособления типологии предметных единиц различного уровня (морфем, слов, словосочетаний, комплексных коммуникативных клише) к известной типологии невербально мыслимых ситуаций коммуникативного действия.

37. Ввиду невозможности строгой корреляции «знак—значение», нельзя построить такую модель «языка» («грамматика плюс словарь»), которая была бы в состоянии охватить все актуальные процессы смыслообразования. Ситуации взаимодействия представляют собой всякий раз заново осмысленную «систему координат», в которой реализуются и понимаются действия говорящего (пишущего), в отличие от понимания слов в структурно-грамматической парадигме.

38. Актуальные языковые факты, не вписываемые в существующую модель «языка», указывают на недостатки принятой модели вербального коммуникативного процесса, в основе которой лежит неправомерное признание системности «языка» и столь же неправомерная роль «системного» предметного элемента в процессах

смыслообразования. Невозможность вписать актуальный языковой факт в существующую теоретическую модель указывает на некорректное воссоздание коммуникативных параметров авторского действия (или той коммуникативной ситуации, в которой данный текст стал частью актуального авторского говорения).

39. Практика перевода демонстрирует невозможность пословного («слово-ориентированного») подхода к актуальным вербальным фактам. Так, в процессе трансляции фактов одного «языка» на другой переводятся не слова (не вербальные факты), а действия говорящих (пишущих). Адекватность перевода достигается по мере сохранения аутентичного невербально мыслимого действия в целевом тексте (целевом коммуникативном действии), а не формальных характеристик оригинального текста.

40. Практика сравнительно-исторического этимологизирования построена на основе античной (слово-изолирующей, предметной) модели. Так, связь значения (или элементов значения) с «этимомом» (предметным носителем значения, на который опирается процедура этимологизирования) не может быть засвидетельствована в актуальном коммуникативном процессе, в составе которого слова *полностью деэтимологизированы*. Участниками естественной коммуникации широко используется практика «народной» этимологии, в которой деривативные связи реализуются независимо (произвольно) от сравнительно-исторических наблюдений над судьбой этимона. Несмотря на «ненаучность», именно народная этимология способствует исполнению коммуникативных (риторических) задач говорящего, то есть действительно «работает» в коммуникативном пространстве в качестве игры слов, корневых совпадений, рифм, смысловых курьезов и пр. В то же время научная этимология, опирающаяся на ошибочное представление о закреплённости значения за этимомом, в конечном счете терпит теоретическую неудачу и, чтобы исполнить риторические задачи, принятые на себя исследователем (этимологом), вынужденно опирается в конце концов на коммуникативный потенциал ситуаций.

41. Главным искомым филологического анализа (исследования), по-видимому, следует считать адекватное представление личного действия говорящего (пишущего).

ГЛАВА 4

Корпус LXX и НЗ в дискурсивной (коммуникативной) модели описания

В главе рассматриваются значимые аспекты создания корпуса LXX и НЗ в дискурсивной (коммуникативной) модели описания. Грекоязычные библейские тексты получают иной лингвистический статус на фоне представлений о диаспоральных лингвистических практиках. Противоречия статуса библейских текстов разрешаются при использовании дискурсивной методологии. Процесс создания новых литургических текстов РПЦ позволяет провести иллюстративную параллель с диаспоральной лингвистической ситуацией.

4.1. Грекоговорящая диаспора как аутентичное коммуникативное пространство и главный лингвистический фактор интерпретации

Грекоговорящая диаспора и «люди с Востока»

Как уже было отмечено, главным фактором, необходимым для корректной интерпретации статуса новозаветных текстов, а также текстов LXX, является *грекоязычная иудейская диаспора*, составлявшая аутентичную среду их возникновения и функционирования¹. Это кардинальное условие традиционно не входило в стандартный перечень сведений, принимаемых к рассмотрению для объяснения специфики библейских текстов. Даже сам факт существования традиционного сообщества, в среде которого создавался корпус Нового Завета и к которому вошедшие в корпус тексты были обращены, длитель-

¹ О диаспоре более подробно см., например: *Rajak T. The Jewish Diaspora // The Cambridge History of Christianity. Vol. I. Cambridge University Press, 2006. P. 53–68.*

ное время составлял глубокую периферию или вовсе исчезал из поля зрения исследований. Так, например, в знаменитой статье С. С. Аверинцева «Истоки и развитие раннехристианской литературы»¹ не содержится сколько-нибудь подробных упоминаний об адресате евангельских памятников — грекоязычной иудейской общине, переживающей в своей среде рождение христианской.

С самых первых шагов возникновения легенды о «простоте» и «семитском мышлении» (Хэтч, Дайссманн) об авторах НЗ и их аудитории рассуждали как о «людях с Востока», «некнижных (неграмотных)», создающих тексты с «родовыми пятнами» «семитского сознания», об «иудеях» и «первых христианах» с «семитским мышлением», подобно, впрочем, и современным исследователям (Сильва, Хорсли и Портер, а также большинство их единомышленников), которые говорят о «грекоговорящих жителях империи», «семитских писателях» и «античных читателях», «необразованных слоях общества», «иудейских и иудеохристианских кругах», «простых», «малообразованных», «далеких от литературы людях» и пр.

Коммуникативный вакуум лингвистических исследований

Характерно, что в подавляющем большинстве случаев исследователи, занятые языковыми проблемами, конструируют на своем рабочем столе стерильную лингвистическую ситуацию, в которой «культурные факты» не примешиваются к «точным» лингвистическим данным и в которой действуют только «языки» и уже потом какие-то авторы, писавшие и говорившие на них. Эта стерильность, замечу, не нарушается рассуждениями о различных вариантах «языков», территориальных диалектах, социолектах, идиолектах, жанрах, регистрах, стилях, уровнях билингвизма, их взаимодействиях и пр., поскольку, несмотря на подозрительные взаимопроникновения и мультипликацию сущностей, теория беспрекословно содержится в строгих резервациях «языков-инструментов общения»: исследуемые вербальные модели постоянно вынимаются из коробочек с надписями «язык такой-то» и возвращаются в них, не меняя места лингвистической прописки.

¹ См.: История всемирной литературы: В 9 т. М., 1983–1994. Т. 1. С. 501–515.

Диаспоральная лингвокультурная среда как угроза структурно-грамматической интерпретации

Между тем именно культурно-исторический и лингвистический феномен иудейской диаспоры всегда грозил концептуальным крахом некорректной описательной схеме и соответствующему инструментарию: идея неграмотных авторов, к которой сводится любая попытка осмыслить материал НЗ и LXX в структурно-грамматической парадигме, фактически утверждает *появление ненормализованного текста* в рамках *сугубо традиционного сообщества*, что полностью исключено.

Диаспоральные иудейские (позднее иудеохристианские) общины на грекоязычных территориях, будучи целевой аудиторией новозаветных авторов, состояли из иудеев (к которым по статусу приближались прозелиты из язычников, принявшие обрезание) и так называемых «боящихся Бога» (φοβούμενοι Θεόν, θεοσεβείς), то есть язычников, примкнувших к иудеям, воспитанных в иудейской религиозной традиции, принимавших участие в иудейских богослужениях (см. Деяния, повсеместно)¹. В этой среде, замкнутой и консервативной в вопросах богопочитания и живущей по собственному Закону (что, как известно, долгое время составляло причину дохристианского античного антисемитизма, который затем был распространен на иудеохристиан и христиан), существовали собственные устоявшиеся за несколько веков практики чтения и толкования Закона (эти практики уже существовали даже ко времени создания грекоязычной LXX), а также практики создания новых текстов, как светских, апологетических, адресованных внешним язычникам, так и сугубо традиционных, обращенных к внутреннему адресату (см. п. 4.3).

Таким образом, аудиторию новозаветных (то есть иудеохристианских, а ранее иудейских) авторов ни в коем случае нельзя считать случайной толпой простецов или множеством всех грекоговорящих жителей империи, как считают, например, Портер и Хорсли. *Каждый текст был адресован участникам иудейской традиции и написан представителем той же традиции*. Более того, сама проповедь Благой Вести, составляющая главное содержание новозаветных текстов, была возможна только в рамках иудейской синагоги (о чем свидетельствует опыт апостола Павла, иллюстративно представленный в Деяниях).

¹ См., например: *Левинская И. А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: Логос, 2000.

Именно эти повсеместно распространенные и актуальные факторы, не интегрированные в лингвистическое поле исследования, вынужденно локализованные за пределами стерильной языковой реальности, препятствуют попыткам приписать новозаветным (и ранее иудейским) авторам ненормализованные литературные практики.

Конфликт историко-культурно-религиозной и лингвистической интерпретаций

В этой диспозиции фактов и методологических подходов следует констатировать конфликт между историко-культурно-религиозной интерпретацией, с одной стороны, и лингвистической, с другой. Этот конфликт обостряется и ужесточается вследствие полнейшей очевидности аргументов каждой из сторон. Если первая не может быть подвергнута сомнению по причине обилия фактов, свидетельствующих о масштабах и иудейской аутентичности диаспоральной общины, то лингвистическая интерпретация столь же безупречна в своих логических основаниях, поскольку опирается на «очевидный» и «точный» языковой материал.

Так, языковая аргументация, в конечном счете, опирается на сам факт создания LXX, наблюдаемый во всех подробностях из сопоставления еврейского и греческого текстов, и на «очевидные» результаты переводческой деятельности: если бесспорно то, что LXX сохраняет следы древнееврейского оригинала (вследствие пословной переводческой техники) и что целевой текст нельзя назвать аутентичным на греческой почве, то бесспорно и то, что любой текст, похожий на LXX в своих формах, будет не вполне греческим, гречески неаутентичным, текстом с нарушениями.

Избегать этой апории (столкновения историко-культурно-религиозной и лингвистической очевидностей) в рамках ныне принятых методов анализа материала удавалось только при условии, что одна из сторон конфликта полностью игнорирует факт существования противоположной позиции, осуществляет исследовательские процедуры независимо от иной, столь же очевидной контраргументации, прямо отрицающей возможность таких процедур. Так, рассуждения о композиции, стиле, содержательной многослойности, преемственности богословских идей и пр. в отношении текстов НЗ невозможны при одновременной констатации того, что анализируемый источник

создан неграмотными людьми, то есть людьми, принципиально чуждыми литературной деятельности, традиции, вообще интеллектуальным занятиям. В результате историко-культурно-богословский анализ де-факто императивно игнорирует выводы «точных» лингвистических изысканий, обнаруживающих в основе новозаветных текстов вульгарность и внелитературность.

Напротив, «точный» лингвистический анализ в своем вольном или невольном стремлении усугубить меру энтропийности библейских текстов императивно несовместим с рассуждениями о содержательной стороне этих текстов и потому фактически всегда игнорирует вопросы содержания. По тем же причинам невозможно, оставаясь в русле господствующей лингвистической концепции, осуществить адекватный перевод библейского текста на какой-либо целевой язык. Переводчик вынужденно отказывается от предложенного лингвистического статуса, чтобы избежать выхолащивания богословской, историко-культурной, поэтической и прочей аутентичности, чего недвусмысленно требует господствующий структурно-грамматический подход.

Направление корректировки лингвистической интерпретации

Если историко-культурно-богословскую партию конфликта сложно представить в ином, более удобном для примирения сторон виде (для этого требуются откровенно насильственные опыты историко-культурных интерпретаций в духе «панэллинизации» М. Хенгеля¹), то лингвистическая сторона недвусмысленно обнаруживает потенции к видоизменению общей концептуальной схемы, что влечет за собой пересмотр приговора, вынесенного библейскому лингвистическому материалу на основании прежней структурно-грамматической схемы. Изменения восприятия лингвистического объекта, как было показано (см. гл. 3), происходят преимущественно в новейшее время, по мере экспансии в лингвистической теории коммуникативной парадигмы. Коррекция теоретической модели, описывающей вербальный материал, состоит, во-первых, в постепенном отказе от идеи самоорганизации вербального материала, признании его

¹ См.: Hengel M. The «Hellenization» of Judaea in the First Century After Christ / Tr. J. Bowden. London; Philadelphia, 1989.

смысло-формальной нетождественности, неспособности к автономному смыслообразованию вне тождественно мыслимого коммуникативного действия и, во-вторых, в переносе фокуса лингвистических исследований в когнитивную сферу коммуниканта, формировании нового лингвистического объекта для объяснения процессов смыслообразования в сознании участников вербального коммуникативного действия. Для интересующих нас текстов тенденция выражается в отказе от системоцентричной точки зрения, от теоретической игры в предметно представленные «языки» — в пользу поиска и обретения аутентичных критериев смыслообразования, мыслимых участниками коммуникативных практик.

В главе 2, при рассмотрении попыток концептуализации библейского языка, предпринятых наиболее характерными представителями структурно-грамматического подхода М. Сильвой и Дж. Хорсли, было выделено несколько оппозиций, которые не получают непротиворечивого разрешения в рамках предметной модели лингвистической ситуации: «язык» иудеев одновременно 1) *нормализованный и ненормализованный*, 2) *литературный и нелитературный*, 3) *особенный и всеобщий*, 4) *полностью греческий и не вполне греческий*.

Дискурсивный (коммуникативный) подход позволяет снять эти вопросы, или апории «языкового» подхода, и построить более приемлемую модель создания и функционирования библейского текста в аутентичной лингвокультурной среде.

4.2. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: нормализованный vs ненормализованный «язык»

Источник нормализации в когнитивном состоянии аутентичных коммуникантов

Нормализованность коммуникативного поведения, как устного, так и представленного в письменной форме, безусловно, определяется не соображениями структурного характера (сконструированными процессами деривации, этимологическими процедурами, аналогическими наблюдениями и пр.), как это делает Хорсли, а когнитивным состоянием субъектов коммуникации, которые совершают (соверша-

ли) актуальные действия в непосредственно воспринимаемом коммуникативном пространстве и сами определяют (определяли) статус используемых вербальных способов действия в нем. Их оценка служит (или по крайней мере должна служить) затем для вторичного интерпретатора отправной точкой в рассуждениях о вовлеченных в текст вербальных моделях (способах выражения), совокупность которых традиционно называется «языком» данного сообщества. Процедура обнаружения порядка и связей между элементами такого «языка» со стороны вторичного интерпретатора носит мнемотехнический (и часто связанный с ним лингводидактический) характер и не имеет ничего общего с тем, что имело место в когнитивной сфере коммуниканта, совершавшего коммуникативные действия в аутентичном лингвокультурном пространстве. Иными словами, актуальные коммуниканты знают (знали) не «язык», а соответствующие вербальные способы действия в коммуникативных ситуациях. Соответственно источник нормализованности следует искать не в сознании вторичного интерпретатора, который мыслит мнемотехническими категориями структурных отношений, а в сознаниях участников лингвистической ситуации, которые непосредственно знали принятые в коммуникативном сообществе вербальные клише, обходясь для их усвоения и употребления без структурных мнемотехнических приемов.

Для новозаветных авторов аутентичным коммуникативным сообществом следует считать грекоговорящую иудейскую диаспору, в которой текст LXX ко времени создания корпуса НЗ исполнял стандартизирующую роль образца для создания текстов такого рода. Новозаветные авторы обращались к единоверцам, рассчитывая, что их собственное коммуникативное действие (в каждом отдельном случае текста) будет успешным.

Коммуникативные максимы Грайса: полнота информации

В этом смысле принцип кооперации Грайса и принцип вежливости Лича соблюдался в полной мере¹. Письменная форма только усиливала и изошряла авторское стремление исполнить *максимы ком-*

¹ См.: Grice P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. /Eds. P. Cole and J. Morgan. Vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58; Leech G. N. Principles of pragmatics. London; New York: Longman, 1983.

муникации, которыми эти общие принципы конкретизируются. Поэтому коммуникативный вклад каждого из новозаветных авторов на любой стадии развертывания текста осуществляется в соответствии с мыслимой автором совместно принятой (автором и предполагаемым адресатом) целью коммуникации, которая, по-видимому, состоит в позитивном двустороннем внимании и заинтересованности данной темой.

1. Автор стремится реализовать в своем тексте *максиму полноты информации*. Это достигается не в последнюю очередь обращением к компетентной аудитории, которая уже осведомлена в ключевых понятиях иудейской традиции, владеет основополагающими фреймами иудейской традиции. Принятые и необсуждаемые концепты и связи («подлежащие») в своих институциональных особенностях не могли быть вполне понятными (скорее даже были полностью непонятными) стороннему язычнику («греческому населению империи»), начиная с первых коммуникативных шагов автора и соответствующих вовлеченных в текст вербальных моделей: «Бог», «Христос», «Давид», «Авраам», «ангел», «пророки», «крещение», «священник», «чреда», «праведность», «заповеди» и пр. Адекватно установленная диспозиция коммуникантов представляет собой одно из основополагающих условий для уяснения полноты коммуникации, организованной в тексте. Так, об отношении «автор — адресат» свидетельствует «мнение очевидца» — иерусалимского ревнителя Закона, который говорит об аудитории Павла (а также, добавлю, об аудитории подобных Павлу авторов новозаветного корпуса): «О тебе (Павле. — А. В.) слышались они (другие ревнители закона. — А. В.), что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея» (Деян 21: 21).

В текстах новозаветного корпуса признаки аутентичной диспозиции «автор—адресат» присутствуют повсеместно, проявляясь на микро- и макроуровнях организации текстов. Так, на микроуровне («единицы лексики») в тексте Деяний словом «эллины» называются сторонники иудейской веры, оставившие язычество, примкнувшие к иудейской общине и участвующие в соответствующих религиозных практиках: с точки зрения язычников они скорее иудеи, поскольку посещают синагогу, изучают на субботних чтениях Закон, исполняют заповеди и пр., однако на внутренний взгляд иудейской религиозной общины они остаются «эллинами» — особой группой «благоче-

стивых» или «боящихся Бога» в составе иудейской синагоги. Важно отметить, что это отнюдь не «эллины вообще» («языческое население империи»), о которых Деяния вообще не упоминают¹.

В том же смысле, уже на макроуровне («огранизация текста»), в связи с вопросом об адресате, автор посвящения третьего Евангелия (Лк 1: 1–4) недвусмысленно говорит, что весь последующий труд предназначен для человека, связанного особыми, известными только автору и адресату отношениями, сложившимися в рамках иудейской (иудеохристианской) религиозной практики: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк 1: 1–4).

Коммуникативные максимы Грайса: качество и релевантность информации

2. Автор стремится реализовать в своем тексте *максиму качества информации и максиму релевантности информации*, состоящие, по Грайсу, в том, чтобы автор не отклонялся от темы и не говорил того, что считает ложным или не обладающим достаточными основаниями. По всей видимости, истинность и обоснованность совершаемого коммуникативного действия (воссоздаваемого по вербальному тексту) на каждой стадии зависела от степени вовлеченности аудитории в стихию иудейской религиозной жизни, в ее содержательную и формальную специфику, основу которой составляли концепция за-

¹ Так, аудитория, к которой идет в конце концов проповедовать Павел, именуется «язычниками». В Деян 18: 6 он говорит: «Отныне иду к язычникам». При этом миссионерская активность Павла как до, так и после этого эпизода реализуется почти исключительно в рамках иудейской синагоги, о чем повсеместно повествуется в этом источнике. Эта явная странность объясняется внутренним, иудейским, взглядом на разделение прихожан грекоговорящей синагоги: проповедывать «язычникам» в синагоге (идти προς τὰ ἔθνη, оставаясь среди иудеев) можно было только при том условии, что помимо собственно «иудеев» в состав диаспоральной синагоги входили «почти иудеи», «не совсем иудеи», то есть «благочестивые и боящиеся Бога», которых Павел называет «язычниками» (а также «эллинами»).

вета, история отношения Бога с иудейским народом, мессианские идеи, роль Писания и Храма, отношения с диаспорой, синагогальные практики и пр. Автор, создающий нарративный текст Евангелия, вряд ли мог бы выглядеть в глазах аудитории соблюдающим требования качества информации, если бы аудиторию, для которой предназначался текст, составляли обычные «жители империи, говорившие на греческом языке». Кроме того, в тех многочисленных случаях, когда автор касался вышеперечисленной специфики, ему следовало бы давать пространные отступления от главной линии нарратива, слишком масштабные для того, чтобы выглядеть не уклоняющимся от темы. Эпизод Деян 17 дает этому вполне очевидную иллюстрацию.

Оказавшись в Афинах и возмущившись духом при виде города, полного идолов, Павел нашел для себя две различные аудитории: он «рассуждал», во-первых, «в синагоге с иудеями и с чтущими Бога», а во-вторых, «ежедневно на площади со встречающимися». Для характеристики общения с «неподготовленным» адресатом значимо уже первое свидетельство текста Деяний: «Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним. И одни говорили: “что хочет сказать этот суеслов?”, а другие: “кажется, он проповедует о чужих божествах”, потому что он благовествовал Иисуса и воскресение». Другое свидетельство сомнительной эффективности Павловой проповеди, обращенной к внешней аудитории, содержится в следующем за этим отрывке. Приведенный философами в Ареопаг, Павел произнес речь о «неведомом Боге», стараясь за отведенное ему время в описательных выражениях (и даже со ссылкой на греческого поэта) объяснить всю библейскую картину мира, ошибочность идолопоклонства и необходимость искать Бога. В финале он призвал к покаянию, поскольку скоро, по его словам, вселенную будет судить Муж, которого предопределил Бог, подтвердивший свои намерения воскресением Его из мертвых. «Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (Деян 17: 22).

По-видимому, проповедь в синагогальной аудитории, составленной из иудеев и боящихся Бога, имела бы гораздо больше шансов исполнить максимы качества и релевантности информации. По крайней мере, оратору не пришлось бы объяснять заново (или с трудом адаптировать) темы иудейской религиозной истории, традиционного иудейского миропонимания и пагубности идолопоклонства. Именно

это Павел и вынужден делать, обращаясь в своей речи к подлинным эллинам, не причастным иудейской традиции. Иными словами, перед традиционной иудейской аудиторией оратор был бы застрахован от того, чтобы вольно или невольно поместить в область необсуждаемого «подлежащего» информацию, которая изначально вызывала недоумение слушателей, и оттого гораздо успешнее избежал бы коммуникативной безосновательности и добился максимального эффекта в достижении своих коммуникативных целей.

Коммуникативные максимы Грайса: манера. Принцип вежливости Лича

3. Наконец, любой новозаветный автор, в соответствии с принципом кооперации Грайса, должен был стремиться исполнить в своем тексте *максиму манеры*, что предполагало с его стороны адекватную оценку способа передачи информации, а также внимание не только к тому, *что* говорится, но и к тому, *как* это говорится. Согласно данному постулату, для успешности коммуникации автор должен был выражаться ясно, избегая непонятных выражений и неоднозначности, быть кратким и организованным в своем коммуникативном действии. Нужно заметить, что со способом ведения коммуникации тесно связан и *принцип вежливости* Лича, согласно которому автор должен заручиться расположением аудитории в ходе коммуникативного акта для достижения целей своего вербального действия.

Концепция билингвизма, вбирающая в себя идеи языковых нарушений и малограмотности авторов (Хорсли, Портер и др.), а также признающая отсутствие стабильной коммуникативной среды бытования таких текстов, радикально отрицает вероятность того, что авторы справились с исполнением максим манеры и вежливости. Эта задача, между тем, возлагалась на них самой сутью вербальной коммуникации, которая необходима говорящему/пишущему для реализации его целей посредством вербальных способов воздействия на адресата. Несмотря на это, согласно рассуждениям Хорсли, новозаветные авторы, навязавшие адресатам обширные нарративы, были неадекватны в оценках коммуникативного поведения — своего собственного и потенциальной аудитории. Отсюда вытекают все прочие неудачи теории билингвизма, связанные с манерой коммуникации в тексте НЗ: согласно этой теории, авторы создавали текст, система-

тически и упорно нарушая нормы греческого языка употреблением «семитизмов», и не осознавали своих ошибок; они не могли предстать перед аудиторией авторами, имеющими моральный авторитет и право заниматься писательством, поскольку не проявляли должного внимания к тому, как говорить о предмете, — и не осознавали этого; не зная «языка», на котором пишут, они не могли выражаться достаточно ясно и однозначно, — не осознавая этого; они не могли предстать перед читателем организованными и лаконичными в своем тексте, поскольку систематическая неспособность употреблять правильно вербальные модели и синтаксические структуры автоматически разрушает упорядоченность текста на более высоких уровнях организации; они, наконец, не могли, совершая невольные коммуникативные ошибки, добиться искомого расположения аудитории, которая в лучшем случае с сожалением и болью наблюдала за тем, как целая когорта писателей, не замечая собственную литературную немощь, ведет борьбу с греческим языком и с адресатом за право во что бы то ни стало высказаться на заданную тему.

В эту картину, как обычно, наиболее очевидным образом не вписывается автор Евангелия от Луки, который предварил свой «коммуникативно ущербный варварский» нарратив предисловием, написанным в изящной эпистолярной манере — всецело аттической, аутентично греческой. Судя по введению, евангелист хорошо знал «греческий язык», но почему-то добровольно отказался от него в пользу варварского в остальном тексте. Он вполне здраво относился к своим писательским приемам (мог, как видно, дифференцировать их), но добровольно оставил почтенную роль эллинского писателя в пользу постыдной роли малообразованного варвара. Такое поведение автора Евангелия от Луки следует признать странным и в конце концов необъяснимым, если рассчитывать только на структурно-грамматическую трактовку его текстов.

По-видимому, в реальности он просто и свободно вписывал свои тексты в рамки различных одинаково авторитетных (в глазах аудитории) традиций, исполняя их требования. Столь же свободно, ориентируясь на существующие традиции, избрали способ коммуникативного взаимодействия с адресатом и другие авторы, тексты которых ни в коем случае не указывают на коммуникативную неадекватность. Для традиционной иудейской аудитории они просто не могли писать иначе.

Прибегая к интерпретации, граничащей с абсурдом, можно также предположить, что авторы своей манерой коммуникации пытались достичь иной коммуникативной цели, с чем справились успешно: они убедили аудиторию, что читать их сочинения не следует, а все, что в них написано, не достойно внимания; они хотели основательно разозлить читателя своей полуграмотной манерой излагать события и идеи, само прикосновение к которым со стороны необразованных авторов полностью дискредитировало смысл и значение событий; они, наконец, хотели создать пространную пародию на неумелых писателей, к числу которых сами не принадлежали.

Однако, по-видимому, для интерпретации коммуникативной манеры новозаветных авторов не следует привлекать карнавалы или постмодернистский дискурс: авторы не переодевались в одежды, скрывавшие их подлинное лицо, и не осыпали адресата серией неожиданных коммуникативных стратегий и тактик, не мотивированных ничем, кроме их мнимой необразованности, и чуждых той литературной традиции, к которой они принадлежали. Рецепция текстов корпуса НЗ, как в краткосрочной (Климент Римский, Папий, ранние апологеты, Ерма и др.), так и в долгосрочной перспективе полностью отрицает коммуникативные нарушения в манере вербального действия, оставляя одну однозначную интерпретацию: авторы успешно справились с исполнением максимы манеры (и вежливости) при осуществлении письменной коммуникации, и при этом сделали это сознательно. Вероятно, с этим утверждением могли не согласиться «образованные эллины» из язычников, не причастные иудейской религиозной традиции, по мнению которых тексты НЗ явно не вписывались в аутентично греческую литературную топику. Однако для иудеев и «богобоязненных», к которым обращались авторы, такая точка зрения не имела никакого смысла, поскольку как авторы, так и аудитория подчинялись требованиям собственной литературной традиции, подчеркнута отличной от языческой. Именно это составляло фактор нормализации принятой коммуникативной манеры авторов НЗ.

На этом фоне нужно заметить, что структурно-грамматическая модель заставляет своего сторонника искать источник нормализованности текстов НЗ в иной, некоммуникативной, сфере, которая неадекватна подлинной лингвокультурной реальности. Фактически исследователь, использующий критерии «языка» и соответственно

теории билингвизма, приписывает новозаветным авторам несоблюдение основополагающих принципов, верных для любой коммуникации (тем более актуальных в письменном тексте). Коммуникативный вакуум достигается благодаря доминирующим структурно ориентированным методам анализа материала. Например, для Хорсли смысл понятия «семитизм» состоит в том, что в одну языковую систему внедряется другая, чуждая ей. В результате «язык» неизбежно оказывается испорченным, а авторы оказываются несостоятельными на территории греческого «языка». Однако, употребляя понятие «семитизм», вторичный интерпретатор не отдает себе отчет в том, что источником привлекаемой идеи чужеродности «семитизмов» является исследовательская техника теоретизирования, а не аутентичная коммуникативная реальность, в которой понятия о взаимодействующих между собой системах «языков» были неактуальны. Подлинным источником нормализации текстов НЗ следует считать диаспоральную культурно-религиозную среду, которая сформировала внутреннее, не зависимое от языческого социума понятие об уместности/неуместности вербальных моделей (клише) в соответствующих коммуникативных действиях, представленных устно или письменно.

4.3. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: литературный vs нелитературный «язык»

Вопрос о литературной традиции

Не возникает сомнений в том, что корпус новозаветных текстов создавался в письменной форме, имел графический способ фиксации. Оппозиция «литературный vs нелитературный язык», привлекаемая (в том числе Хорсли) в рассуждениях о лингвистическом статусе НЗ корпуса, провоцирует иной вопрос — о самом факте существования некой литературной традиции, в рамках которой данные тексты воспринимались как аутентичные. Как и в рассуждениях о коммуникативных целях и стратегиях, грекоговорящая иудейская диаспора составляет ключевое условие для воссоздания литературного контекста, в который вписывается новозаветный корпус. Значение имеет несколько обстоятельств.

Писание в диаспоральной среде

1. Ко второй половине I в. н. э. диаспоральный грекоязычный иудаизм, представленный иудейскими общинами в основных городских центрах империи, имел многовековую историю, существенную часть которой составляли отношения с текстом Писания. Как и в Палестине, религиозная и общественная жизнь диаспоры так или иначе была развернута лицом к Писанию, регламентировалась институтами и традициями, оформленными в строгом соответствии с ним, и сохраняла свою идентичность также благодаря формальным и содержательным требованиям, зафиксированным в Писании, с потенцией к видоизменению только на основе переосмысления все того же Писания. Существенным обстоятельством было то, что общины были наделены от языческого государства правом жить по собственному закону (зафиксированному в Писании), иметь свой суд и руководство общины, не платить (до 70 г. н. э.) подушную подать, а вместо этого направлять деньги на Иерусалимский храм, пользоваться привилегиями не поклоняться императору и не участвовать в языческих жертвоприношениях и пр. В Египте иудеи еще во времена первых колонистов в Элефантине построили Храм (разрушенный в 410 г. до н. э.), а затем в середине II в. до н. э. — Храм Хонио в Леонтополе, в Нижнем Египте, разрушенный в 73 г. после поражения иудеев в войне. Кроме того, у диаспоральных иудеев существовали свои формы отшельнической жизни (например, монастыри «терапевтов», где они сосредоточенно изучали Писание) по всей империи, но особенно в Александрии, как об этом говорит Филон (*De vita contemplativa*, 21). Теоцентризм иудейской «политии» (по выражению Иосифа Флавия) фактически означал текстоцентризм как для палестинских, так и для диаспоральных иудеев. Вокруг текста Писания возникли различные формы лингвистической (в том числе литературной) деятельности, которые имели особое значение для самого существования народа Книги.

Не вполне понимаемый «язык» Писания в Палестине и диаспоре

2. Вопросы «языка» имеют существенное значение для интерпретации литературной и околотекстуальной ситуации. Оригинальный текст Писания, созданный на библейском иврите, был не вполне

не понятен иудейскому населению как в диаспоре, так и в Палестине как минимум уже в послевоенный период, то есть начиная с V в. до н. э. (вероятно, еще ранее). Необходимость в переводе испытывали не только диаспоральные, но и арамеоязычные палестинские иудеи. Последние нуждались в дополнительных усилиях для понимания текста, по меньшей мере с сер. V в. до н. э. Так, Ездра и левиты по возвращении из Вавилонского плена читали «книги из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное» (Неем 8: 8); Вавилонский Талмуд (далее ТВ) интерпретирует действия Ездры как перевод (ТВ, Мегила, 3а). Таргумы (истолковательные переводы Писания на арамейский язык) стали появляться уже в дохристианский период, о чем, в частности, свидетельствуют кумранские рукописи. Такой непрямой доступ к тексту со стороны диаспоральных и палестинских иудеев вполне определенно уравнивал их в праве на понимание и интерпретацию, в чем грекоговорящая диаспора не ощущала вторичности. В довоенной (до 66 г. н. э.) палестинской традиции LXX воспринималась как богодухновенный текст (ТВ, Мегила, 9а), пока раввинистический иудаизм, постепенно возникший после разрушения Второго Храма, не пришел к необходимости скомпрометировать греческий перевод Писания, поскольку тот небезосновательно был сочтен фундаментом для становления христианства, рассматриваемого как иудейская ересь. Так, еще во II в. н. э. рабби Шимон бен Гамлиэль, танай четвертого поколения и глава Синедриона, считал греческий перевод даже более важным, чем арамейские таргумы (Мишна, Мегила, 1: 8; ТВ, Мегила, 9б; см. также Берешит раба, 36: 8). Но затем окончание перевода было объявлено черным днем в истории Израиля, греческий текст стали упрекать в неполноте и искажениях оригинала (Масехтот ктанот, Софрим, 1: 7). На богодухновенность и равноправие текста LXX указывают и находки Кумрана (I в. н. э.), где среди древнееврейских и арамейских текстов присутствуют также фрагменты LXX. Впоследствии участь быть полностью вычеркнутыми из иудейской традиции постигла не только LXX, но и тексты грекоязычных иудейских авторов, пользовавшихся в христианстве большим почтением и благодаря этому сохранных (прежде всего Филона Александрийского, Иосифа Флавия, а также ряда других писателей и поэтов, известных в основном по фрагментам и просто упоминаниям из «Евангельского приготовления» Евсевия Кесарийского).

Священное Писание в диаспоральных лингвистических практиках

3. Синагогальное богослужение (диаспоральное и палестинское) состояло из: 1) вступительных стихов, псалмов и двух молитв; 2) чтения Шемы (исповедания) с окружающими ее молитвами; 3) ряда (от 7 до 18) «Благословений», или молитв Шемонеесре; 4) чтения закона; 5) чтения пророков (на утреннем субботнем и праздничном богослужении) и агиографов (Песнь песней, Руфь, Екклесиаст, Есфирь); 6) заключительного благословения. Главным назначением синагоги — повсеместно существующего общественно-религиозного института иудейской жизни — была не только молитва, но прежде всего четвертый и пятый из приведенных разделов, то есть чтение Св. Писания, пророков и агиографов, к которым стремилось развитие синагогального ритуала. За чтением каждого стиха и даже выражения следовали перевод и толкование на местном языке, понятном участникам богослужения. Таким образом, необходимость понимать и изучать текст Писания (Закон, пророки и псалмы) вызвала к жизни особую лингвистическую практику, в рамках которой греческий перевод имел целью дать точный подстрочник, фактически дублировать не вполне понимаемые смысловые элементы оригинального текста, снабдив их греческими соответствиями. Как следствие, языковой строй LXX, сложившийся в результате пословного перевода и оттого особый, не аутентично греческий, был постоянно «на слуху», в активном употреблении диаспоральных иудеев, регулярно посещавших синагогальные собрания. Безусловно, перевод использовался и как связный самостоятельный текст в иных ситуациях коммуникации, — в устных проповедях и объяснениях Писания, в случаях самостоятельного изучения Писания (как, например, у терапевтов Филона, — *De vita contemplativa*, 25; 28; 75–78; по-видимому, в Кумранской общине), при цитировании Писания в иудейских грекоязычных сочинениях религиозной и философской направленности (как, например, в посланиях корпуса НЗ, в истолковательных трактатах Филона).

Литература иудейского профетизма

4. Представляя собой достаточно замкнутый (в религиозном отношении) и достаточно открытый (ввиду экономического взаимодействия с языческим окружением) мир, диаспоральный

иудаизм вызвал к жизни разнообразные и разнонаправленные тексты — от хозяйственных и юридических документов до религиозных, философских и поэтических сочинений. Их идеологическое наполнение распределяется по шкале от религиозного центра (Писание и синагога) к периферийной области (например, хозяйственные и эпистолярные тексты), где иудейская аутентичность могла быть вовсе не выражена. Ввиду сложных и многочисленных практик иудейской цивилизации любая письменная продукция получает корректную интерпретацию только в связи с адекватной ей коммуникативной реальностью.

Начиная движение от указанного религиозного центра, следует выделить литературу иудейского профетизма (в широком смысле), главной характеристикой которой является адресованность сообществу единоверцев, выражение значимых для религиозного сообщества идей, с использованием традиционных тематических фреймов и принятых способов выражения. С точки зрения участника ситуации, литература профетизма занимала в литературном процессе особые позиции — ввиду ее особого места в религиозном процессе. Так, по свидетельству Лк 24: 44, Иисус Христос считал боговдохновенными книги Закона, пророков и псалмов. Иосиф Флавий (начало 90-х гг. I в. н. э.), перечисляя «божественные», θεῖα, книги иудеев и сравнивая отношение иудеев и греков к собственным традиционным литературам, замечает: «Каждому иудею от самого рождения положено (σύνφυτόν ἐστι) почитать их [книги] как веления Бога (νομίζειν αὐτὰ θεοῦ δόγματα), соблюдать их [предписания] и, если понадобится, с готовностью за них умереть. Так, уже не раз можно было видеть, как множество пленников в театрах претерпевали пытки и всевозможные виды смерти только ради того, чтобы ни единого слова не произнести вопреки законам или другим нашим священным книгам. Кто из эллинов ради этого смог бы подобное пережить? И даже ради того, чтобы все имеющиеся у них сочинения не погибли, кто из них стал бы претерпевать такие мучения? Ибо свои книги они почитают всего лишь словами, написанными по произволению их авторов (λόγους γὰρ αὐτὰ νομίζουσιν εἶναι κατὰ τὴν τῶν γραψάντων βούλησιν ἐσχεδιασμένους)» (*Против Апиона*, 1.8).

Наиболее заметным признаком принадлежности к этой группе иудейских сочинений является признание их богодухновенности, имеющее место в каждый конкретный момент традиции, реализу-

емое в сознании ее субъектов. Тем самым данный текст выделяется из ряда литературных феноменов и воспринимается как богооткровенный, а не просто культурный, «человекооткровенный». Так, для субъекта иудейской традиции (например, Филона) Моисеево Пятикнижие обладало иным онтологическим статусом, нежели прочие современные и древние сочинения. Так, наиболее читаемый по-русски или по-церковнославянски текст Евангелий по своему статусу в сознании сообщества верующих (например, прихожан РПЦ) не может быть поставлен в один ряд с другими фактами древней, классической или современной русской литературы ввиду особого места в религиозной традиции.

Недостаточные критерии атрибуции диаспоральной литературы

Нужно отметить, что на основе традиционных критериев (к которым относится место, время создания и сама пространная дефиниция «греческий язык») грекоязычная иудейская литература зачастую представляется современному читателю или исследователю как по возможности полный корпус всего написанного в иудейской диаспоре за определенный период времени с использованием греческих слов¹. Наблюдателю, осведомленному в современных интерпретациях основных черт эпохи эллинизма (взаимодействие и смешение языков, культур, религий и пр.), предоставляется возможность убедиться в том, чем обернулась для иудеев роковая встреча с эллинской культурной доминантой: историки пишут как эллины, поэты сочиняют как эллины, философы философствуют как эллины.

Однако в той же иудейской среде (в то же время, в том же месте и на том же «греческом языке») создаются сочинения, всецело чуждые эллинской культурной и литературной традиции, — например, книга Премудрости Соломона, апокрифы и псевдоэпиграфы, позднее — Евангелия и другие сочинения новозаветного круга, в том числе неканонические (христианские апокрифы и псевдэпиграфы). Именно к таким сочинениям (а не к сочинениям иудейских поэтов) отсылают приведенные слова Иосифа и Иисуса Христа. В грекоязычной диаспоральной среде такая литературная продукция занимала значи-

¹ См., например: *Nickelsburg G. W. E. Jewish Literature Between the Bible and the Mishnah. London, 1981.*

тельное место, исполняя особую миссию в иудейской религиозной практике. Ввиду этого тексты иудейского профетизма невозможно ставить в один ряд, скажем, с творениями поэтов Филона, Феодота, драматурга Езекииля, философа Филона Александрийского, да и самого историка Иосифа Флавия, усугубляя тем самым «эллинистический» (понимаемый в духе Мартина Хенгеля) характер грекоязычного иудаизма¹. Необходимо, наоборот, признать существование фундаментальных различий между указанными группами литературных фактов и, таким образом, представить «странную смесь» в более концептуальном виде².

¹ Ср., например: *Ковельман А. Б.* Герменевтика еврейских текстов: Учебное пособие к курсу «Источниковедение истории евреев». М.: Книжники, 2012, с. 21–28, где, с нашей точки зрения, грекоязычная иудейская традиция представлена недостаточно дифференцировано по признаку адресата и роли в религиозной практике.

² Например, вне разделения на апологетическую и профетическую традицию невозможна корректная интерпретация аллегорических трактатов самого Филона и упоминаемых им аллегористов-предшественников. Ввиду ярко выраженной философской ориентации этих трудов возникают сомнения в принадлежности иудейских комментаторов к аутентичной иудейской традиции (что в свою очередь ставит под сомнение факт существования самой «неэллинизированной» традиции интерпретации Писания): «Если основания аллегорического комментария лежат в практике синагог, то как тогда объяснить тот факт, что аллегористы, по сути, так далеки (даже в сравнении с крайне эллинизированным Филоном) от порождающей их духовной почвы? Этот вопрос остается без ответа» (*Матусова Е. Д.* Филон Александрийский — комментатор Ветхого Завета // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 10). Напротив, при введении фактора адресата — условного представителя эллинской традиции и условного представителя иудейской религиозной общины — литературная продукция диаспорального иудаизма получает эффективный критерий дифференцирования. То, что пишет Филон (и его предшественники), обращено к внешнему эллину, имеет апологетические задачи, использует аппарат и запускает фреймы эллинского сознания не только с целью расположить к Писанию, но и, возможно, научить Писанию. Напротив, аутентичным порождением «духовной почвы» (синагогальной традиции) следует считать совершенно иную литературную продукцию, созданную для «внутреннего пользования» иудейской общины и совершенно чуждую эллинскому слуху. К этому профетическому направлению относятся, в числе прочих, и тексты новозаветного корпуса: евангелия, послания, проповеди, апокалипсисы и пр.

Коммуникативные критерии атрибуции диаспоральной литературы

В рамках коммуникативной (функциональной, дискурсивной) парадигмы описания лингвистических, в том числе литературных, фактов можно предложить вполне определенные критерии атрибуции грекоязычных иудейских текстов, дающие дефиниции более тонкие и более соответствующие сложности подлинной лингвистической реальности. Это взаимосвязанные:

- 1) критерий отношения субъекта, сознающего данную ситуацию в аутентичных понятиях и оппозициях;
- 2) критерий адресата, или аудитории, к которой обращен данный текст;
- 3) критерий использованных в тексте языковых моделей на уровне макро- и микрориторических стратегий, тематики, фреймовой структуры организованного в тексте коммуникативного действия.

Критерий внутреннего отношения

Первое иллюстрируется уже приведенной точкой зрения Иосифа Флавия, как и многими другими аутентичными свидетельствами, извлекаемыми из сохранившихся источников.

Критерий адресата

Второй критерий ощутим при сравнении, скажем, «Иудейских древностей» Иосифа Флавия и приблизительно современного ему Евангелия от Луки. Первое сочинение обращено к эллинистическому римлянину или греку и имеет целью представить иудейскую «цивилизацию» на взгляд эллина в ряду других — по меньшей мере не хуже, а по возможности лучше прочих «политий». Чтобы быть понятым адресатом, автор вынужден изыскивать доступные эллину и принимаемые им способы коммуникации — иначе риторическая задача изначально была бы обречена на неудачу («самозванный греческий писатель не умеет писать по-гречески»). Соответственно обращенность именно к этой, а не иной аудитории помещает иудейского историка в область эллинской литературной традиции. Сам способ, каким организуется воздействие на предполагаемого читателя, характерен более для самого читателя, чем для автора (кото-

рый, замечу, в данном случае представляет не «эллинизированную» иудейскую традицию, а естественную риторическую стратегию литературного общения иудея с далеким от иудейства «светским» эллином). В этом смысле характерны трансформации текста, предпринимаемые Иосифом при передаче пассажей LXX, которые не устраивали его своим «негреческим» звучанием и требовали адаптации к греческому уху.

В отличие от автора «Иудейских древностей», автор Евангелия от Луки обращается к единоверцам. Ни о каких «привкусах» Геродота, Фукидида и Ксенофонта в его нарративе не может быть и речи ввиду совершенно иного культурного и религиозного пространства, в котором исполняются его риторические задачи (так, невозможно представить, чтобы современный автор, создающий текст для литургического использования, цитировал бы в нем Пушкина, Карамзина или иных «светских авторов»). Чтобы не потерпеть коммуникативную неудачу, автор в такой лингвистической реальности должен исполнять правила, определяемые адресатом — религиозной частью грекоговорящей иудейской общины (иудеи, «обрезанные из язычников», «боящиеся Бога»), для которой естественным было ожидать текст, созданный в традиционных нарративных формах. Традицию для данного сообщества, кроме прочих факторов, конституировала LXX как образец пророческого текста¹.

¹ Так, скрупулезный анализ словоупотреблений в рассказе о детстве Иисуса у евангелиста Луки, предпринятый в работе Чанг-Вук Юнга, недвусмысленно свидетельствует, что автор подражал нарративным клише Септуагинты, не имея при этом никакого семитского текста-основы. Введенное исследователем понятие «unsuccessful Septuagintalism» позволяет интерпретировать процесс развития вербальных моделей Септуагинты в условиях создания нового текста: «Подводя итог, следует сказать, что нет достаточных свидетельств того, что Лука переводил или использовал семитский источник (источники). Напротив, повествование Луки о детстве с наибольшей вероятностью (most probably) отражает влияние Септуагинты. Ясно также и то, что Лука активно участвует в создании повествования в том смысле, что он иногда изменяет выражения Септуагинты на неудачные септуагинтализмы (которые, строго говоря, не присутствуют в LXX) в соответствии со своим собственным стилем и задачами» (см.: *Chang-Wook Jung. The Original Language of the Lukan Infancy Narrative. London; New York: T&T Clark International, 2004. P. 212).*

В этом смысле по признаку аудитории сочинения Иосифа Флавия и евангелиста Луки (оба из иудейской среды) совершенно различны. Замечу попутно, что, несмотря на семитоязычную лингвистическую базу Иосифа и (весьма вероятное) полное отсутствие таковой у Луки, именно у Иосифа семитизмов не наблюдается вообще, в то время как текст евангелиста Луки исключительно «семитизирован».

Критерий коммуникативных стратегий и тактик

Третий критерий, уже затронутый в предыдущем примере, обнаруживается в сфере языковых моделей, тематики, фреймов. Языковые модели, заданные LXX (а она создавалась как пословный перевод с древнееврейского, и потому изначально не могла соответствовать аутентичному греческому способу моделирования текста на микро- и макроуровнях), определили для последующих грекоязычных иудейских сочинений традиционный способ создания пророческого нарратива. Это сугубо внутренний для иудейской общины строй литературной речи, так же как и само религиозное основание жизни грекоязычной иудейской общины. Так, Иосиф Флавий не мог использовать способы выражения LXX в своих сочинениях, подобно тому как в современном академическом журнале невозможно опубликовать исследовательский текст, написанный по-церковнославянски. Напротив, автор Евангелия от Луки имел все основания воссоздавать строй традиционного нарратива, конституированный LXX, поскольку данные клише были совершенно органичны для литературной традиции, в которой ощущал себя автор. В свою очередь фреймовая структура иудейских текстов естественным образом отличается от любой иной, в частности греческой. Любой субъект иудейской религиозной традиции имел совершенно иные, нежели любой эллин, структуры «репрезентации знания». Именно они определяют способы организации текста — систему доказательств, ссылок, предложений, нравственных и других императивов поведения и многое другое. Так, невозможно помыслить текст, в котором автор, обращаясь к культурному, но непричастному иудаизму эллину, призывал бы его внять слову Закона и Пророков (например, этого не делает в своей речи ап. Павел, говоря на Ареопаге, в отличие от других мест, где он обращается к синагогальной аудитории).

Неоднородность диаспоральной письменности. Профетическая традиция

Таким образом, грекоязычная иудейская письменность неоднородна по институциональным для литературной продукции критериям. Она представлена профетическими и собственно литературными текстами. Первые имеют внутреннюю для иудейской общины направленность, их авторы и аудитория принадлежат в единой традиции. В их число входят Третья книга Маккавейская, греческие добавления к Книге Есфирь, Книга Премудрости Соломона, Вторая книга Еноха, тексты евангельского круга (включая значительный пласт неканонических апокрифов и псевдэпиграфов иудеохристианского происхождения). Вторая группа сочинений в различной мере ориентирована на внешнего адресата. Эти тексты исполняют в конечном счете апологетические задачи и написаны в формах греческой литературы. В их число входят сохранившиеся во фрагментах произведения Филона (поэта), Феодота, Езекииля (драматурга), Аристея, Евполема, Псевдо-Евполема, Аристобула, Деметрия, Клеодема Малха и Артапана, к которым примыкает довольно большое число стихотворных отрывков, приписываемых их анонимными сочинителями классическим греческим авторам и оракулам¹. В отличие от сочинений иудейского (иудеохристианского) профетизма, в этих текстах были поставлены и частично разработаны основные вопросы взаимоотношений эллинизма и иудейства, представляющие упомянутый тематический критерий: о преимущественной древности иудейского закона (Аристобул, фр. 3; Евполем, фр. 5); об иудейской традиции как источнике греческой мудрости (Псевдо-Евполем, фр. 1, 2); о недостаточности греческих религиозных представлений (фрагменты псевдогреческих поэтов); о личности Моисея как первого мудреца и совершенного законодателя (Евполем, фр. 1; Езекииль); о соответствии ветхозаветных патриархов персонажам греческой мифологии (Артапан, фр. 1, 2, 3); о сходстве некоторых основополагающих воззрений греков и иудеев (Аристобул, фр. 4; фр. псевдогреческих поэтов); об иудейских религиозных воззрениях, изложенных на греческом языке и отчасти в общепринятых терминах философии (Аристобул, фр. 2, 5). К этой группе сочинений следует отнести Филона

¹ См.: The Old Testament Pseudepigrapha /Ed. J. H. Charlesworth. London, 1985. P. 777–816.

Александрийского и Иосифа Флавия, двух наиболее известных среди грекоязычных иудеев авторов, которые во временном и содержательном отношении стоят непосредственно у истоков христианской «собственно литературной» традиции.

Апологетическая традиция: Филон Александрийский

Так, преемственность от Филона к позднему христианскому богословию реализуют следующие характерные для Филона черты: 1) аллегорический метод толкования Писания (частично ранние апологеты, Климент Александрийский, Ориген, Амвросий, Иероним и др.); 2) последовательная адаптация иудейского содержания к философскому языку в общепринятой терминологии, переработка греческого философского опыта, разработка новой терминологии; утверждение самой возможности такого метода; 3) попытки найти у себя «сходное с эллинами»; использование разработанных античной риторикой полемических средств. 4) некоторые частные черты воззрений Филона, воспринятые как таковые или принимаемые к рассмотрению при позднейшем обсуждении основополагающих пунктов христианской идеологии: допущение того, что материя могла быть сотворена (De prov. 1. 47–49; De Deo 7); идея последовательного творения духовного и чувственного мира в истолковании Шестоднева (Leg. alleg. 1. 19–30; De opif. mundi 16–19); трактовка смерти не как явления телесного, а духовного (Leg. alleg. 1.105–108; Quast. in Gen. 1. 16); толкование хлеба Небесного (Исх 16: 4) в духовном смысле (Leg. alleg. 3. 161–181); сравнение Агари и Сарры со знанием и совершенной мудростью (Leg. alleg. 3. 245); толкование изгнания из Эдема не в буквальном смысле, а как удаление от Бога (De posterit. Caini 1–11); о невозможности постигнуть существо или свойства Божии, в чем было отказано даже Моисею (De posterit. Caini 168–169); о твердости времени (Quod Deus sit immutabilis 20–32; De opif. mundi 13–15); о свободе человека (Quod Deus sit immutabilis 33–50); о Логосе (Quis rerum divinarum heres sit 117–120, 126–132; De opif. mundi 20–25); о том, что все науки — служанки философии, а сама философия — служанка добродетели (Сара и Агарь) (De congressu 71–80); о троичности Бога (De Deo 1–4); о почитании язычниками творений рук человеческих (De decalogo 65–81); также заметное воздействие на христианское богословие оказала теория предсуществования душ; учение

о двух человеках, земном и небесном; взгляд на чувственность как на препятствие к нравственному совершенству и необходимость преодоления ее; первоначальное учение о Логосе как полноте и вместилище божественных сил; именование Логоса младшим богом, вторым богом и многое другое. Ставя и разрабатывая эти вопросы, Филон находился при этом в русле иудейской литературной традиции.

Апологетическая традиция: Иосиф Флавий

В свою очередь Иосиф Флавий, автор не только обширных исторических трудов «Иудейская война» и «Иудейские древности», но и заостренно апологетического «Против Апиона. О древности иудейского народа», непосредственно предшествует и стоит у истоков традиции христианских апологий. Так, в «Против Апиона» представлена последовательность композиционных частей, ставшая затем общепринятой в христианских апологиях: повод написания апологии (1.1) — полемическая часть, где неизбежно присутствует критика языческих религиозных представлений (2. 236–255) — доказательства древности традиции (1. 19–47; 16; 21) — опровержение молвы (1. 24–35; 2.1–14) — изложение собственного понятия о Боге (2.33–34), Его требований (2. 14–22) — и как итог, изображение жизни в соответствии с этими понятиями. При этом автор использует полемические средства, традиционные для греческой риторики, находит у себя «сходное с эллинами», в значительной степени опирается на Ветхий Завет, разрабатывает новые понятия, отчасти изложенные в принятой философской терминологии. На единство традиций — христианской и иудейской — указывают исторические условия возникновения сочинения Иосифа, с одной стороны, и последующих христианских сочинений того же жанра, с другой: положение иудеев в империи к концу I в. резко ухудшилось в результате поражения в войне; разрушение Храма стало причиной еще большего разобщения иудеев, превратившихся формально в рядовых налогоплательщиков и поставленных введением иудейского фиска в крайне униженное положение по отношению ко всем остальным народам. В момент создания трудов Иосифа христиане еще составляли часть иудейской религиозной общины, выделяясь из нее скорее внутренне, формально же оставаясь, по выражению Тертуллиана, *sub umbraculo* иудейской религии. Знаменитое *Testimonium Flavianum* (Иудейские древности 18. 3: 3), восста-

новленное по арабскому тексту «Книги титулов» Агапия, представляет христиан, учеников «мудрого» и «добродетельного» «человека по имени Иисус», как прежде всего иудеев. Таким образом, своими сочинениями Иосиф в числе иудеев защищал и христиан, рассматривая их как участников иудейской политики, которую он представляет греческому читателю конца I в. н. э.

Профетическое и апологетическое направления в христианской письменности

Ввиду этого не возникает никаких сомнений в том, что в русле эллинистического иудаизма существовала грекоязычная литературная традиция, представленная профетическим и апологетическим направлениями, которые со всей наглядностью присутствуют затем и в христианской письменности. Дискурсивные критерии, восполняющие традиционные критерии «время—место—язык» факторами субъектных отношений, адресата, фреймов, тематики, специфических вербальных моделей, позволяют отнести к группе христианских профетических сочинений (наследующих и продолжающих грекоязычную иудейскую традицию) собственно евангелия и сочинения новозаветного круга (в том числе неканонические апокрифы и псевдоэпиграфы), «Дидахе», послания Климента Римского, послание (Псевдо-)Варнавы, послания Игнатия Богоносца, «Пастырь» Ермы и др. Ко второй группе относятся ранние апологии (Кодрат, Аристид, Иустин и др.), сочинения Паппия Иерапольского, Иринея Лионского, Климента Александрийского, Оригена и т. д.

Соответственно, если учитывать фундаментальную роль LXX (как образца для создания грекоязычных профетических текстов), ее исключительное значение в синагогальных и иных лингвистических практиках иудейской диаспоры, а также количественный и качественный состав литературной продукции грекоговорящих иудеев, можно только недоумевать, как возможны рассуждения сторонников теории билингвизма о «нелитературном» характере текстов НЗ, на столь отчетливо различимом фоне литературной традиции и соответствующих литературных «условностей», обеспечивающих единство этой традиции (определенная аудитория, фреймовая структура, тематическое единообразие, макро- и микрориторические стратегии, вербальные модели LXX).

4.4. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: особенный *vs* всеобщий «язык»

Семитизмы на фоне «общего языка» можно признать только «ошибками»

Затруднения, связанные с разрешением этой оппозиции, фактически состоят в том, что сторонникам структурно-грамматической модели по требованию этой модели приходится представлять специфические лингвистические практики как всеобщие. Так, М. Сильва, в попытках разрешить конфликт теории и материала, то есть стараясь снять очевидное противоречие «всеобщий (койнэ) *vs* семитизированный язык», признал *язык* (сосюрровский *langue*) новозаветных текстов *греческим*, однако парадоксальным образом отказался признать конкретные тексты написанными на полноценном греческом языке (поскольку в них присутствует уже не *langue*, а *parole*; вероятно, Сильва для вербализации этой казуистической ситуации избрал бы формулу «тексты, созданные в попытках использовать греческий язык»). Иными словами, чтобы узнать *язык* текстов НЗ, Сильва советует взять тексты Геродота. В свою очередь «*речевая деятельность*», результат которой напечатлен в новозаветных текстах, была свойственна, по мнению Сильвы, не грекам, а «восточным людям», представителям неведомого билингвального сообщества, единого в своем одобрении семитских способов насилия над греческим *языком* (эти представители и создали *библейский стиль*).

В столь же странную методологическую ситуацию в рамках структурно-грамматического подхода попадает и Дж. Хорсли, когда оказывается перед фактом реально существующего зазора между греческим *языком* и «подверженной семитскому влиянию» *речью* новозаветных авторов. Так, приводя пример билингвального текста, Хорсли обращается к Откровению Иоанна (Апокалипсису) и ссылается на результаты исследования орфографии, фонологии и морфологии этого памятника, предпринятого Массиесом. Этот исследователь устанавливает, что первым языком автора Откровения был арамейский или, возможно, мишнайский иврит. Его владение греческим (тем самым *langue*'ом), замечает Хорсли, было настолько посредственным, что многочисленные семитские идиомы предстали в

греческом одеянии, что выразилось в заметно испорченном греческом языке (а это уже *parole*)¹.

В связи с этим Хорсли приводит точку зрения другого исследователя — С. Томпсона, который утверждает, что основанием для языка этого памятника послужил библейский, а не мишнайский иврит². Для Хорсли оказывается продуктивной многократно повторяемая Томпсоном констатация, что слова и формы в Откровении являются «негреческими» (un-Greek). Однако здесь Хорсли обнаруживает желание скорректировать Томпсона, поскольку последующие выводы этого исследователя влекут за собой откровенные угрозы концепции вульгарного билингвизма, которой придерживается сам Хорсли.

Дело в том, что установленные факты «негреческого языка» обобщаются у Томпсона утверждением, что *определенные слова в тексте Откровения* (речь идет о глаголах θαυμάζω и κληρονομέω) не имеют греческого, но имеют *древнееврейское значение* (Откр 17: 6–7 и 21: 7), и потому должны пониматься в древнееврейском смысле. На это Хорсли замечает, что такое объяснение неубедительно. Вместо этого, по его мнению, «Томпсон должен продемонстрировать, что эти значения внутренне несвойственны (intrinsically inappropriate) греческим словам, которые обладают этими значениями в некоторых местах Откровения. А то, что эти значения пришли из древнееврейского, не делает их [эти слова] “негреческими”: мы просто видим очередные случаи лексической билингвальной интерференции»³.

Другими словами, вывод Томпсона вольно или невольно намекает на *идею особого языка*, в котором за греческими словами стоят негреческие (древнееврейские) значения. Особый язык, так называемый Jewish Greek, как раз и составляет предмет критики Хорсли в его статье «Fiction of “Jewish Greek”». Поэтому данную единицу («греческий облик слова, наделенный древнееврейским значением») он предпочитает представить не фактом какого-то «языка» (которым как раз и окажется особый Jewish Greek), а просто *индивидуальной ошибкой автора*, простым «случаем лексической билингвальной интерференции» (замечу, что, согласно логике Хорсли, «греческий читатель» при

¹ См.: *Mussies G. The Morphology of Koine Greek as Used in the Apocalypse of St. John. A Study in Bilingualism. Leiden, 1971. P. 348–349.*

² См.: *Thompson S. Op. cit. P. 1, 34, 53–57, 106–107.*

³ *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 35.*

появлении такого случая должен был, по-видимому, испытывать глубокое удивление, поскольку автор Откровения явно нарушал его, читателя, представления о значениях слов «общего для них языка»).

В следующем за этим пассаже еще раз эксплицируется вся методологическая подоплека суждений австралийского исследователя. Хорсли замечает: «Подход Томпсона не позволяет заметить и преодолеть следующего затруднения: каким образом первые христианские читатели/слушатели Откровения или читатели Септуагинты в диаспоре понимали эти греческие слова, когда встречали их, если они [эти слова] не были обычными употреблениями в койнэ? Кроме того, Септуагинта была создана для тех многочисленных иудеев, кто не знал древнееврейского, — читателей, которые не могли “свериться с древнееврейской версией”, чтобы определить, как должна пониматься греческая»¹. «Книга Томпсона всего лишь дает самую последнюю иллюстрацию того, как не принимается во внимание ситуация, в которой находился античный читатель. Так, обсуждая употребление греческого *футурума индикативи* вместо семитского *имперфекта*, Томпсон объявляет этот случай “истинным семитизмом, к которому небиблейский греческий не имеет никаких параллелей. Мы приходим к выводу, что здесь мы имеем дело с переводным греческим, и более того, с греческим, который понятен главным образом тем читателям, которые знакомы с семитскими языками. От обычного иудея вряд ли можно было ожидать, что будущее время он поймет как относящееся к прошлому”. В таком суждении, отмечает Хорсли, априорно подразумевается существование особого иудейского греческого диалекта. Однако, безусловно, трудности с восприятием времен, указанных Томпсоном, должны были возникать не только у иудеев. Сами диаспоральные иудеи (родным языком которых было койнэ. — А. В.), чье знание библейского иврита было слабым или вообще отсутствовало, должны были ощущать себя в том же положении»².

Как видно, методология лингвистического описания, которой следует Хорсли, основана на неверно воссозданных коммуникативных параметрах лингвистической ситуации, или даже на полном их игнорировании. Ошибочность позиции строгого сторонника «языка» выглядит особенно рельефно на фоне специфических лингвистиче-

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 35.

² См.: Horsley G. H. R. Там же.

ских практик грекоговорящих иудеев, их уникального (для эллинистического мира) опыта общения с «не-вполне-греческим» текстом LXX (что современный русскоязычный может сравнить с опытом восприятия «не-вполне-русского» церковнославянского текста Библии). Имея это в виду, нельзя согласиться с последователем структурно-языкового детерминизма, во-первых, в том, что «читатели Септуагинты в диаспоре» способны понимать только «обычные употребления в койнэ»; во-вторых, в том, что между древнееврейским текстом и греческой версией LXX лежит непроходимая пропасть (на фоне, замечу, огромного пласта греческих слов, имеющих еврейские значения в LXX и за ее пределами; кроме того, нужно сказать, что в диаспоре на субботних чтениях Закона их участники только тем и занимались, что преодолевали эту пропасть); в-третьих, в том, что единообразное «койнэ» способно создать единообразного «античного читателя», принуждая его мыслить исключительно единообразно «по-гречески», даже если он иудей, участвующий в особых коммуникативных практиках, которые, казалось бы, должны неизбежно расширять горизонты его «лингвистического сознания». Рассуждая в системе языковых понятий самого Хорсли, нужно отметить, что если существует сообщество, в котором автор создает текст, где греческий *футурум индикативи* понимается *особым образом*, то просматривающийся в этом «договор внутри языкового коллектива» уже предполагает наличие *особого диалекта*. Однако языковую особенность, ставшую достоянием целого сообщества, по Хорсли, допустить невозможно. В результате, чтобы преодолеть опасность появления «особого диалекта», эту особенность, с точки зрения Хорсли, можно и нужно признать «неправильностью», или *индивидуальной ошибкой* автора-билингва («явлением интерференции»), а читателей, по-видимому, — оскорбленными в своем грекоязычном достоинстве носителями койнэ (не важно, иудеи они или эллины), нешуточно удивленными безграмотностью и самоуверенностью автора.

Условность «языка»

В отличие от предметной, дискурсивная модель не преувеличивает значения тех условных границ, которые определяют «язык» в качестве лингвистического объекта исследования. Коммуникативная реальность ускользает от инструментов, которыми пользуется сторон-

ник «языков», оборачиваясь гораздо более сложным процессом, чем работа словесного механизма. Так, современная литургическая практика РПЦ использует в богослужбных текстах «не современные», «не русские», «не всеобщие», «не нормализованные в современной (литературной и внелитературной) практике» вербальные клише. Однако никому не придет в голову упрекать автора создаваемых ныне кондаков или тропарей (с явными отступлениями от современной нормы «русского койнэ»: «Сшедшу же ему с горы, вслед его идяху народи мнози», «егда», «живот», «не оставил еси», «иже еси на небесех» и пр.) в том, что он, судя по этим текстам, не знает русского языка и допускает в нем ошибки.

Исследовательская программа структурно-грамматической парадигмы

В приведенных выше суждениях Сильвы и Хорсли присутствует вся лингвистическая программа структурно-грамматической парадигмы, то есть определенная философия языка, которая заставляет исследователя вольно или невольно попирает права авторов аутентичных текстов во имя исполнения требований исповедуемой лингвистической доктрины.

Так, согласно структурно-грамматической логике, язык есть строгий точный механизм, функционирующий по правилам и автономный в своем существовании, он имеет четкие границы. Исследователь с высоты своего положения знает такой язык гораздо лучше участника аутентичной коммуникативной практики, которую можно обрядить в любые, в том числе шутовские, одежды (например, признать, что автор не знает языка, на котором пишет). Любой язык представляет собой сочетание грамматики и словаря, единицы языка имеют объективные значения, подчиняются правилам и подчиняются этим правилам когнитивную сферу говорящего/пишущего. Сознание автора вербально, оно жестко детерминировано единицами «языка». Элементами мысли выступают слова, места которых могут занимать лексемы иных, не родных для автора языков, в результате чего возникают явления интерференции и в целом феномен билингвизма, получающий отражение в текстах. Единицы языка сочетаются между собой и образуют структуры, по которым непосредственно идентифицируется языковое сознание автора. Значения формиру-

ются и интерпретируются не в результате анализа коммуникативных действий адресанта, а как автономные значения сочетающихся между собой единиц (слов). Аутентичные свойства естественно-коммуникативного процесса (субъектность, коммуникативность, акциональность, когнитивность, ситуативность) в философии языка, исповедуемой сторонником структурно-грамматической теории, всецело игнорируются.

В результате, взыскуя единый «язык», последователь структурно-грамматической модели вынужден позиционировать койнэ в качестве всеобщего панэллинского достояния и списывать отступления от койнэ («семитские следы») на *индивидуальные* практики билингв. Тем самым преодолевается опасность того, что «ошибки» могут оказаться всеобщими для некоего языкового коллектива и в таком случае превратиться в «отдельный диалект».

Концепция «вульгарного билингвизма»

Структурно-грамматическая теория, онтологизируя самодостаточный соссюрковский «язык», оборачивается концепцией «вульгарного билингвизма». Ее «вульгарность» состоит в том, что: 1) факты письменного литературного текста ставятся в прямое соответствие с гипотетической спонтанной (устной) вербальной деятельностью; 2) попутно констатируется отсутствие всякой рефлексии при создании письменного текста («как думали семитскими словами, так говорили и так же написали греческими словами»); 3) профетические тексты, созданные в диаспоральной среде, вопреки данным культурно-исторического контекста, признаются внетрадиционными, лишены каких-либо условий и правил, которые с необходимостью должен исполнять и учитывать любой вписанный в данную традицию автор (ср. историк Иосиф Флавий и евангелист Лука); 4) отношения «автор — аудитория» характеризуются де-факто как неадекватные: автор пишет с неосознаваемыми нарушениями «греческого языка», при этом для аудитории греческий (койнэ) является родным.

По сути, исследовательская программа в рамках предметной парадигмы вынуждена констатировать (как это сделал Сильва): хотите знать язык новозаветных авторов, штудируйте Геродота. Остальное (не совпадающее с Геродотом) в текстах НЗ — ошибки «некомпетентных билингв».

Свобода «античного читателя» от порабощения «языком»

В то же время параметры аутентичного дискурса не предполагают возможности признать обобщенного «античного читателя» адресатом текстов НЗ. Тем более приписывать обобщенному читателю единообразное знание языка койнэ, полностью порабощающего его сознание (в том числе отсекающего нормализованное восприятие LXX и НЗ). Как показывают многочисленные примеры (Цицерон, Иосиф Флавий, Лукиан, евангелист Лука, а ранее — аттические поэты, пишущие трагедии по-дорийски, латинские историки, пишущие по-гречески, и пр.), особенности языкового поведения авторов и читателей в эллинистической ситуации связаны с литературной традицией, в которую они погружаются для участия в коммуникации. Дистанция между родными (наиболее знакомыми) коммуникативными клише автора и теми, что используются в литературном тексте, может быть весьма значительной (как в очевидном примере Иосифа Флавия).

4.5. Статус библейского текста в дискурсивной парадигме: полностью греческий vs не вполне греческий «язык»

Теория в поисках территории билингвизма. Палестина

Основные культурно-исторические данности, из которых исследователю приходится строить когерентную картину, в случае НЗ изначально содержат в себе некоторый вызов. Корпус новозаветных и около-новозаветных текстов (со «следами семитского влияния») постепенно создавался для *грекоязычной* аудитории. В то же время проповедь Иисуса Христа, давшая первоначальный импульс качественному и количественному росту христианской общины внутри иудейской, прозвучала на *арамейской* языковой почве. Рассуждая строго лингвистически, следует предполагать некие переходы границ между «языками», возникающие трансграничные инциденты и процессы.

На первый взгляд (в том числе и для Хорсли) благодарной областью исследования в такой диспозиции фактов представляется язы-

ковая ситуация Палестины I в. н. э., где одновременно присутствуют все элементы для составления исследовательской мозаики: греческий и арамейский языки, Сам Источник Благовестия, потенциальные авторы новозаветных текстов, возможные контакты между языками, билингвизм и пр. Судя по недвусмысленным высказываниям представителей структурно-грамматической модели (например, см. итоговый вывод к статье Хорсли), палестинская языковая ситуация не просто дает почву для античного билингвизма, но и по умолчанию предполагает возможность появления писателей, способных испещрить ошибками грекоподобный текст НЗ, опираясь на свой билингвальный палестинский опыт.

Несмотря на вполне определенно сложившийся научный консенсус¹ относительно языковой ситуации в Палестине (согласно которому население пользовалось исключительно арамейским языком в повседневном общении, а греческий был распространен весьма слабо, в зависимости от индивидуальных особенностей представителей палестинского социума — образовательной базы, социального слоя, рода занятий и социальной мобильности²; вероятно, распространение греческого в этом регионе можно сравнить с распространением английского в современной Москве), сторонники структурно-грамматического подхода вынуждены искать и находить именно в Палестине базу для языкового коллектива и отстаивать гораздо более значительную, чем допускает реальная ситуация, распространенность греческого. Причиной этому служат, как уже было сказано, не данные о лингвокультурной ситуации, а требование взятой на вооружение методологии: полноценная греческая стихия языка вместе со столь же полноценной арамейской должна дать возможность считать Палестину территорией подлинного билингвизма и, таким образом, *локализовать лингвокультурную среду*, из которой могли происходить «нарушители греческого языкового строя». Необходимость

¹ Например, по мнению Х. Юти, одного из сторонников этой распространенной точки зрения, «греческий язык никогда не был живым лингвистическим фактором в Палестине, сопоставимым по значению с еврейским или арамейским языками. Огромное большинство иудеев соприкасалось с ним слабо или вообще никак» («Greek never became a vital linguistic factor in Palestine comparable to Hebrew and Aramaic. The great mass of Jews made little or no contact with it»). *Youtie H. C. Scriptiunculae Posteriores I. Bonn, 1981. P. 59.*

² См.: *Horsley G. H. R. Op. cit. P. 21.*

исполнить этот императив метода заставляет теснить консенсусное мнение о почти исключительно арамейской языковой основе Палестины. Это мнение, основанное на бесспорных данных, не позволяет признавать палестинское население в массе билингвами, однако этого требует априорное мнение о том, что текст создан билингвами, способными путаться в «языках».

Диаспоральное происхождение грекоязычных надгробных надписей в Палестине

Для обоснования полноценной грекоязычной среды в Палестине (существовавшей, конечно, наряду с арамейской) сторонниками структурно-грамматической парадигмы приводится единственный аргумент, который на первый взгляд попадает в цель: в этом регионе присутствует значительное количество грекоязычных надгробных надписей. При этом грекоязычные иудейские эпитафии (в том числе надписи на оссуариях), происходящие как из Палестины, так и из диаспоры, не различаются между собой по «языку»¹.

Однако, незаметно для сторонников такого мнения, сочетание этих фактов исполняет иную полемическую задачу, попадая в иную цель: все это косвенно подтверждает, что греческие надписи в Палестине имеют по преимуществу *диаспоральное* происхождение. На фоне повсеместного распространения в Палестине в I в. н. э. арамейского языка, подтверждаемого многочисленными свидетельствами и фактами², и при широком распространении не подлежащего сомнению

¹ См.: *Horsley G. H. R.* Op. cit. P. 21. Тот же аргумент для доказательства эллинизации Палестины приводит М. Хенгель: *Hengel M.* The «Hellenization» of Judaea in the First Century after Christ /Tr. J. Bowden. London; Philadelphia, 1989. P. 8.

² Так, традиционная литература, вошедшая и не вошедшая затем в состав Талмуда, создавалась в Палестине исключительно на так называемом мишнейском иврите, который, по-видимому, представлял собой письменный «научный» вариант арамейского — своеобразный язык-компромисс между библейским ивритом и разговорным арамейским, предназначенный и используемый для вероучительных и богословских занятий. Создаваемые уже в это время (начиная со II в. до н. э.) переводы (Таргумы) транслировали Танах на арамейский. Никакой литературной продукции на греческом языке в русле палестинской традиции не создавалось. Среди кумранских находок греческий материал представлен только незначительными отрывками из Септуагинты, священного текста Диаспоры. Иисус Христос, бес-

иудейского обычая хоронить кости покойников из диаспоры на Святой Земле, а также ввиду обширных и прочных связей диаспоральных и палестинских общин, только одна интерпретация греческих эпитафий в этом регионе представляется оправданной: относительно многочисленный греческий материал доставлялся на территорию Палестины в основном диаспоральными иудеями-«эллинистами». Некоторые из греческих надписей прямо на это указывают¹.

спорно, говорил по-арамейски, а также цитировал Писание на библейском иврите. Именно такие люди слыли «знатоками Писания». Зато люди, подобные ап. Павлу, вызвали в Иерусалиме удивление своей способностью говорить по-гречески. Так, тысяченачальник Лисий, избавив апостола от разъяренной толпы, после первых произнесенных Павлом слов от удивления переспрашивает: «Ты говоришь по-гречески?» (Деян 21: 37). Даже Иосиф Флавий, принадлежавший к аристократическим кругам палестинского общества, создал свое первое произведение («Иудейская война») на родном арамейском языке для своих соотечественников, и затем перевел его с помощью «помощников» на греческий. В другом своем произведении («Иудейские древности») он признавался, что по-гречески говорил плохо и только по необходимости изучил греческий (литературный греческий) уже в Риме, в плену, читая классических авторов.

¹ Например, надпись № 98 на оссуарии (Corpus Inscriptionum Judaee // Palaestinae /Eds. Hannah M. Cotton etc. V. I. Jerusalem. Part 1. 1–704. Berlin; New York: Walter de Gruyter 2010. P. 140–141), по-видимому, указывает на александрийское происхождение Никанора, кости которого, по иудейской традиции, были похоронены в Иерусалиме. Греком из Малой Азии был, возможно, Иосиф (ibid. № 134, p. 175–176). Гораздо более определенной выглядит надпись № 170 (ibid, p. 206), по которой устанавливается, что погребенный происходил из грекоязычной Кирены (Северная Африка). В остальных грекоязычных надписях указываются только имена погребенных, без каких-либо дополнительных сведений. В громадном большинстве случаев надписи на оссуариях в районе Иерусалима сделаны на арамейском или иврите (ок. 90%). Отвечая на замечание ван дер Хорста («Бремя доказательства лежит на плечах тех ученых, которые хотят утверждать, что греческий не был lingua franca многих палестинских иудеев в эллинистическо-романо-византийский период, на фоне того факта, что более 50%, может быть даже, около 65%, созданы на «языке Иафета», см.: *Horst P. W. van der.* Japheth in the tents of Shem: Studies on Jewish Hellenism in Antiquity. Leuven; Paris; Sterling: Peeters, 2002. P. 25–26), можно сказать, что несмотря на все сложности решения вопроса о распространенности греческого в Палестине I в. н. э., сам факт тесных связей диаспоральной и палестинской общины, а также обычай хоронить кости покойников на Святой Земле представляют собой серьезный аргумент в пользу диаспорального происхождения греческих надписей в Палестине.

Затруднения структурно-грамматической трактовки в попытках локализации «языков»

В этих попытках представить Палестину полноценно билингвальной ощущается потребность обрести почву для лингвистического объяснения природы текстов НЗ в рамках принятой методологической схемы. Дело в том, что методология, используемая структурно-грамматическим подходом, непременно требует территориального, временного и по возможности социокультурного единства, которое необходимо для констатации «языка». Иными словами, исследователь для объяснения особенностей корпуса НЗ должен найти локализацию в пространстве и времени того языкового коллектива, который *так* говорил («имел *такое* средство устного общения») и соответственно *так* писал («имел *такое* средство письменного общения»). Поскольку реальная лингвокультурная ситуация намного сложнее, «индивидуалистичнее» и «многофакторнее», структурно-грамматическая теория испытывает заметные затруднения с интерпретацией имеющихся данных.

Так, Хорсли, рассматривая палестинский билингвизм, после разнонаправленных рассуждений о языковой ситуации в Палестине (в частности, о единстве диаспоральных и палестинских грекоязычных эпитафий и их многочисленности) задается вопросом: «Что может дать теория билингвизма в разрешении вопроса об использовании языка в Палестине? (What may bilingual theory contribute to this question of language use in Palestine?)»¹. Полезным вкладом теории билингвизма в прояснение палестинской языковой ситуации Хорсли считает, в частности, два положения, приведенные из книги Бэтенс Бёрдсмор:

1. Громадное большинство билингв не свободно владеют своим вторым языком («The great majority of bilinguals are not fluent in their second language»)². Впрочем, замечает исследователь, возможно намекая на авторов НЗ, «неспособность писать правильно не позволяет делать вывод о неспособности говорить на языке» (замечу, что это один из немногих случаев в статье Хорсли, где учитывается кардинальное различие между письменным и устным текстом. Обычно эту разницу автор просто игнорирует).

¹ Horsley G. H. R. Op. cit. P. 23.

² См.: Baetens Beardsmore. Op. cit. P. 10.

2. В билингвальном контексте доминирующий или предпочитаемый язык («the dominant or preferred language» — то есть тот, на котором билингв больше всего общается или пишет) может не всегда совпадать с первым (то есть родным) языком¹. Это, поясняет Хорсли, может быть релевантно для объяснения отношения арамейского и греческого у палестинских по происхождению иудеев, постоянно проживающих за пределами Палестины, таких, как Иосиф Флавий («This may have relevance to the relationship between Aramaic and Greek in the case of Palestinian-born Jews of permanent residence elsewhere, such as Josephus»).

Как видно, если в первом пункте утверждается, что большинство билингв не говорят (тем более не пишут) правильно на втором языке, то во втором пункте в качестве примера выступает Иосиф Флавий, арамеоязычный иудей по своему происхождению, грекоязычный писатель по своим занятиям. Парадигматичность Иосифа состоит, по логике данного рассуждения Хорсли, в том, что его второй язык (греческий, который вынужденно использовался им более интенсивно, чем родной) просто не совпадает с первым (арамейским, родным для него).

Однако замечу, что показательность случая Иосифа состоит как раз в ином: именно этот билингв написал правильно огромный корпус литературного текста на втором (неродном) языке. Этот пример, таким образом, однозначно лишает смысла предыдущий пункт, первый из списка «полезных вкладов» билингвизма в объяснении языкового вопроса в Палестине: «не свободно владеющий вторым языком» билингв Иосиф демонстрирует способность писать правильно на «втором языке»; подтвердить билингвальную логику Хорсли могут почему-то только новозаветные авторы, которые, в отличие от Иосифа, демонстрируют неспособность писать правильно на «втором языке», хотя формально находятся в том же положении (являются арамеоязычными жителями Палестины, пытающимися писать на другом, «втором» языке).

В своем желании подтвердить концепцию билингвизма Хорсли не замечает, что пример Иосифа Флавия ставит под сомнение всю концепцию билингвизма, поскольку, как в случае с Иосифом, речь всегда идет о конкретных авторах и ситуациях. Пользу этой противоречивой

¹ См.: Baetens Beardsmore. Op. cit. P. 30.

теории отрицает и случай Лукиана, а также многих других авторов и просто участников лингвистической ситуации (например, Юлиан Эвтекний, Клейтомах (Гасдрубал), Цицерон, Дионисий Египтянин, Публий Сириец и др.)¹. Оказывается, что билингвы могут говорить (и даже писать) на втором языке не только плохо, но и хорошо. Если же вспомнить, что и на первом языке и вовсе не билингвы могут говорить (и писать) как плохо, так и хорошо, то эвристический потенциал теории билингвизма минимизируется до неожиданных для австралийского исследователя значений.

Коммуникативный вакуум — идеальная среда для теории билингвизма

Кроме того, стоит отметить, что логика билингвизма, запускаемая в рассуждениях о специфике новозаветных текстов, всегда сталкивается с *проблемой аудитории*. Наиболее комфортной для сторонников билингвизма является ситуация *коммуникативного вакуума*: сознание автора работает как механистичное устройство, оперируя вербальными знаками одного языка по существующим паттернам, проложенным в его сознании знаками другого языка. Когда автор совершает ошибки в своей речи (устной или письменной), производя неправильные языковые формулы, он делает это подобно примитивному компьютерному переводчику, подставляющему одни слова вместо других. О том, что в действительности автор порождает свой письменный текст в живой коммуникативной среде, имея определенные цели и рассчитывая на определенный результат своих действий, а следовательно, постоянно думая об адекватности взаимодействия с аудиторией, ради реакции которой он пишет, — об этом теория билингвизма предпочитает умалчивать или сводить адресата к известным глобальным «языкам» (например, «греческий читатель, знающий койнэ», «античный читатель», как у Портера и Хорсли).

При этом вопрос о «полностью греческом» или «не вполне греческом» если и ставился когда-то, то только между писателем и читателем, то есть в пространстве «автор—адресат», где совершалось и интерпретировалось аутентичное коммуникативное действие (ср. отношения Иосифа Флавия и «античного читателя»), а не в пространстве «грамматика — вторичный интерпретатор — текст». Тем не менее би-

¹ См.: Horsley G. H. R. Op. cit. P. 24.

лингвальная концепция скорее стремится игнорировать адресата, в то время как аутентичный автор, обозревая ситуацию коммуникации непосредственно, с полной очевидностью осознавал, что делает. Если адресата удастся установить вполне определенно и, таким образом, предъявить главных участников адекватного коммуникативного взаимодействия («автор пишет такими вербальными моделями, которые вполне устраивают аудиторию»), то билингвальные претензии к их «языку» сами собою становятся излишними: «язык», используемый в данном коллективе говорящих (пишущих), каким бы он ни был, несомненно, существовал в нормализованной для взаимодействующих коммуникантов форме. Участники этого коллектива сами доподлинно знали, как говорить и писать, не заглядывая в учебники «греческого» или «не вполне греческого» языка.

Палестинская языковая среда и «не вполне греческий» текст НЗ

Так, приводя аргументы в пользу «нормальности» и распространенности «греческого языка» в Палестине, Хорсли тем самым доказывает и то, что там присутствовала полноценная грекоязычная среда. В таком случае сразу возникает вопрос: если считать, как это делает Хорсли, что НЗ создан в Палестине, то как совместить новозаветные «не вполне греческие» тексты с полноценной греческой стихией языка?

Здесь сторонникам палестинского билингвизма приходится либо признавать, что палестинская стихия греческого языка была однозначно совместима с той, что проявила себя в текстах НЗ (и тогда понятно, что это нормализованный «палестинский греческий», или «особый диалект», или «региональный вариант койнэ», или «страта» и пр., и тогда в свою очередь следует забыть о «нарушениях нормы», поскольку *такой «язык»* и был нормой); либо признавать, что палестинская стихия греческого была «подлинно греческой», без каких-либо особенностей, к чему Хорсли склоняют сама концепция «всеобщего языка» и палестинские греческие эпитафии, совпадающие с подобными им на бесспорно грекоязычных территориях, за пределами Палестины.

При выборе второго варианта, на чем останавливаются Хорсли и Портер, сохраняется возможность того, чтобы в такой лингвистиче-

ской ситуации проявили себя «нарушители» греческой грамматики, исказившие своими текстами ее стройность. Для этого необходимо признать авторов НЗ *внешними* для этой «полноценно грекоязычной палестинской среды»: будучи арамеоязычными, новозаветные авторы попытались написать по-гречески для остальных грекоговорящих, но у них получилось плохо. Именно здесь необходим *фактор простоты и малообразованности*, поскольку только этим можно объяснить безрассудную попытку писателей, не знающих целевого языка, обратиться к полноценному «греческому читателю».

Панэллинизация Палестины и маргинализация авторов НЗ

Помимо иных вопросов (например, таких: не слишком ли велика мера странности такой ситуации и не слишком ли много таких людей, которые проявили поразительное легкомыслие и упорство в создании обширных «безграмотных» текстов?) возникает и главный вопрос, касающийся аудитории: зачем эти авторы обращались к *грекоязычным* в Палестине, если их было заведомо меньше, чем *арамеоязычных*? С гораздо большим успехом они могли (и даже должны были) написать свои сочинения по-арамейски, на своем «родном языке» (как это делал, например, Иосиф Флавий, обращавшийся к соотечественникам в несохранившемся первом варианте «Истории иудейской войны»¹), чтобы охватить местную аудиторию и не выглядеть при этом неучами.

Именно здесь, как видно, сторонники билингвизма встают перед необходимостью *расширить греческое присутствие* в Палестине и интерпретировать, как это делает, например, историк М. Хенгель, гостевые грекоязычные синагоги как местные, надписи на оссуариях из диаспоры как местные, любой греческий материал, прибывший в Палестину из диаспоры или из греческого цивилизационного пространства, как местный (для сравнения можно представить, сколь

¹ «Поэтому я предлагаю подданным Римской империи переложение на греческий язык книги, написанной мною ранее на своем родном языке для народов, живущих на Востоке. Я — Йосеф, сын Маттитяху, по происхождению еврей из Иерусалима и принадлежу к сословию священников, сначала я сам воевал против римлян, а впоследствии был невольным свидетелем событий» (Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. С. 9).

многочисленной будет коллекция «иноцивилизационного» материала в современной Москве, «доказывающего» «англоязычность» ее населения). Для окончательного решения языкового вопроса через панэллинизацию Палестины предпринимаются даже попытки признать Иисуса Христа полноценно говорящим по-гречески¹. При таком подходе степень маргинализованности авторов НЗ, как видно, должна только увеличиваться по мере разрастающейся (организованной исследователями) экспансии греческого в Палестине: видя перед собой полноценную грекоязычную аудиторию, сами «необразованные авторы» должны были, по билингвальной логике, принадлежать к искусственно у mažаемой *арамеоязычной* части населения.

Палестина была все же арамеоговорящей

Однако при таком рассуждении, которое в конечном счете ставит целью всего лишь объяснить «ошибки» в новозаветном греческом, приходится слишком многое опускать, преувеличивать, игнорировать и переосмысливать. Палестина в подавляющем большинстве, несмотря на интенсивность связей с диаспоральной средой, была все же арамеоговорящей. Проповедь Иисуса Христа прозвучала по-арамейски. Таргумы транслировали Писание с иврита на арамейский, а не на греческий. Вся околотиблельская литература создавалась в Палестине только по-арамейски или позднее на «мишнаиском иврите» (замечу, что сами субъекты лингвистической ситуации, естественно, не проводили строгой границы между библельским ивритом, арамейским и затем языком Мишны, хотя ясно осознавали уместность употребления используемых коммуникативных клише). Греческим языком далеко не всегда владели даже представители высшего сословия, как, например, Иосиф Флавий, который оправдывал несвободное знание греческого своим иудейским происхождением².

¹ Ср., например: «В Евангелиях Иисус говорит на иудейском греческом языке» (см.: Wacholder B. Z. Eupolemus // A Study of Judaeo-Greek Literature. Cincinnati, 1974. P. 256).

² «Мои соотечественники все согласны с тем, что я являюсь одним из лучших знатоков истории страны нашей. Я старался с большим усердием преодолеть трудности в изучении греческого языка и литературы, основательно усвоив его грамматику. Впрочем, свободно говорить по-гречески мешает мне мое иудейское происхождение. Дело в том, что у нас не уважаются те, кто изучил много языков или умеет украшать речь свою красивыми оборо-

Из структурно-грамматического вакуума в естественную коммуникативную среду

В этой ситуации полноценную аудиторию для текстов НЗ можно обнаружить только вне Палестины, в грекоговорящей диаспоре, которая и была адресатом новозаветных авторов, независимо от их происхождения и «родного языка». Как событийная часть распространения христианства, так и лингвистическая часть этого процесса указывают на грекоговорящие иудейские общины за пределами Палестины. На этих территориях могли найти своих слушателей люди, подобные грекоговорящему иудею апостолу Павлу, проповедь которого была успешной исключительно в грекоговорящих диаспоральных синагогах. Именно их «прихожане» составляли достаточно многочисленную и достаточно специфическую (благодаря традиционным сложившимся в диаспоре практикам чтения и изучения грекоязычного Писания) аудиторию, которая стала основанием для количественного роста иудеохристиан, а потом и христиан. При этом их родным «языком» (в терминологии билингвизма, а более точно — «набором коммуникативных клише») был, по всей видимости, «обычный греческий», вернее, тот его вариант, который сложился в данной местности в данное время, как, например, нубийский или памфилийский диалект, о котором подробно говорит Хорсли¹. Однако их *практики общения с текстом Писания* были глубоко специфичны, с тенденцией к единообразию на основе LXX для всех диаспоральных иудейских анклавов, и вопросы билингвизма (тем более «вульгарного билингвизма») имеют к этой диспозиции весьма косвенное отношение.

Таким образом, нет причин искать в палестинском языковом состоянии ключ к решению лингвистического вопроса в НЗ. Формальные особенности финальных текстов зависели не от механистических процессов в сознании авторов, а от ситуации «автор — читатель», требования которой автор должен был испол-

тами. Это умение считается принадлежностью не только свободнорожденных людей, но и рабов. Лишь те, которые в точности знают закон и отличаются умением толковать Св. Писание, признаются истинно образованными людьми», см.: *Иосиф Флавий*. Иудейские древности: В 2 т. /Пер. Г. Г. Генкеля. Т. 2. М.: ООО «Издательство АСТ»; «Ладомир», 2002. С. 322.

¹ См.: *Horsley G. H. R. Op. cit.* P. 10–12.

нить (а в противном случае просто не приниматься за писательский труд). Иосиф Флавий со всей очевидностью продемонстрировал, что «второй язык» можно и нужно использовать так, как того требует коммуникативная среда, и что нет диктата «первого языка» в сознании автора, создающего глубоко рефлексивный письменный текст. Насильственное приписывание Палестине масштабного греческого присутствия противоречит естественным условиям писательской коммуникативной деятельности. Аудиорию новозаветных авторов можно обнаружить только за пределами Палестины, разрушив коммуникативный вакуум, искусственно создаваемый структурно-грамматическим подходом к естественному вербальному процессу.

По-видимому, в случаях, где необходимо учитывать подлинно лингвистические параметры ситуации (субъектность, коммуникативность, акциональность, когнитивность, ситуативность) общая теория билингвизма, основанная на признании строго очерченных «языков» и их элементов, теряет эффективность и только запутывает своего сторонника. Если коммуникант (в том числе билингв), знающий ситуацию коммуникации непосредственно и доподлинно, может факто не исполнять грамматические требования «языка», которые предъявляет автору исследователь (вторичный интерпретатор), то эти требования, по-видимому, должны быть как минимум скорректированы, а обвинения авторов в незнании «языка» вовсе упразднены. Аутентичный автор добивался решения своих коммуникативных задач и знал, как это делать, доподлинно, в отличие от вторичного интерпретатора, использующего для реконструкции лингвистической ситуации вспомогательную мнемотехническую схему (структурно-грамматическое описание). Если, с точки зрения исследователя, автор мог говорить и писать как правильно, так и неправильно, то не исполнять требований, выдвинутых естественным вербальным процессом, автор не мог: он был просто не в состоянии оказаться за пределами тех субъектных, коммуникативных, акциональных, когнитивных и ситуативных параметров своего вербального действия, которые он осознавал в ходе планирования и реализации устного — тем более письменного — общения. Если теория билингвизма работает в структурно-грамматическом «языке» и «языках», то, по-видимому, естественный вербальный процесс локализован за пределами этих теоретических конструктов.

4.6. Создание текста НЗ как лингвистическая практика в аутентичном дискурсе

Условия диаспоральных лингвистических практик

Диаспора предоставляет для интерпретации характера НЗ текстов необходимый и достаточный набор условий, среди которых: 1) вне-территориальное (и, по-видимому, внесоциальное), а также религиозное и в целом идеологическое единство участников коммуникативной практики; 2) единая база языковых моделей (клише), то есть текст LXX, который постоянно воспроизводился в грекоязычных синагогах и был «на слуху» и «под рукой» у всех грекоязычных членов синагогальных собраний; 3) живая традиция данной коммуникативной практики. Иными словами, независимо от местных языковых особенностей, независимо от социальных (профессиональных, возрастных, половых, образовательных, экономических) признаков грекоговорящее население иудейских общин, идентифицируя себя с иудейской традицией, было причастно и ее лингвистической части — чтению и изучению Писания в рамках субботних синагогальных собраний и других форм. Во всех городских центрах империи, где присутствовали иудейские анклавы, LXX составила, таким образом, фактор лингвистического единообразия, распространяя свое влияние исключительно на данную коммуникативную практику. Если в иных ситуациях коммуникации грекоязычный этнический иудей (а также примкнувший к ним прозелит или «боящийся Бога») говорил или писал на «территориальном диалекте» (ср. набор языков, представленных в описании пятидесятничной глоссолалии в Деян 2:16), «разговорном варианте койнэ» или «литературном греческом языке» (например, Филон или Иосиф), то в условиях синагоги его окружал (по крайней мере был регулярно доступен) особый строй грекоподобного текста, прямо ассоциированный с традицией иудейского профетизма.

Фактор «родственных сходств» в грамматикализации данных. Вариативность вербальных клише

Для создания лингвистического описания текстов НЗ существенным представляется не только однозначный отказ от идеи прямой об-

условленности письменного «языка» устным (так, например, в случае Хорсли это условие становится критическим, обуславливающим некорректность концепции), но и принципиальное признание «нечеткости» тех множеств, которые допускаются в качестве характеристик (параметров) текста и которые объединяют («грамматикализуют») его конкретные предметно представленные единицы. Вероятно, здесь теоретику стоит помнить о витгенштейновских «родственных сходствах», которые в приложении к вербальному материалу являются причиной объединения в классы «языковых» единиц, не совпадающих в точности, но *сочтенных* в чем-то подобными. Такой подход в случае особой практики профетических текстов обусловлен спецификой материала более чем в каком-то ином случае.

Дело в том, что, в отличие от современного вторичного интерпретатора, не вовлеченного в лингвистическую ситуацию эллинизма (тем более конкретного времени и места) и знакомого с «языком» по созданным «точным» грамматикам, иудеохристианские авторы усваивали актуальные коммуникативные модели в результате непосредственного общения с текстом LXX, выделяя «неточными методами» способы создания религиозного нарратива или дискурсива, чтобы затем применить их для создания нового текста. Практика использования этого источника не обладала столь же интенсивной и императивной воспроизводимостью, как, например, коммуникативные модели быденного общения. Поэтому стабильность вербальных клише в сознании авторов, вероятно, была несколько меньше, чем в случаях более частотных, более «отработанных» практик. По этой причине присутствующие в «базе данных» (Септуагинте) вербальные модели подвергались большему риску формальных изменений при использовании в новом тексте, в новом коммуникативном действии¹.

Кроме того, и сами вербальные клише, присутствующие в LXX, обнаруживают определенную меру вариативности, которая возникла при ее создании вследствие несовпадения между собой переводческих тактик и стратегий (см. пример ниже).

При этом следует заметить, что пользование коммуникативными образцами и их выбор (в случаях вариативности в тексте LXX), конеч-

¹ См. уже цитированную работу: *Chang-Wook Jung*. The Original Language of the Lukan Infancy Narrative. London; New York: T&T Clark International, 2004, в которой подробно представлен процесс создания септуагинтоподобных клише в Евангелии от Луки, написанном по образцу LXX.

но, зависели от индивидуальной меры знакомства и освоения коммуникативных моделей источника, а также от индивидуальных предпочтений автора (см. ниже пример с $\epsilon\dot{\iota}\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ в Мк). В любом случае для иудейского (иудеохристианского) писателя в условиях диаспоры использование коммуникативных клише, предоставленных грекоязычным Писанием, маркировало меру иудейской аутентичности создаваемого текста, означало исполнение условий участия в традиции иудейского пророчества (ср. характерную смену коммуникативного модуля в построении нарратива у евангелиста Луки).

Психологическая составляющая вариабельности против структурно-грамматической строгости

Фактор родственных сходств, или «нечетких множеств», вводит в рамки коммуникативной парадигмы психологическую составляющую авторского процесса. Важно отметить, что естественные видоизменения коммуникативных клише, констатируемые в традиционных исследованиях «языков», и соответственно постоянно фиксируемые изменения самих «языков» вызваны не в последнюю очередь психологически обусловленным восприятием коммуникативно-типологических единиц как нечетких множеств: в актуальной коммуникации формальный облик используемых вербальных клише может не быть точным (совпадающим с уже имеющимися образцами), но может быть *признан достаточным* для реализации данной коммуникативной задачи. Постоянное размывание прежних границ вербальных форм в таком случае предстает не как «порча языка», а как переосмысление и переоценка коммуникантами вербальных комплексов, необходимых и достаточных для смыслопорождения в рамках данных коммуникативных синтагм (например, в современной лингвистической ситуации русское клише «довлеть» большинством говорящих уже признано достаточным для реализации ситуаций со значением «давить», «угрожать», «нависать», хотя не имеет с такой семантикой никакой этимологической деривативной связи).

Так или иначе, участники лингвистической ситуации (в том числе новозаветные авторы) обходятся (обходились) без посредства вспомогательных грамматик и структурных описаний, самостоятельно определяя меру допустимой нечеткости границ коммуникативной типологии (в том числе вербальной части деклических синтагм). Напротив,

попытки применения к их деятельности грамматических требований и констатация неисполнения этих требований, по сути, обращают вспять причинно-следственные связи, с очевидностью констатируемые в естественном вербальном процессе: на основе естественной (субъектной, акциональной, ситуативной, осмысленной) коммуникативной типологии возникает формализованная грамматика (лишенная, надо заметить, подлинных атрибутов естественного коммуникативного процесса), а не наоборот. Парадокс, иллюстрацией которого служит проблема статуса новозаветного текста, состоит в том, что искусственно и вторично возникший грамматический «язык» начинает диктовать коммуникативной реальности свои условия и предъявляет свои строгие требования, за неисполнение которых следует осуждение и поражение в правах авторов — единственных легитимных представителей той самой коммуникативной реальности.

Единство и вариативность вербальных данных LXX

Для иллюстрации процесса создания текстов НЗ сначала рассмотрим три способа перевода нарративных структур, которые засвидетельствованы в LXX (Исх 1: 1–22, Быт 1: 1–3: 25 и 4 Цар 9: 1–29). Бесспорно, что для создания каждого из этих отрывков основанием послужил древнееврейский текст. Кроме того, стратегия перевода в каждом из этих случаев такова, что каждому слову еврейского оригинала поставлено в соответствие слово целевого грекоподобного текста. Однако, несмотря на столь строгие условия и правила (которые, надо заметить, неукоснительно исполнялись толковниками), в нарративе LXX, представленном данными отрывками, можно выделить признаки несколько различающихся между собой переводческих стратегий. В качестве признака грекоподобного текста, который позволяет отграничивать одну переводческую технику от другой, в данном случае выступает употребление греческих текстовых координаторов $\kappa\alpha\iota$ и $\delta\epsilon$.

Для анализа данного эпизода необходимо иметь в виду, что древнееврейский нарративный текст организуется как последовательность предложений, в начале которых по преимуществу используются модели $WayyiQtol-$ ($SuExpl$) и $W-SUexpl-Qatal$, где $SuExpl$ — эксплицитное подлежащее, $yiQtol$ и $Qatal$ — соответствующие формы глаголов, а кроме того в этих моделях обязательно присутствует Waw , который

в громадном большинстве случаев передается в целевом грекоподобном тексте посредством интересующих нас ΚΑΙ или DE (другие частицы фактически вообще не используются).

Выбор из двух возможностей в каждом новом предложении зависит от личных предпочтений переводчиков. По характеру выбора, который сделал каждый из них, нарративные тексты, представленные в данных отрывках, можно признать *более или менее грекоподобными* на основании следующих рассуждений.

В аутентичных греческих текстах (например: *Филострат*, Жизнь Аполлония Тианского, 1. 1; ср. также нарративные тексты «Историй» Геродота, Фукидида, «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского и др.) наблюдается разнообразное варьирование частиц (и в целом нарративных моделей), используемых для организации текста. Это следует, по-видимому, из того, что личность автора в аутентичном греческом тексте проявлена в гораздо большей степени, чем в древнееврейском нарративе. Аутентичный греческий повествователь ссылается в тексте на источники своих сведений, доказывает и опровергает различные точки зрения, вводит различные формы модальностей, каждая из которых говорит о мере его сомнения или уверенности, солидаризируется со своим источником или, наоборот, снимает с себя ответственность за приводимые сведения, вводит личные впечатления и оценки, не избегает прямых аффективных апелляций к восприятию читателя (слушателя), дает поясняющие ремарки, столь же непосредственно обращаясь к адресату. Вследствие этого эллинистические авторы предстают перед читателем прежде всего как исследователи, предъявляющие результаты своих изысканий. В отличие от них, автор аутентичного библейского нарратива всегда скрыт: нет признаков личных сомнений, модальностей, указаний на источники субъективной информации, прямых обращений к аудитории или упоминаний авторских эмоций. Библейская нарративная стратегия на греческий взгляд состоит в том, чтобы представить, как все было на самом деле, независимо от субъективного мнения писателя.

В результате следует констатировать, что коммуникативное варьирование, свойственное греческому нарративному тексту, находит выражение в использовании гораздо большего, чем в еврейском нарративе, числа различных текстовых координаторов, к которым прежде всего относятся разнообразные частицы. В отличие от греческого, еврейский нарратив выглядит слишком однообразным и монотон-

ным, демонстрируя к тому же фиксированный порядок слов (глаголов и подлежащих) в начале каждого нового предложения. Если в аутентичном греческом нарративе способ связи высказываний характеризуется как гипотаксис, то в еврейском однозначно доминирует паратаксис¹.

Отличия «варварского» нарратива от греческого хорошо заметны в попытках Иосифа Флавия адаптировать повествование LXX к формам греческой исторической прозы. Так, приступая к описанию событий творения мира (Иудейские древности, 1.1), иудейский историк, пишущий для «настоящих эллинов», значительно усложняет и разнообразит свой нарратив. Произведенные над текстом LXX операции дают понять, что, по мнению Иосифа, могло не понравиться читателям (показаться странным) в грекоподобном нарративе LXX и потому потребовало «улучшений» с его стороны:

LXX Gen 1: 1–3	Иосиф Флавий, <i>Иудейские древности</i> , 1.1
Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. ἡ δὲ γῆ ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος, καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου, καὶ πνεῦμα θεοῦ ἐπέφερέτο ἐπάνω τῆς ὕδατος. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς Γενηθήτω φῶς. καὶ ἐγένετο φῶς	Ἐν ἀρχῇ ἔκτισεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. ταύτης δ' ὑπ' ὄψιν οὐκ ἐρχομένης ἀλλὰ βαθεῖ μὲν κρυπτομένης σκότει πνεύματος δ' αὐτὴν ἄνωθεν ἐπιθέουτος γενέσθαι φῶς ἐκέλευσεν ὁ θεός.

Как видно, Иосиф избавляется от монотонных союзов ΚΑΙ в начале предложений, а также самих простых предложений; вводит обороты, разнообразящие и усложняющие структуру текста (genetivi absoluti); изменяет порядок слов и соподчинение элементов; выбирает для построения высказывания иные лексемы.

На этом фоне пословная передача в LXX еврейского оригинала греческими средствами закономерно оборачивается полным несоответствием тому, что мог бы ожидать от нарратива «греческий читатель». Перед ним разворачивается слишком объективный и слиш-

¹ См.: *Aejmelaeus A.* Parataxis in the Septuagint. A Study of the Renderings of the Hebrew Coordinate Clauses in the Greek Pentateuch. Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia, 1982.

ком единообразный грекоподобный текст, с обилием навязчивых (на греческий вкус) зачинов, лишенный разнообразия частиц и нарративных стратегий (не говоря уже об отсутствии позиции автора, его оценок, пояснений, обращений к читателю и пр.).

Таблица 1

Сравнительная структура Исх 1: 1–22 (ср. табл. 5)
(В таблице представлены начальные части предложений)

№	Vss.	MT	LXX
1	(Быт 50: 25)	וַיִּשְׁבַּע יוֹסֵף	καὶ ὤρκισεν Ἰωσήφ
2	(Быт 50: 26)	וַיִּקַּח יוֹסֵף	καὶ ἐτελεύτησεν Ἰωσήφ
3		וַיִּתְנַשּׂוּ אִתּוֹ וַיִּישָׂם	καὶ ἔθαψαν αὐτὸν καὶ ἔθηκαν
4	Исх 1: 1	וְאֵלֶּה שְׁמוֹת	Ταῦτα τὰ ὀνόματα
5	Исх 1: 6	וַיִּקַּח יוֹסֵף	ἐτελεύτησεν δὲ Ἰωσήφ
6	Исх 1: 7	וּבְנֵי יִשְׂרָאֵל פָּרוּ	οἱ δὲ υἱοὶ Ἰσραὴל ἠῤῥήθησαν
7		וַיִּשְׂרְצוּ	καὶ ἐπληθύνθησαν
8		וַיִּרְבּוּ	καὶ χυδαῖοι ἐγένοντο
9		וַיַּעֲבֹדוּ בְמֵאָד בְּמֵאָד	καὶ κατίσχυον σφόδρα σφόδρα,
10		וַתִּמְלֵא הָאָרֶץ אִשָּׁה	ἐπλήθυνεν δὲ ἡ γῆ αὐτούς.
11	Исх 1: 8	וַיָּקָם מֶלֶךְ-חָדָשׁ	Ἀνέστη δὲ βασιλεὺς ἕτερος
12	Исх 1: 9	וַיֹּאמֶר אֶל-עַמּוֹ	εἶπεν δὲ τῷ ἔθνει
13	Исх 1: 11	וַיִּשְׂמוּ עָלָיו שְׂרֵי מִסִּים	καὶ ἐπέστησεν αὐτοῖς ἐπιστάτας
14		וַיִּבְנוּ	καὶ ὠκοδόμησαν
15	Исх 1: 12	וַיִּקְצוּ	καὶ ἐβδελύσσοντο οἱ Αἰγύπτιοι
16	Исх 1: 13	וַיַּעֲבְדוּ מִצְרַיִם	καὶ κατεδυνάστευον οἱ Αἰγύπτιοι
17	Исх 1: 14	וַיִּקְרְרוּ	καὶ καταδύνων
18	Исх 1: 15	וַיֹּאמֶר מֶלֶךְ לַמְּלָכֹת	Καὶ εἶπεν ὁ βασιλεὺς ταῖς μαίαις
19	Исх 1: 16	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
20	Исх 1: 17	וַתִּירְאֵן הַמְּלָכֹת	ἐφοβήθησαν δὲ αἱ μαῖαι
21		וְלֹא עָשׂוּ	καὶ οὐκ ἐποίησαν
22		וַתַּחֲיֶינָן אֶת-הַקְּלָדִים	καὶ ἐζωογόνην τὰ ἄρσена.
23	Исх 1: 18	וַיִּקְרָא מֶלֶךְ-מִצְרַיִם	ἐκάλεσεν δὲ ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου
24		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
25	Исх 1: 19	וַתֹּאמְרֵן הַמְּלָכֹת	εἶπαν δὲ αἱ μαῖαι
26	Исх 1: 20	וַיִּשָּׂב אֱלֹהִים לַמְּלָכֹת	εὖ δὲ ἐποίει ὁ θεὸς ταῖς μαίαις,
27		וַיִּרְבּוּ הָעָם	καὶ ἐπλήθυνεν ὁ λαὸς

№	Vss.	MT	LXX
28		וַיַּעֲבֹדוּ בְמֵאָד	καὶ ἴσχυεν σφόδρα.
29	Исх 1: 22	וַיִּצְוּ פַרְעֹה	συνέταξεν δὲ Φαραῶ

Таблица 2

Нарративная структура Быт 1: 1–3: 25 (ср. табл. 6)
(В таблице представлены начальные части предложений)

№	Vss.	MT	LXX
1	Быт 1: 1	בְּרֵאשִׁית בְּרָא אֱלֹהִים	Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς
2		וַיִּשְׂרָץ הָיָה	ἡ δὲ γῆ ἦμ
3	Быт 1: 2	וַחֲשָׁךְ עַל-פְּנֵי תְהוֹם	καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου
4		וְרוּחַ אֱלֹהִים מְרַחֶפֶת	καὶ πνεῦμα θεοῦ ἐπεφέρετο
5	Быт 1: 3	וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים	καὶ εἶπεν ὁ θεός
6		וַיְהִי-אוֹר	καὶ ἐγένετο φῶς
7	
8	Быт 2: 1	וַיַּצְמַח אֱדֵמָה וְהָאָרֶץ	Καὶ συνετελέσθησαν ὁ οὐρανὸς
9	Быт 2: 4	אֶלֶּה תולדות השמים והארץ	Ἀὕτη ἡ βίβλος γενέσεως οὐρανοῦ καὶ γῆς
10	
11	Быт 2: 7	וַיִּצַר יְהוָה אֱלֹהִים אֶת-הָאָדָם	καὶ ἔπλασεν ὁ θεὸς τὸν ἄνθρωπον
12		וַיִּפַּח	καὶ ἐνεφύσησεν
13		וַיְהִי הָאָדָם	καὶ ἐγένετο ὁ ἄνθρωπος
14		וַיִּשַׁע יְהוָה אֱלֹהִים	Καὶ ἐφύτευσεν κύριος ὁ θεός
15		וַיִּשָׂם	καὶ ἔθετο
16		וַיַּצְמַח יְהוָה אֱלֹהִים	καὶ ἐξανέτειλεν ὁ θεός
17	Быт 2: 10	וַיִּקַּח יְיָ מִנְּחֹל	ποταμὸς δὲ ἐκπορεύεται ἐξ Ἐδεμ
18	Быт 2: 11	שֵׁם הָאָדָם פִּישׁוֹן	ὄνομα τῷ ἐνὶ Φισων
19		הוּא הַסַּבָּב	οὗτος ὁ κυκλῶν
20	
21	Быт 2: 12	וַתִּהְיֶה הָאָרֶץ הַהוּא טוֹב	τὸ δὲ χρυσίου τῆς γῆς ἐκείνης καλόν
22		שֵׁם הַבְּדֵלָה	καὶ ἐκεῖ ἐστιν ὁ ἄνθραξ
23	Быт 2: 13	וַשְׁמֵי-הַשָּׁמַיִם הָשְׁנִי גִיחוֹן	καὶ ὄνομα τῷ ποταμῷ τῷ δευτέρῳ Γηων
24		הוּא הַסַּבָּב	οὗτος ὁ κυκλῶν
25	Быт 2: 14	וַשְׁמֵי-הַשָּׁמַיִם הַשְּׁלִישִׁי חִבְרֹן	καὶ ὁ ποταμὸς ὁ τρίτος Τίγρις

№	Vss.	MT	LXX
26		הוא החלך	οὗτος ὁ πορευόμενος
27		והנהר הרביעי הוא פרת	ὁ δὲ ποταμὸς ὁ τέταρτος, οὗτος Εὐφράτης.
28	Быт 2: 15	ויקח יהוה אלהים את האדם	Καὶ ἔλαβεν κύριος ὁ θεὸς τὸν ἄνθρωπον
29		ונחהו בגן	καὶ ἔθετο αὐτὸν ἐν τῷ παραδείσῳ
30	Быт 2: 16	ויצו יהוה אלהים על האדם	καὶ ἐνετείλατο κύριος ὁ θεὸς τῷ Ἀδὰμ
31	
32	Быт 2: 18	ויאמר יהוה אלהים	Καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεός
33	Быт 2: 19	ויצר יהוה אלהים	καὶ ἔπλασεν ὁ θεός
34	Быт 2: 20	ויקרא האדם שמות	Καὶ ἐκάλεσεν Ἀδὰμ ὀνόματα
35		ולאדם לא מצא עזר	τῷ δὲ Ἀδὰμ οὐκ εὗρέθη βοηθός.
36	Быт 2: 21	ונפל יהוה אלהים תרדמה	καὶ ἐπέβαλεν ὁ θεός ἔκστασιν
37	
38	Быт 2: 25	ויהיו שניהם ערומים	καὶ ἦσαν οἱ δύο γυμνοί
39		ולא יתבששו	καὶ οὐκ ἤσχύνοντο.
40	Быт 3: 1	והנהש הנה ערום	Ὁ δὲ ὄφης ἦν φρονιμώτατος
41		ויאמר אל האשה	καὶ εἶπεν ὁ ὄφης τῇ γυναικί
42	Быт 3: 2	ותאמר האשה	καὶ εἶπεν ἡ γυνή
43	Быт 3: 4	ויאמר הנחש	καὶ εἶπεν ὁ ὄφης τῇ γυναικί
44	Быт 3: 6	ותרא האשה	καὶ εἶδεν ἡ γυνή
45	
46	Быт 3: 8	ונשמעו את קול יהוה	Καὶ ἤκουσαν τὴν φωνὴν κυρίου τοῦ θεοῦ
47		ותחבא האדם ואשתו	καὶ ἐκρύβησαν ὁ τε Ἀδὰμ καὶ ἡ γυνή
48	Быт 3: 9	ויקרא יהוה אלהים	καὶ ἐκάλεσεν κύριος ὁ θεός
49		ויאמר לו	καὶ εἶπεν αὐτῷ
50	Быт 3: 10	ויאמר	καὶ εἶπεν
51	Быт 3: 11	ויאמר	καὶ εἶπεν
52	Быт 3: 12	ויאמר האדם	καὶ εἶπεν ὁ Ἀδὰμ
53	Быт 3: 13	ויאמר יהוה אלהים לאשה	καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεός τῇ γυναικί
54	Быт 3: 14	ויאמר יהוה אלהים אל הנחש	καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεός τῷ ὄφει
55	Быт 3: 16	אל האשה אמר	καὶ τῇ γυναικί εἶπεν

№	Vss.	MT	LXX
56	Быт 3: 17	ולאדם אמר	τῷ δὲ Ἀδὰμ εἶπεν
57	Быт 3: 20	ויקרא האדם שם	καὶ ἐκάλεσεν Ἀδὰμ τὸ ὄνομα
58	Быт 3: 21	ונעש יונה אלהים	Καὶ ἐποίησεν κύριος ὁ θεός
59	Быт 3: 22	ויאמר יהוה אלהים	καὶ εἶπεν ὁ θεός-
60	Быт 3: 23	ונשלחהו יהוה אלהים	καὶ ἐξάπεστείλεν αὐτὸν κύριος ὁ θεός
61	Быт 3: 24	ויקרא את האדם	καὶ ἐξέβαλεν τὸν Ἀδὰμ
62		ונשכן	καὶ ἔταξεν

Таблица 3

Нарративная структура 4 Цар 9: 1–29 (ср. табл. 7)
(В таблице представлены начальные части предложений)

№	Vss.	MT	LXX
1	4 Цар 9: 1	ואלישע הנביא קרא	Καὶ Ἐλισαίε ὁ προφήτης ἐκάλεσεν
2		ויאמר	καὶ εἶπεν
3	4 Цар 9: 4	וינלך הנער הנער הנביא	καὶ ἐπορεύθη τὸ παιδάριον ὁ προφήτης
4	4 Цар 9: 5	ונבא	καὶ εἰσήλθεν.
5		והנה שרי הסול ישיבים	καὶ ἰδού οἱ ἄρχοντες τῆς δυνάμεως ἐκάθηντο
6		ויאמר	καὶ εἶπεν
7		ויאמר יהוה	καὶ εἶπεν Ιου
8		ויאמר	καὶ εἶπεν
9	4 Цар 9: 6	ויקם	καὶ ἀνέστη
10		ונבא הביתה	καὶ εἰσήλθεν εἰς τὸν οἶκον.
11		ויצק השמן	καὶ ἐπέχευεν τὸ ἔλαιον
12		ויאמר	καὶ εἶπεν
13	4 Цар 9: 10	ויפתח הקלת	καὶ ἤνοιξεν τὴν θύραν
14		ונגס	καὶ ἔφυγεν
15	4 Цар 9: 11	אדניו יהוה יצא אל עבדו	καὶ Ιου ἐξήλθεν πρὸς τοὺς παῖδας τοῦ κυρίου αὐτοῦ
16		ויאמר לו	καὶ εἶπον αὐτῷ
17		ויאמר אליהם	καὶ εἶπεν αὐτοῖς
18	4 Цар 9: 12	ויאמרו	καὶ εἶπον

№	Vss.	MT	LXX
19		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν Ἰου πρὸς αὐτούς
20	4 Цар 9: 13	וַיִּמְהָרוּ	καὶ ἀκούσαντες ἔσπευσαν
21		וַיִּקְחוּ אִישׁ בְּגָדוֹ	καὶ ἔλαβον ἕκαστος τὸ ἱμάτιον αὐτοῦ
22		וַיִּשִׂמוּ	καὶ ἔθηκον
23		וַיִּתְקְעוּ בַשּׁוֹפָר וַיֹּאמְרוּ	καὶ ἐσάλπισαν ἐν κερατίνῃ καὶ εἶπον
24	4 Цар 9: 14	וַיִּתְקַשֵּׁר יְהוּא	καὶ συνεστράφη Ἰου
25		וַיּוֹרֶם הָהָה שָׁמֶר	καὶ Ἰωραμ αὐτὸς ἐφύλασσαν
26	4 Цар 9: 15	וַיִּשָׁב יְהוֹרָם הַמֶּלֶךְ	καὶ ἀπέστρεψεν Ἰωραμ ὁ βασιλεὺς
27		וַיֹּאמֶר יְהוּא	καὶ εἶπεν Ἰου
28	4 Цар 9: 16	וַיִּרְכַּב יְהוּא וַיֵּלֶךְ	καὶ ἵππευσεν καὶ ἐπορεύθη Ἰου
29		וַאֲסֹנֵה מֶלֶךְ יְהוּדָה יָבֵד	καὶ Οχοζίας βασιλεὺς Ἰουδα κατέβη
30	4 Цар 9: 17	וַהֲצִיף עִמָּד	καὶ ὁ σκοπὸς ἀνέβη
31		וַיִּרְא	καὶ εἶδεν
32		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
33		וַיֹּאמֶר יְהוֹרָם	καὶ εἶπεν Ἰωραμ
34	4 Цар 9: 18	וַיֵּלֶךְ רֹכֵב הַסּוּס	καὶ ἐπορεύθη ἐπιβάτης ἵππου
35		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
36		וַיֹּאמֶר יְהוּא	καὶ εἶπεν Ἰου
37		וַיִּגַּד הַצִּיֵּף	καὶ ἀπήγγειλεν ὁ σκοπὸς
38	4 Цар 9: 19	וַיִּשְׁלַח רֹכֵב סוּס	καὶ ἀπέστειλεν ἐπιβάτην ἵππου
39		וַיָּבֵא אֵלֵיהֶם וַיֹּאמֶר	καὶ ἦλθεν πρὸς αὐτὸν καὶ εἶπεν
40		וַיֹּאמֶר יְהוּא	καὶ εἶπεν Ἰου
41	4 Цар 9: 20	וַיִּגַּד הַצִּיֵּף	καὶ ἀπήγγειλεν ὁ σκοπὸς
42	4 Цар 9: 21	וַיֹּאמֶר יְהוֹרָם	καὶ εἶπεν Ἰωραμ
43		וַיֹּאמֶר	καὶ ἔξευξεν
44		וַאֲסֹנֵהוּ מֶלֶךְ יְהוּדָה וַיִּצְא יְהוֹרָם מֶלֶךְ יִשְׂרָאֵל	καὶ ἐξήλθεν Ἰωραμ βασιλεὺς Ἰσραὴλ καὶ Οχοζίας βασιλεὺς Ἰουδα,
45		וַיִּצְאוּ	καὶ ἐξήλθον
46		וַיִּמְצְאוּהוּ	καὶ εὔρον
47	4 Цар 9: 22	וַיְהִי כִרְאוֹת יְהוֹרָם	καὶ ἐγένετο ὡς εἶδεν Ἰωραμ
48		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν

№	Vss.	MT	LXX
49		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν Ἰου
50	4 Цар 9: 23	וַיִּתְפַּךְ יְהוֹרָם	καὶ ἐπέστρεψεν Ἰωραμ
51		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
52	4 Цар 9: 24	וַיְהִי מַלְא יָדוֹ	καὶ ἐπλησεν Ἰου τὴν χεῖρα αὐτοῦ
53		וַיִּתְּיָהוּרָם	καὶ ἐπάταξεν τὸν Ἰωραμ
54		וַיִּצְא הַחַצִּי	καὶ ἐξήλθεν τὸ βέλος
55		וַיִּכְרַע	καὶ ἔκαμψεν
56	4 Цар 9: 25	וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν Ἰου
57	4 Цар 9: 27	וַאֲסֹנֵה מֶלֶךְ יְהוּדָה רָאָה	καὶ Οχοζίας βασιλεὺς Ἰουδα εἶδεν
58		וַיָּסֶ	καὶ ἔφυγεν
59		וַיִּרְדֵּף אַחֲרָיו יְהוּא	καὶ ἐδίωξεν ὀπίσω αὐτοῦ Ἰου
60		וַיֹּאמֶר	καὶ εἶπεν
61		גַּם אִתּוֹ הָיוּ אֵלֵי־הַמֶּרְקָבָה	καὶ ἐπάταξεν αὐτὸν ἐν τῷ ἄρματι
62		בְּמַעְלָה־גּוֹר	ἐν τῷ ἀναβαίνειν Γαι
63		אֲשֶׁר אֵת־יִבְלָעָם	ἢ ἐστὶν Ἰεβλααμ,
64		וַיָּסֶ מִגְדוֹ נִמְתַּ שָׁם	καὶ ἔφυγεν εἰς Μαγεδδων καὶ ἀπέθανεν ἐκεῖ.
65	4 Цар 9: 28	וַיִּרְכַּבוּ אִתּוֹ עֲבָדָיו	καὶ ἐπεβίβασαν αὐτὸν οἱ παῖδες αὐτοῦ
66		וַיִּקְבְּרוּ	καὶ ἔθαψαν
67	4 Цар 9: 29	וּבְשָׂתָיִם : : : : מֶלֶךְ אֲסֹנֵהוּ	καὶ ἐν ἔτει ἑνδεκάτῳ ἐβασίλευσεν Οχοζίας

Однако, как показывают приведенные примеры, несмотря на строгие рамки «пословности», в своем использовании греческих элементов построения текста переводчики не полностью идентичны. Так, судя по употреблению KAI и DE, переводчики обнаруживают *различное отношение* к исполнению требований греческой текстuality: одни проявляют большее к ней почтение, стараясь чуть более активно адаптировать возникающий текст к греческому восприятию (не нарушая, впрочем, рамки пословного принципа передачи оригинала), другие как будто не видят в этом смысла, вероятно сознавая, что и без того целевой текст, передаваемый пословно, несмотря ни на какие усилия, не может претендовать на греческую аутентичность (тем более, что целью деятельности переводчиков была

точная передача священного текста, а не следование греческим образцам нарратива).

В результате можно построить условную шкалу грекоподобия, в которой отражается мера усилий переводчиков по приспособлению пословного текста к греческим образцам. На основании трех избранных отрывков LXX картина выглядит следующим образом.

Таблица 4

ВАРЬИРОВАНИЕ «ГРЕКОПОДОБНОСТИ» ПРΟΣРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧАСТИЦ ΚΑΙ И DE В НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТАХ СЕПТУАГИНТЫ

Критерии сравнения	Исх 1: 1–22 (см. табл.1)	Быт 1: 1–3: 25 (см. табл. 2)	4 Цар 9: 1–29 (см. табл. 3)
Различие	Частое использование частицы DE (<i>вариативный паратаксис</i>)	Умеренное использование частицы DE, преимущественно ΚΑΙ (<i>менее вариативный паратаксис</i>)	Исключительное использование частицы ΚΑΙ (<i>невариативный паратаксис</i>)
Единство	– Сохранение порядка слов – Негреческая структура текста	– Сохранение порядка слов – Негреческая структура текста	– Сохранение порядка слов – Негреческая структура текста
Образ грекоподобного текста (в аспекте употребления частиц ΚΑΙ и DE)	<i>Наиболее грекоподобный</i>	<i>Менее грекоподобный</i>	<i>Наименее грекоподобный</i>

Нужно отметить, что даже при столь строгом исполнении требований пословности в передаче оригинала, полного единообразия в употреблении ΚΑΙ и DE не наблюдается (см. строку «Различие»). Единство переводчиков состоит в ином, а именно в итоговом *неисполнении* требований аутентично греческой текстуальности: в каждом из отрывков реализуется паратаксис различной степени вариативности, что выводит возникающий текст за рамки традиционного греческого нарратива со свойственным ему вариативным гипотаксисом (см. строку «Единство»).

В связи с этим представляется уместным вспомнить о «нечетких множествах» и коммуникативном функционировании вербальных единиц. Из приведенных примеров очевидно, что посредством греческих слов (нужно иметь в виду, что среди употребленных переводчиками лексем нет «негреческих») возникают предложения, каждое из которых по отдельности «грамматически» возможно в «греческом языке». В то же время несмотря на соблюдение требований грамматики и словаря, перед читателем разворачивается «негреческий» (или «не вполне греческий») текст, точную степень «варварства» которого установить, конечно, невозможно. Однако бесспорно, что аутентично греческий гипотаксис не принадлежит к тому «нечеткому множеству» способов, которыми пользуются переводчики для координирования своего грекоподобного нарратива. Несмотря на используемые греческие слова (в том числе координаторы ΚΑΙ и DE), в создании общего негреческого облика текста (или, точнее, последовательности коммуникативных действий) значение имеют: отсутствие иных частиц, постоянство ΚΑΙ (и редкое DE) в начале каждого предложения, закреплённая монотонная схема расположения главных членов предложения, отсутствие следов личности автора в тексте (сопоставления, оценки, метафоры, причинно-следственные отношения, модальности и пр.). В создании «варварского» образа текста не последнюю роль играет и сама техника пословного перевода, поскольку в результате такого способа передачи оригинала на целевом языке в принципе не может возникнуть аутентичный текст (нужно заметить, что в приведенных примерах присутствуют и однозначно «не нормализованные обороты», которые уже на уровне словосочетания и внутрифразового синтаксиса выдают наличие семитоязычного оригинала, — например, καὶ ἐγένετο ὡς и καὶ ἰδοῦ, соответствующие специфическим оборотам עַל־כֵּן и הִנֵּה; см. табл. 3).

Важно отметить, что рассуждения о «варварстве», «греческой неаутентичности», «греческом гипотаксисе» и древнееврейском «паратаксисе» имеют характер исключительно технический и не затрагивают подлинного коммуникативного (действительного) содержания вербальных клише. Чтобы приблизиться к аутентичному восприятию текста LXX, необходимо пытаться усвоить точку зрения религиозной части диаспоральных иудеев, читавших и изучавших Танах (Закон, псалмы и пророки) по этому грекоподобному источнику.

Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: священный текст

Естественные условия функционирования LXX (абстрагируясь от истории с первоначальным переводом Пятикнижия и последующими добавлениями), как уже было отмечено, представляют собой синагогальное использование данного текста, который изначально не существовал вне связи с конкретной лингвистической практикой — прояснением элементов древнееврейского текста в ходе субботних чтений Закона и индивидуального изучения посредством коммуникативных моделей, более понятных диаспоральной аудитории. О таком способе обработки не (вполне) понятного древнееврейского текста свидетельствуют практика таргумов (особого рода арамейских переводов с толкованиями в палестинской традиции) и практика «греческих таргумов» в диаспоральных грекоязычных общинах.

Вопрос, в каких конкретных формах греческий текст LXX функционировал в синагоге, не прояснен до конца. Сомнения вызывают конкретные детали синагогального ритуала в диаспоре и на Святой Земле: протяженность зачитываемых отрывков перевода, момент последовательности литургических действий, в которую включалось чтение перевода, роль индивидуального изучения Писания и формы этого изучения, динамика изменения форм синагогального чтения в связи с историческими процессами в диаспоральном и палестинском иудаизме. Однако из существующих сведений несомненным можно полагать, что значение LXX для диаспоральных общин в доталмудическую эпоху было огромным и всеобъемлющим.

Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: Филон и другие источники

Для Филона (ок. 20 г. до н. э. — ок. 50 г. н. э.) синагоги были «школами добродетели», в которых иудеи изучали «философию отцов». Согласно заповеди Моисея посвящать каждый седьмой день изучению «философии» (то есть Писания), иудеи, пишет Филон, по сей день занимаются философией отцов и посвящают каждый седьмой день «изучению и познанию законов природы» (по Писанию). «Чем же иным являются наши дома молитвы в городах, если не школами

разумения, мужества, самообладания, праведности, набожности, святости и всякой [иной] добродетели, посредством которой познается и исполняется все [необходимое] по отношению к людям и Богу?» (De vita Mosis 2, 216). Поскольку Тора является воплощением вселенской мудрости, а ее законы — законов мироздания, то изучение и соблюдение их составляет истинное назначение «настоящего» человека. Соответственно синагоги, где это и происходит, играют центральную роль в распространении истинной «философии» среди всего человечества (ср.: «У Моисея с древних времен имеются в каждом городе провозглашающие его (Закон), ведь каждую субботу его читают вслух в синагогах» — Деян 15: 21).

Характерно, что Филон, посвятивший истолкованию Закона Моисея обширные и многочисленные сочинения (будучи при этом одним из наиболее авторитетных членов иудейской общины Александрии), не знал оригинального языка Писания (или знал весьма фрагментарно) и не читал его в подлиннике¹.

При этом, судя по свидетельствам Филона и другим источникам (Деяния, Иосиф Флавий, Климент Римский и др.), изучение Писания для диаспорального иудея не провоцировало лингвистических вопросов (в том числе подозрений в качестве филологической работы переводчиков, в аутентичности переведенных мест и всего Писания). «Изучать Писание» означало обращаться к его содержательной стороне, что обеспечивалось общением с текстом LXX и постоянно подтверждалось возможностью пословного (вероятно, постоянно наблюдаемого и воспроизводимого) сопоставления оригинального и переводного текста в ходе субботних собраний и индивидуального изучения. Правильность перевода и его божественный статус воспринимались как свойства текста по умолчанию. Во всех случаях цитирования (в том числе у раннехристианских авторов, например, в посланиях корпуса НЗ, в послании Варнавы, в послании к коринфянам Климента Римского и др.) греческий текст воспринимается как «Писание», без каких-либо уступок и специальных ссылок на статус переводного текста.

¹ См.: *Borgen P. Philo of Alexandria, an exegete for his Time.* Leiden; New York; Koeln, 1997.

Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: позднее свидетельство Новеллы Юстиниана

Наиболее подробное свидетельство об использовании древнееврейского и греческого текстов Писания в иудейских синагогах содержится в очень позднем источнике, который тем не менее передает существо проблемы. Новелла 146 («Позволение, данное евреям, читать Священное Писание, следуя традиции, по-гречески, по-латински или на другом языке»), изданная в 553 г. византийским императором Юстинианом I, содержит ряд подробностей, которые волновали участников синагогальных собраний в связи с воспроизведением и пониманием текста Писания¹.

В предисловии к новелле говорится: «Необходимость требует, чтобы евреи, слушая свои священные книги, доверялись не значению буквы, но устремляли свое внимание к тем святым пророчествам, которые скрыты за ними и которые возвещают могущественного Господа и Спасителя Иисуса Христа. И хотя они все еще ошибаются и не принимают истинного учения, предаваясь бессмысленным толкованиям, мы, зная, что они не согласны между собой, не позволили продолжаться этому разногласию без вмешательства с нашей стороны. Из их собственных жалоб, которые были переданы нам, мы установили, что только некоторые [из иудеев] говорят на еврейском языке и желают использовать его для чтения священных книг и что остальные считают, что должен быть добавлен греческий перевод и что они длительное время спорят об этом. Вникнув в существо дела, мы выносим решение в пользу тех, которые желают для чтения Священного Писания также пользоваться греческим или любым другим языком, который в любой местности позволяет слушателям лучше понимать написанное».

Из последующих статей новеллы становится ясно, что одним из ключевых вопросов, вызывающих споры, является деятельность переводчиков-интерпретаторов, которые извращают текст Писания, пользуясь непониманием оригинального языка со стороны большинства:

«Ст. 1. Таким образом, мы постановляем, чтобы повсюду, где имеется еврейская община, те, кто желает этого, могли в своих синагогах

¹ Цит. по английскому переводу: *Parkes J. The Conflict of the Church and the Synagogue: A Study in the Origins of Antisemitism. New York: JPS, 1934. P. 392–393.*

читать священные книги тем, кто присутствует, на греческом языке, или латинском, или на любом другом языке. Чтобы, поскольку язык различен в разных местностях и чтение на нем различно, все присутствующие могли понимать, жить и действовать в соответствии с тем, что они слышат. Таким образом, не будет возможности для переводчиков, которые настаивают на использовании только еврейского языка, извращать его как им вздумается, поскольку их недобросовестность скрывается из-за незнания [языка] присутствующим народом».

В новелле устанавливается определенная градация переводов, с точки зрения христианского императора: «Мы постановляем, что те, кто использует греческий, должны использовать текст семидесяти толковников, который является самым точным переводом, получившим наивысшее одобрение, поскольку случилось так, что переводчики, разделенные на две группы и работая в разных местах, все произвели один и тот же текст. <...> По преимуществу им следует использовать Септуагинту, но, чтобы не оказалось так, что мы запрещаем все остальные тексты, мы дозволяем использование перевода Аквилы, хотя он был не из их народа и его перевод значительно отличается от Септуагинты».

Борьба с произвольными переводами и толкованиями Закона в синагогальной практике выражается в том, что запрету подвергается сама Мишна как собрание неверных и небожественных толкований Писания: «Но Мишну, или, как они называют ее, вторую традицию, мы полностью запрещаем, поскольку она не входит в состав священных книг и не была передана по божественному вдохновению через пророков, но является творением рук людей, говоря только о земных вещах и не имея в себе ничего божественного. Пусть они читают непосредственно священные словеса, обходясь без комментариев и не искажая того, что говорится в священных писаниях».

Несмотря на идеологический и политический смысл указа христианского императора, желающего убедить и образумить евреев относительно Истинного Мессии, в тексте новеллы присутствует уверенность в том, что связанный текст, созданный квалифицированными переводчиками, лучше, чем практика отрывочных выборочных переводов, которыми сопровождали чтение Писания немногочисленные знатоки еврейского языка и которые страдали произвольностью интерпретаций; чтение перевода вместо «бессмысленных толкова-

ний» как раз и должно было способствовать, по мысли императора, распространению веры в Иисуса Христа среди иудеев. Кроме того, почитаемый в талмудическую эпоху среди иудеев (преимущественно перед LXX) перевод Аквилы, как и другие переводы, не подвергается запрещению, что говорит об искреннем намерении императора заставить иудеев обратиться к Писанию вне ошибочных толкований (Мишна как раз и дает простор произволу и недобросовестности переводчиков-толкователей).

Практика чтения Писания в иудейской общине времени Юстиниана, судя по тексту новеллы, свидетельствует, что на грекоязычных территориях чтение оригинального текста Писания, лишенное необходимого понимания, вызывало отторжение в самой иудейской среде. Переводы (в виде устного толкования или в виде зачитываемого текста) в любом случае были неотъемлемой частью синагогальной литургии.

Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: понимание текста

Столь же выраженная необходимость понимания текста, безусловно, присутствовала и в грекоязычной синагоге доталмудического периода (до III в. н. э.). Однако на доталмудическую практику еще не распространялись те ограничения, которые были вызваны впоследствии недоверием к грекоязычной среде, взрастившей в себе христианство. Поэтому в грекоязычной синагоге времени Иисуса Христа чтение греческого текста (к которому многим позднее возвращает новелла 146), по всей видимости, было общепринятым (ввиду наличия переводов, общественного запроса, традиции изучения, на фоне повсеместной практики чтения Писания).

Вместе с осуждением LXX и появлением новых греческих переводов во II в. (Аквилы, Теодотиона, Симмаха) иудейскими духовными авторитетами могли быть введены и санкции, касающиеся чтения грекоязычных переводов в диаспоральных синагогах. Это искусственное положение (запрет зачитывать переведенный текст Писания, а вместо этого толковать его всякий раз заново при имеющихся переводах) впоследствии потребовало вмешательства Юстиниана и издания новеллы, разрешающей принятую ранее практику зачитывания греческого текста.

Косвенным подтверждением того, что в грекоязычных синагогах был принят греческий текст (параллельно или даже вместо древнееврейского), служит запрет талмудистов пользоваться при публичном чтении письменным текстом таргума, хотя его было позволено записывать для личных нужд. Впрочем, согласно тому же источнику, в талмудическую эпоху (начиная с III в.) таргум читался после каждого стиха Торы и после каждого третьего стиха Гафтарты (Мишна, Мегила, 4: 4–10; Мегила, 23б–25б; Тосефта, Мегила, 4:20–41). Кроме того, Таргум упоминается как предмет изучения наряду с Танахом и Мишной (Сифрей, Дварим, 161). Иными словами, непонимаемый оригинальный текст Писания требовал дополнительных способов, обеспечивающих понимание, как на территории Палестины, так и, безусловно, в диаспоре. Эти переводы в той или иной форме широко использовались и были наиболее распространенным способом понять сказанное в Писании.

Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: таргумы

Кроме того, еще одним косвенным подтверждением общепринятой практики использования перевода является факт существования в доталмудический период арамейских таргумов, параллельных по технике LXX. Кумранские находки подтверждают существование арамейских подстрочников: «Лингвистическая ситуация в Иудее и Галилее требовала перевода Еврейской библии на арамейский, в целях общего использования и богослужения среди большинства иудеев. Хотя фрагменты книг Левит и Иова, найденные в Кумране, являются таргумами в техническом смысле, то есть они представляют собой переводы, однако они не репрезентативны для жанра таргумов в точном смысле слова. Они представляют собой в разумной мере дословную передачу (reasonably «literal» renderings). В них присутствует формальное соответствие между передаваемым еврейским и целевым арамейским, при этом программатическая установка на интерпретацию отсутствует. Таргумы, которые позднее возникают в раввинистическом иудаизме, имеют иной характер»¹.

¹ См.: *Chilton B.* Genesis in Aramaic: The Example of Chapter 22 // Supplement to *Vetus Testamentum* [152]: The Book of Genesis. Composition, Reception and Interpretation. Leiden, Brill. 2012. P. 495–518.

Параллельность арамеоязычной и грекоязычной практик фактически свидетельствует о равноправии палестинской и диаспоральной общин по отношению к тексту Писания. Ущемление диаспоры в моральном праве на текст возникает после появления «ереси» христианства и осознается во II–III вв. н. э. До этого времени LXX, одобряемая всем иудейским миром (в том числе палестинской его частью), исполняла те же функции, что и арамейские переводы, с поправкой на то, что дистанция между арамейским и древнееврейским была все же меньше, чем между греческим и древнееврейским. В условиях диаспоры эта дистанция делала обладание самостоятельным и полноценным текстом Писания гораздо более насущным.

Функционирование LXX в диаспоральной синагоге: сходства и различия с переводом Аквилы

Кроме того, для понимания особенностей функционирования LXX многое дает уже упомянутый перевод Аквилы (II в. н. э.), частично заместивший в иудейских кругах ее текст после возникшего недовольства со стороны более консервативного (палестинского) иудаизма.

Деятельность Аквилы (в прошлом язычника и христианина, а затем иудейского прозелита) по созданию нового перевода, безусловно, связана с необходимостью преодолеть опасности христианских толкований, очевидным образом проявивших себя ко II в. н. э. Так, переводчик оставляет тетраграмму יהוה без перевода и без изменения графической формы (в LXX обычно Κύριος), переводит משיח («помазанник») посредством Ἡλειμμένος (вместо Χριστός в LXX), מלכהללית посредством ἡ νεανίς — «молодая женщина» (вместо παρθένος — «дева») и др.

Однако гораздо более интересна сама техника создания греческого подстрочника, пригодного более чем LXX для иудейской практики пословного толкования священного текста.

Как известно, учитель Аквилы рабби Акиба (как и другие его единомышленники таннаи), по свидетельству Талмуда (Берешит рабба, I; ср. Киддушин 57а и параллельные места), подвергал индивидуальному истолкованию все формальные элементы Писания, вплоть до частиц ו, וְ, וְ, וְ и др., которыми в числе прочих слов говорил священный текст. В этом ключе Аквила реализовал программатический подход,

оправданный вполне «логичной» языковой установкой искать смысл в каждом отдельно взятом элементе смыслодержающего материала (нужно заметить, что чем более непонятен для толкователя текст, тем большую нагруженность смыслами может приобретать каждый отдельно взятый участок, лишенный связи с целостным коммуникативным действием). Результат работы Аквилы прекрасно иллюстрирует тот предосудительный способ обращения с оригинальным текстом Писания, который имела в виду приведенная новелла 146 Юстиниана («бессмысленные толкования», внимание к букве, «недобросовестность переводчика, который пользуется незнанием языка большинством»). В рамках установки на точность перевод Аквилы настолько внимателен к форме, что сама последовательность актуальных коммуникативных действий, присутствующая в тексте, зачастую отодвигается на второй план, разрушается в пользу отдельного элемента, погружая самого толкователя и его аудиторию в полу- или невразумительность и обеспечивая, таким образом, простор для произвольных необходимых толкователю интерпретаций. При этом замечу, что Аквила исходил из обоснованного очевидностью «языкового» принципа «знак—значение»: «если в тексте есть предметный знак, он что-то определенное значит; если знаки единообразны, они означают что-то одно». Священность текста покрывала собой неразбериху, возникшую из смешения грамматических и содержательных (все же неизбежных) параметров текста.

Так, Аквила, следуя своей программатической установке, теснившей смысловой компонент, передавал заведомо неперебиваемые элементы еврейского источника, в результате чего в самом начале книги Бытия (1: 1), на месте וְהָאֵרֶץ הָאֲדָמָה וְהַיָּם וְהָאֲרָצוֹת וְהָאֲנָחַר וְהָאֲרָצוֹת וְהָאֲנָחַר וְהָאֲרָצוֹת появляется по-гречески бессмысленное σὺν τὸν οὐρανὸν καὶ σὺν τῇ γῆν, возникшее вследствие графического (и, возможно, фонетического) единообразия передаваемого слова וְ (которое одновременно является показателем объектного отношения и предлогом «вместе, с»). Интересно, что Аквила, будучи человеком высокообразованным, грекоязычным по происхождению, основательно знакомым с классическими авторами (в том числе Гомером и Геродотом)¹, не мог не осознавать, что нормализованное греческое употребление предлога σὺν («вместе, с») тре-

¹ См.: Prolegomena // Origenis Hexaplorum quae supersunt /Ed. Fridericus Field. Oxonii, 1875. XXIII sq.

бует дательного падежа, на месте которого в тексте «перевода» он тем не менее употребляет винительный (продиктованный управлением предшествующего глагола «создавать»). Структурно-грамматическая интерпретация здесь заставляет предполагать, что предлог и идущее за ним существительное вообще не связаны или что предлог имеет какое-то особое значение, представляет собой *hapaх legomenon* и пр. Однако этот вопиющий грамматический нонсенс несколько не смущал самого переводчика, поскольку в строгом смысле Аквила не переводил, а транслировал слова Писания, каждое из которых, представленное в священном тексте, имело свой смысл.

Подобным образом единообразным греческим καὶ передается у Аквилы еврейское ו (союз «и, а, но» и т. п.) во всех случаях появления в тексте, а греческое καὶ γὰρ соответствует еврейскому כִּי. Поэтому в случаях כִּי появляется καὶ καὶ γὰρ. В случае לַמָּחָר («следующее») появляется τῷ λέγειν «к сказыванию» (из ל — «для, к» и מִן — «говорить»), а עַל־פְּנֵי («когда-то») передается εἰς πρόσωπα — «к лицам» (из того же ל — «для, к» и פְּנֵי — «лицо»).

Можно быть уверенным, что для этих и подобных мест у Аквилы были свои интерпретации. Иначе данную практику перевода невозможно вписать ни в какие критерии разумности никакими структурно-грамматическими методами.

Заметная здесь концептуальная подоплека Аквилы, стоящая за данной практикой перевода, как раз и составляет аутентичную систему координат, которая необходима для понимания коммуникативных действий иудейского переводчика. По всей видимости, для установления значимых параметров такого способа «перевода» недостаточно грамматического «языка», который, очевидно, был не единственным ориентиром Аквилы. В этом случае лингвистическая теория с очевидностью вынуждена обратиться к дискурсу (мыслимой коммуникативной ситуации) и дискурсивной парадигме анализа естественной коммуникации как гораздо более обширной и всеобъемлющей объяснительной теории, из которой «язык» был некогда искусственно и неправоммерно выделен. Опыт Аквилы, как и любого другого автора, обнаруживает и подчеркивает коммуникативные, а не «языковые» императивы деятельности коммуниканта, в которую вербальный элемент включен как одна из составляющих.

Характерно, что, несмотря на всю свою языковую странность, текст Аквилы, по свидетельству Оригена (*Epistula ad Africanum*, 2)

и судя по находкам в каирской генизе (синагогальное хранилище вышедших из употребления рукописей, не ранее VI в. н. э.), а также по свидетельству приведенной Юстиниановой новеллы, пользовался большим доверием у грекоязычных евреев, которые, по-видимому, в талмудическую эпоху уже предпочитали его LXX.

Наоборот, с точки зрения профана, не посвященного в специальные отношения иудеев с Писанием и соответствующие лингвистические практики, дословные переводческие опыты Аквилы выглядят странными. Так, тот же Иероним подверг насмешкам аквиловский вариант Быт 1: 1 (см. *Epistula 57, ad Pommachium*, 11). Однако следует признать, что с коммуникативной точки зрения такая стратегия перевода не менее абсурдна, чем любая иная филологическая практика (исследование, перевод, лингводидактика), в которой анализ актуальных коммуникативных актов сводится к исследованию мнимо самозначных предметных единиц, которые входят в его состав и считаются слагаемыми общей суммы.

Иными словами, опыт Аквилы представляет собой более откровенное, чем LXX, признание отстраненности и своеобычности иудейского отношения к Писанию, к самой практике использования священного текста. Как ни странно, в аутентичной системе оценок, скорректированных фактором христианства, LXX оказалась слишком вписанной в грекоязычную среду и потому потребовала замены на новые варианты, из которых самым востребованным у грекоязычных иудеев оказался наиболее дословный и неудобочитаемый текст Аквилы.

В свою очередь тексту LXX в прежней, доталмудической, системе культурно-исторических и лингвистических координат удалось пройти по грани между точностью и греческой идиоматичностью, исполняя каждое из этих условий лишь отчасти. Как и в случае Аквилы, фактор синагогального использования существенно меняет отношение интерпретатора к тексту LXX, который был вызван лингвистической практикой синагоги как целевой причиной.

Единство и вариативность новозаветного вербального материала

Возвращаясь к НЗ, нужно отметить, что в условиях особой ситуации коммуникации, сложившейся в синагогальном и индивидуальном изучении Писания в грекоязычном иудаизме доталмудического

периода, текст LXX (искусственный с точки зрения греческих критериев текстуальности) сформировал в иудейской среде особый строй коммуникации, предоставив модели для письменного нарратива и дискурсива пророческого содержания.

Так, в текстах новозаветного круга, подобно LXX, для построения нарратива используются те же модели — соответствующие формы глаголов-сказуемых, эксплицитные подлежащие и текстовые координаторы KAI или DE.

ΤΑΒΛΙΤΑ 5

ΝΑΡΡΑΤΙΒΝΑ ΣΤΡΟΤΥΡΑ ΛΚ 1: 5–56 (СР. ΤΑΒΛ. 1)
(В ΤΑΒΛΙΤΕ ΠΡΕΔΑΒΛΕΝΗ ΝΑΧΑΛΗΝΑ ΜΕΡΗ ΠΡΟΤΙΘΕΝΕΙΩΝ)

№	Vss	Синтаксическая схема	Иерархия текста
1	Λκ 1: 5	VerbalForm - TimeR - SUexpl	Ἐγένετο ἐν ταῖς ἡμέραις Ἡρώδου βασιλέως... ἱερεὺς τις ὀνόματι Ζαχαρίας ... καὶ γυνὴ αὐτοῦ
2	Λκ 1: 6	ΔΕ-VerbalForm-0	ἦσαν δὲ δίκαιοι
3	Λκ 1: 7	KAI-OUK-VerbalForm-SUexpl	καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον
4	Λκ 1: 7	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ ἀμφοτέροι προβεβηκότες ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῶν ἦσαν
5	Λκ 1: 8	ΔΕ-EGENETO-TimeR-VerbalForm-0	Ἐγένετο δὲ ἐν τῷ ἱερατεύειν αὐτὸν... ἔλαχε τοῦ θυμιάσαι εἰσελθὼν εἰς τὸν ναὸν τοῦ κυρίου,
6	Λκ 1: 10	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ πᾶν τὸ πλῆθος ἦν τοῦ λαοῦ προσευχόμενον ἕξω
7	Λκ 1: 11	ΔΕ-VerbalForm-SUexpl	ᾤφθη δὲ αὐτῷ ἄγγελος κυρίου ἐστῶς
8	Λκ 1: 12	KAI-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἐταράχθη Ζαχαρίας ἰδὼν
9	Λκ 1: 12	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ φόβος ἐπέπεσεν ἐπ’ αὐτόν
10	Λκ 1: 13	ΔΕ-VerbalForm-SUexpl	εἶπεν δὲ πρὸς αὐτὸν ὁ ἄγγελος
11	Λκ 1: 18	KAI-VerbalForm-SUexpl	καὶ εἶπεν Ζαχαρίας πρὸς τὸν ἄγγελον
12	Λκ 1: 19	KAI-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἄγγελος εἶπεν αὐτῷ
13	Λκ 1: 21	KAI-VerbalForm-SUexpl	Καὶ ἦν ὁ λαὸς προσδοκῶν τὸν Ζαχαρίαν
14	Λκ 1: 21	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἐθαύμαζον ἐν τῷ χρονίζειν ἐν τῷ ναῷ αὐτόν
15	Λκ 1: 22	ΔΕ-VerbalForm-0	ἔξελθὼν δὲ οὐκ ἐδύνατο λαλῆσαι αὐτοῖς

№	Vss	Синтаксическая схема	Иерархия текста
16	Λκ 1: 22	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἐπέγνωσαν
17	Λκ 1: 22	KAI-SUexp-VerbalForm	καὶ αὐτὸς ἦν διανεύων αὐτοῖς
18	Λκ 1: 22	KAI-VerbalForm-0	καὶ διέμενον κωφός
19	Λκ 1: 23	KAI-EGENETO-TimeR-	καὶ ἐγένετο ὡς ἐπλήσθησαν αἱ ἡμέραι τῆς λειτουργίας αὐτοῦ
20	Λκ 1: 23	-VerbalForm-0	ἀπῆλθεν
21	Λκ 1: 24	ΔΕ-TimeR-VerbalForm-SUexpl	Μετὰ δὲ ταύτας τὰς ἡμέρας συνέλαβεν Ἐλισάβετ ἡ γυνὴ αὐτοῦ
22	Λκ 1: 24	KAI-VerbalForm-0	καὶ περιέκρυβεν ἑαυτὴν μῆνας πέντε λέγουσα
23	Λκ 1: 26	ΔΕ-TimeR-VerbalForm-SUexpl	Ἐν δὲ τῷ μηνὶ τῷ ἕκτῳ ἀπεστάλη ὁ ἄγγελος Γαβριὴλ ἀπὸ τοῦ θεοῦ εἰς πόλιν τῆς Γαλιλαίας ἣ ὄνομα Ναζαρέθ
24	Λκ 1: 28	KAI-VerbalForm-0	καὶ εἰσελθὼν πρὸς αὐτὴν εἶπεν
25	Λκ 1: 29	ΔΕ-SUexp-VerbalForm	ἡ δὲ ἐπὶ τῷ λόγῳ διεταράχθη
26	Λκ 1: 29	KAI-VerbalForm-0	καὶ διελογίζετο
27	Λκ 1: 30	KAI-VerbalForm-SUexpl	καὶ εἶπεν ὁ ἄγγελος
28	Λκ 1: 34	ΔΕ-VerbalForm-SUexpl	εἶπεν δὲ Μαριάμ
29	Λκ 1: 35	KAI-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἄγγελος εἶπεν αὐτῇ
30	Λκ 1: 38	ΔΕ-VerbalForm-SUexpl	εἶπεν δὲ Μαριάμ
31	Λκ 1: 38	KAI-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἀπῆλθεν ἀπ’ αὐτῆς ὁ ἄγγελος.
32	Λκ 1: 39	ΔΕ-VerbalForm-SUexpl	Ἀναστάσα δὲ Μαριάμ ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις ἐπορεύθη
33	Λκ 1: 40	KAI-VerbalForm-0	καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν οἶκον Ζαχαρίου
34	Λκ 1: 40	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἠσπάσατο τὴν Ἐλισάβετ
35	Λκ 1: 41	KAI-EGENETO-TimeR-	καὶ ἐγένετο ὡς ἤκουσεν τὸν ἀσπασμὸν τῆς Μαρίας ἡ Ἐλισάβετ
36	Λκ 1: 41	(KAI)-VerbalForm-SUexpl	ἐσκίρτησεν τὸ βρέφος...

№	Vss	Синтаксическая схема	Иерархия текста
37	Лк 1: 41	KAI-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἐπλήσθη πνεύματος ἁγίου ἡ Ἐλισάβετ
38	Лк 1: 42	KAI-VerbalForm-0	καὶ ἀνεφώνησεν...
39	Лк 1: 42	KAI-VerbalForm-0	καὶ εἶπεν
40	Лк 1: 46	KAI-VerbalForm-SUexpl	Καὶ εἶπεν Μαριάμ...
41	Лк 1: 56	ΔΕ-VerbalForm-SUexpl	Ἐμεινεν δὲ Μαριάμ σὺν αὐτῇ...
42	Лк 1: 56	KAI-VerbalForm-0	καὶ ὑπέστρεψεν

ТАБЛИЦА 6

НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА МК 1: 1–45 (СР. ТАБЛ. 2)
(В ТАБЛИЦЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НАЧАЛЬНЫЕ ЧАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ)

№	Vs	Синтаксическая схема	Иерархия текста
1	Μκ 1: 1	Verbless	Ἄρχη τοῦ εὐαγγελίου Ἰησοῦ Χριστοῦ [υἱοῦ θεοῦ].
2	Μκ 1: 2 Μκ 1: 4	(καθώς-clause) -Aorist-SUexpl	Καθὼς γέγραπται... ἐγένετο Ἰωάννης [ὁ] βαπτίζων... καὶ κηρύσσω βάπτισμα...
3	Μκ 1: 5	KAI-Imperfect-SUexpl	καὶ ἐξεπορεύετο πρὸς αὐτὸν πάσα ἡ Ἰουδαία χώρα καὶ οἱ Ἱεροσολυμίται πάντες,
4		KAI-Imperfect-0	καὶ ἐβαπτίζοντο...
5	Μκ 1: 6	KAI-Imperfect-SUexpl	καὶ ἦν ὁ Ἰωάννης ἐνδεδυμένος τρίχας καμήλου... καὶ ἐσθίων ἀκρίδας...
6	Μκ 1: 7	KAI-Imperfect-0	Καὶ ἐκήρυσσεν λέγων...
7	Μκ 1: 9	KAI-εγενετο-TimeR-Aorist-SUexpl	Καὶ ἐγένετο ἐν ἐκείναις ταῖς ἡμέραις ἦλθεν Ἰησοῦς...
8		KAI-Aorist-0	καὶ ἐβαπτίσθη
9	Μκ 1: 10	KAI-ΕΥΘΥΣ-Aorist-0	καὶ εὐθύς ἀναβαίνων ἐκ τοῦ ὕδατος εἶδεν...
10	Μκ 1: 11	KAI-SUexpl-Aorist	καὶ φωνὴ ἐγένετο
11	Μκ 1: 12	KAI-ΕΥΘΥΣ-SUexpl-Aorist	Καὶ εὐθύς τὸ πνεῦμα αὐτὸν ἐκβάλλει εἰς τὴν ἔρημον

№	Vs	Синтаксическая схема	Иерархия текста
12	Μκ 1: 13	KAI-Imperfect-0	καὶ ἦν ἐν τῇ ἐρήμῳ πειραζόμενος...
13		KAI-Imperfect-0	καὶ ἦν μετὰ τῶν θηρίων...
14		KAI-SUexpl-Aorist	καὶ οἱ ἄγγελοι διηκόνουν αὐτῷ
15	Μκ 1: 14	ΔΕ-TimeR-Aorist-SUexpl	Μετὰ δὲ τὸ παραδοθῆναι τὸν Ἰωάννην ἦλθεν ὁ Ἰησοῦς... κηρύσσω τὸ εὐαγγέλιον τοῦ θεοῦ
16	Μκ 1: 16	KAI-Aorist-0	Καὶ παράγω παρὰ τὴν θάλασσαν τῆς Γαλιλαίας εἶδεν...
17	Μκ 1: 17	KAI-Aorist-SUexpl	καὶ εἶπεν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς:
18	Μκ 1: 18	KAI-ΕΥΘΥΣ-Aorist-0	καὶ εὐθύς ἀφέντες τὰ δίκτυα ἠκολούθησαν αὐτῷ
19	Μκ 1: 19	KAI-Aorist-0	Καὶ προβάς ὀλίγον εἶδεν...
20	Μκ 1: 20	KAI-ΕΥΘΥΣ-Aorist-0	καὶ εὐθύς ἐκάλεσεν αὐτούς.
21		KAI-Aorist-0	καὶ ἀφέντες τὸν πατέρα... ἀπῆλθον ὀπίσω αὐτοῦ
22	Μκ 1: 21	KAI-PresensHist-0	Καὶ εἰσπορεύονται εἰς Καφαρναούμ
23		KAI-ΕΥΘΥΣ-X-Aorist-0	καὶ εὐθύς τοῖς σάββασιν εἰσελθὼν εἰς τὴν συναγωγὴν ἦν ἐδίδασκεν
24	Μκ 1: 22	KAI-Imperfect-0	καὶ ἐξεπλήσσαντο ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ...
25	Μκ 1: 23	KAI-ΕΥΘΥΣ-Imperfect-SUexpl	Καὶ εὐθύς ἦν ἐν τῇ συναγωγῇ αὐτῶν ἄνθρωπος ἐν πνεύματι ἀκαθάρτῳ
26	Μκ 1: 24	KAI-Aorist-0	καὶ ἀνέκραξεν λέγων...
27	Μκ 1: 25	KAI-Aorist-SUexpl	καὶ ἐπετίμησεν αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς λέγων...
28	Μκ 1: 26	KAI-Aorist-SUexpl	καὶ σπαράξαν αὐτὸν τὸ πνεῦμα... καὶ φωνήσαν... ἐξηλθεν ἐξ αὐτοῦ
29	Μκ 1: 27	KAI-Aorist-SUexpl	καὶ ἐθαμβήθησαν ἅπαντες
30	Μκ 1: 28	KAI-Aorist-SUexpl	καὶ ἐξηλθεν ἡ ἀκοή
31	Μκ 1: 29	KAI-ΕΥΘΥΣ-X-Aorist-0	Καὶ εὐθύς ἐκ τῆς συναγωγῆς ἐξελθόντες ἦλθον εἰς τὴν οἰκίαν Σίμωνος

№	Vs	Синтаксическая схема	Иерархия текста
32	Μκ 1: 30	ΔΕ-SUexpl -Imperfect	ἡ δὲ πενθερὰ Σίμωνος <u>κατέκειτο</u> πυρέσσουσα
33		ΚΑΙ-ΕΥΘΥΣ- -PresensHist-0	<u>καὶ εὐθύς</u> <u>λέγουσιν</u> αὐτῷ περὶ αὐτῆς.
34	Μκ 1: 31	ΚΑΙ-Aorist-0	<u>καὶ προσελθὼν</u> ἤγειρεν αὐτήν...
35		ΚΑΙ-Aorist-SUexpl	<u>καὶ ἀφῆκεν</u> αὐτήν ὁ πυρετός.
36	Μκ 1: 32	ΔΕ-SUexpl-Aorist	Ἐπίσης δὲ <u>γενομένης</u> ,
37		Imperfect-0(Impers.)	<u>ἔφερον</u> πρὸς αὐτὸν πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας
38	Μκ 1: 33	ΚΑΙ-VerbalForm- SUexpl	<u>καὶ ἦν</u> ὅλη ἡ πόλις ἐπισυνηγμένη πρὸς τὴν θύραν
39	Μκ 1: 34	ΚΑΙ-Aorist-0	<u>καὶ ἐθεράπευσε</u> πολλοὺς κακῶς ἔχοντας...
40		ΚΑΙ-Χ-Aorist	<u>καὶ δαιμόνια</u> πολλὰ <u>ἐξέβαλεν</u> .
41		ΚΑΙ-ΟΥΚ-Imperfect-0	<u>καὶ οὐκ ἦφιεν</u> λαλεῖν τὰ δαιμόνια
42	Μκ 1: 35	ΚΑΙ-TimeR-Aorist-0	<u>Καὶ</u> πρῶτ' ἔβηκεν εἰς τὴν ἀναστάσις ἐξῆλθεν
43		ΚΑΙ-Aorist-0	<u>καὶ ἀπῆλθεν</u> εἰς ἔρημον τόπον
44		ΚΑΙ-PlaceR- Imperfect-0	<u>κακεῖ προσήχετο</u>
45	Μκ 1: 36	ΚΑΙ-Aorist-SUexpl	<u>καὶ κατεδίωξεν</u> αὐτὸν Σίμων καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ
46	Μκ 1: 37	ΚΑΙ-Aorist-0	<u>καὶ εὗρον</u> αὐτὸν
47		ΚΑΙ-PresensHist-0	<u>καὶ λέγουσιν</u> αὐτῷ...
48	Μκ 1: 38	ΚΑΙ-PresensHist-0	<u>καὶ λέγει</u> αὐτοῖς...
49	Μκ 1: 39	ΚΑΙ-Aorist-0	<u>Καὶ ἦλθεν</u> κηρύσσειν εἰς τὰς συναγωγὰς...
50	Μκ 1: 40	ΚΑΙ-PresensHist- SUexpl	<u>Καὶ ἔρχεται</u> πρὸς αὐτὸν λεπρός...
51	Μκ 1: 41	ΚΑΙ-Aorist-0	<u>καὶ σπλαγχισθεὶς</u> ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἤψατο
52		ΚΑΙ-PresensHist-0	<u>καὶ λέγει</u> αὐτῷ.
53	Μκ 1: 42	ΚΑΙ-ΕΥΘΥΣ- -Aorist-SUexpl	<u>καὶ εὐθύς</u> <u>ἀπῆλθεν</u> ἀπ' αὐτοῦ ἡ λέπρα
54		ΚΑΙ-Aorist-0	<u>καὶ ἐκαθαρίσθη</u>

№	Vs	Синтаксическая схема	Иерархия текста
55	Μκ 1: 43	ΚΑΙ-ΕΥΘΥΣ- -Aorist-0	<u>καὶ ἐμβρομησάμενος</u> αὐτῷ <u>εὐθύς</u> ἐξέβαλεν αὐτόν
56	Μκ 1: 44	ΚΑΙ-PresensHist-0	<u>καὶ λέγει</u> αὐτῷ.
57	Μκ 1: 45	ΔΕ-SUexpl-Aorist	ὁ δὲ <u>ἐξελλῶν</u> ἤρξατο κηρύσσειν πολλα
58		ΚΑΙ-Imperfect-0 (Impers.)	<u>καὶ ἤρχοντο</u> πρὸς αὐτὸν πάντοθεν

ΤΑΒΛΙΤΣΑ 7

ΟΒΓΑΝΗ ΣΧΕΜΑ ΣΤΡΟΝΗΝ ΟΥΚΡ. 8: 1–11 (СР. ΤΑΒΛ. 3)
(В ΤΑΒΛΙΤΣΕ ΠΡΕΔСТАВЛЕНЫ НАЧАЛЬНЫЕ ЧАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ)

№	Vss	Синтаксическая схема	Иерархия текста
1	Откр 8: 1	ΚΑΙ-TimeR-VerbalForm- SUexpl	<u>Καὶ</u> ὅταν... ἐγένετο σιγή ἐν τῷ οὐρανῷ ὡς ἡμῶριον
2	Откр 8: 2	ΚΑΙ-VerbalForm(1)	<u>Καὶ</u> εἶδον τοὺς ἑπτὰ ἀγγέλους
3		ΚΑΙ-VerbalForm-SUexpl	<u>καὶ</u> ἐδόθησαν αὐτοῖς ἑπτὰ σάλπιγγες.
4	Откр 8: 3	ΚΑΙ-SUexp-VerbalForm	<u>Καὶ</u> ἄλλος ἄγγελος ἦλθεν
5		ΚΑΙ-VerbalForm-0	<u>καὶ</u> ἐστάθη ἐπὶ τοῦ θυσιαστηρίου
6		ΚΑΙ-VerbalForm-SUexpl	<u>καὶ</u> ἐδόθη αὐτῷ θυμιάματα πολλὰ.
7	Откр 8: 4	ΚΑΙ-VerbalForm-SUexpl	<u>καὶ</u> ἀνέβη ὁ καπνὸς τῶν θυμιαμάτων...
8	Откр 8: 5	ΚΑΙ-VerbalForm-SUexpl	<u>καὶ</u> εἶληφεν ὁ ἄγγελος τὸν λιβανωτὸν
9		ΚΑΙ-VerbalForm-0	<u>καὶ</u> ἐγέμισεν αὐτὸν ἐκ τοῦ πυρὸς τοῦ θυσιαστηρίου
10		ΚΑΙ-VerbalForm-0	<u>καὶ</u> ἔβαλεν εἰς τὴν γῆν
11		ΚΑΙ-VerbalForm-SUexpl	<u>καὶ</u> ἐγένοντο βρονταὶ καὶ φωναὶ καὶ ἀστραπαὶ καὶ σεισμός
12	Откр 8: 6	ΚΑΙ-SUexp-VerbalForm	<u>Καὶ</u> οἱ ἑπτὰ ἄγγελοι οἱ ἔχοντες τὰς ἑπτὰ σάλπιγγας ἠτοίμασαν αὐτοὺς...
13	Откр 8: 7	ΚΑΙ-SUexp-VerbalForm	<u>Καὶ</u> ὁ πρῶτος ἐσάλπισεν
14		ΚΑΙ-VerbalForm-SUexpl	<u>καὶ</u> ἐγένετο χάλαζα καὶ πῦρ μεμιγμ ἓνα ἐν αἵματι

№	Vss	Синтаксическая схема	Иерархия текста
15		KA1-VerbalForm-0	καὶ ἐβλήθη εἰς τὴν γῆν
16		KA1-SUexpl-VerbalForm	καὶ τὸ τρίτον τῆς γῆς κατεκάη
17		KA1-SUexp-VerbalForm	καὶ τὸ τρίτον τῶν δένδρων κατεκάη
18		KA1-SUexp-VerbalForm	καὶ πᾶς χόρτος χλωρὸς κατεκάη.
19	Откр 8: 8	KA1-SUexp-VerbalForm	Καὶ ὁ δευτερος ἄγγελος ἐσάλπισεν
20		KA1-SUexp-VerbalForm	καὶ ὡς ὄρος μέγα πυρὶ καιόμενον ἐβλήθη εἰς τὴν θάλασσαν
21		KA1-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἐγένετο τὸ τρίτον τῆς θαλάσσης αἶμα
22	Откр 8: 9	KA1-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἀπέθανεν τὸ τρίτον τῶν κτισμάτων...
23		KA1-SUexp-VerbalForm	καὶ τὸ τρίτον τῶν πλοίων διεφθάρησαν
24	Откр 8: 10	KA1-SUexp-VerbalForm	Καὶ ὁ τρίτος ἄγγελος ἐσάλπισεν
25		KA1-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἔπεσεν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἀστὴρ μέγας καιόμενος ὡς λαμπάς
26		KA1-VerbalForm-0	καὶ ἔπεσεν ἐπὶ τὸ τρίτον τῶν ποταμῶν...
27	Откр 8: 11	KA1-SUexp-VerbalForm	καὶ τὸ ὄνομα τοῦ ἀστέρος λέγεται ὁ Ἄψιθος
28		KA1-VerbalForm-SUexpl	καὶ ἐγένετο τὸ τρίτον τῶν ὑδάτων εἰς ἄψιθον
29		KA1-SUexp-VerbalForm	καὶ πολλοὶ τῶν ἀνθρώπων ἀπέθανον ... ὑδάτων...

Как видно, использование текстовых координаторов варьируется так же, как и в LXX, и по этому признаку для новозаветных нарративных текстов можно составить похожую шкалу грекоподобия (см. табл. 8).(Так?)

ВАРИИРОВАНИЕ ГРЕКОПОДОБНОСТИ ПОСРЕДСТВО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧАСТИЦ ΚΑΙ И DE В НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТАХ НОВОЗАВЕТНОГО КОРПУСА

Критерии сравнения	Лк 1: 5–56 (см. табл. 5). Ср. Исх 1: 1–22	Мк 1: 1–45 (см. табл. 6). Ср. Быт 1: 1–3; 25	Откр 8: 1–11 (см. табл. 7). Ср. 4 Цар 9: 1–29
Различие	Частое использование частицы DE	Умеренное использование частицы DE, преимущественно ΚΑΙ	Почти исключительное использование частицы ΚΑΙ
Единство	– Порядок слов иудейского нарратива – Негреческая структура текста	– Порядок слов иудейского нарратива – Негреческая структура текста	– Порядок слов иудейского нарратива – Негреческая структура текста
Образ грекоподобного текста	<i>Более подобный аутентичному греческому, хотя и не вполне</i>	<i>Менее грекоподобный</i>	<i>Наименее грекоподобный</i>

Замечу, что на основании данного признака (использования ΚΑΙ и DE) можно проследить различную меру приближения к образу аутентично греческого текста. При этом бесспорно, что, несмотря на «приближение», во всех трех случаях (Лк 1: 5–56, Мк 1: 1–45 и Откр 8: 1–11) имеет место *неаутентичная греческая текстуальность* (та же, что возникла некогда из пословной передачи еврейского образа).

Негреческие конструкции: ΕΥΘΥΣ у Марка

В приведенных примерах, как и в отрывках LXX, присутствуют несколько «заведомо негреческих» употреблений синтаксических конструкций внутрифразового уровня (ср. обороты καὶ ἐγένετο ὡς и καὶ ἰδοὺ в LXX), которые также создают общий негреческий колорит. Так, автор Евангелия от Марка часто пользуется словом εὐθύς, делая это необычным для греческого нарратива способом (например, καὶ εὐθύς ἀναβαίνων ἐκ τοῦ ὕδατος εἶδεν «И вот, выходя из воды, увидел» — Мк 1: 10).

Употребление $\epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ у Марка провоцирует вопросы о причинах нетипичности его нарративной манеры. Однако в связи с парадигматической ролью LXX и приведенными наблюдениями о варьировании авторских предпочтений («нечетких множествах») данный вопрос не требует излишне про-грамматических рассуждений. Из контекстов Марка очевидно, что посредством этого синтаксического элемента автор фокусирует эпизоды (ср., например: $\kappa\alpha\iota\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\ \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\cdot\ \theta\acute{\epsilon}\lambda\omega,\ \kappa\alpha\theta\alpha\rho\acute{\iota}\sigma\theta\eta\tau\iota\cdot\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma\ \alpha\pi\eta\lambda\theta\epsilon\nu\ \alpha\pi'\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \eta\ \lambda\acute{\epsilon}\pi\pi\alpha,\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\kappa\alpha\theta\alpha\rho\acute{\iota}\sigma\theta\eta$ — Мк 1: 41–42). Как правило, у Марка $\epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ употребляется вместе с $\kappa\alpha\iota$ и стоит в начале предложения перед глагольной формой. В древнееврейском тексте функцию фокусирования эпизодов исполняет особый координатор וְ (*wahinneh*). В свою очередь, в LXX имеются несколько не столь многочисленных случаев передачи וְ посредством $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ (наряду с более частотным способом передачи этого маркера посредством $\kappa\alpha\iota\ \acute{\iota}\delta\omicron\upsilon$), — например: $\text{Οὗτος\ \acute{\epsilon}\xi\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\tau\alpha\iota\ \pi\rho\acute{\omicron}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma.\ \acute{\omega}\varsigma\ \delta\grave{\epsilon}\ \acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\upsilon\eta\gamma\alpha\gamma\epsilon\nu\ \tau\eta\nu\ \chi\epsilon\iota\rho\alpha,\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma\ \acute{\epsilon}\xi\eta\lambda\theta\epsilon\nu\ \acute{\omicron}\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\acute{\omicron}\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ — Быт 38: 28–29. Таким образом, автор второго Евангелия не изобретает нового (и не искажает какого-то имеющегося) способа организации своего текста, а избирает один из засвидетельствованных в LXX, который соответствует маркеру וְ . В своей системе лингвистических координат, употребляя $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma$, Марк не переходит на другой язык и не употребляет неправильного оборота. При этом большая, чем в LXX, частотность употребления $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ вместо $\kappa\alpha\iota\ \acute{\iota}\delta\omicron\upsilon$ имеет отношение к *стилю* и составляет *стилистическую* отличительную особенность Марка, не означая нарушения конституированной в LXX идиоматики. Следует заметить, что выражение $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma$, так же как $\kappa\alpha\iota\ \acute{\iota}\delta\omicron\upsilon$ и $\kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\tau\omicron$, не составляет отдельной синтаксической конструкции в классическом греческом. Присутствие этого оборота у Марка «оправдывается» только синтаксическими корреляциями между текстами Еврейской Библии, LXX и НЗ.

Вербальные клише нормализуются участниками коммуникативной практики

В этой ситуации ориентированность лингвистического рассуждения на «систему языка» непременно подскажет идею испорченности или неправильности (ибо в аутентичных греческих текстах такие употребления не засвидетельствованы, более того, именно такое по-

строение текста имеет место в заведомо «неправильном» тексте LXX). Однако здесь же стоит вспомнить, что правильные языковые системы сами по себе в реальности не представлены — в реальности имеют место разного рода сообщества коммуникантов, в которых считаются уместными и правильными те или иные языковые клише, и на основании узуса таких сообществ вторичный наблюдатель, констатируя уместность и правильность данных языковых моделей, строит «грамматику языка» данного сообщества.

Таким образом, рассуждения, имеющие отношение к языковой системе, теряют смысл ввиду обозначенного коммуникативного подхода к языковому материалу: языковые модели нормализуются участниками коммуникативной ситуации в актуальных практиках. Так, любое современное состояние языка является деформацией (искажением) некоего прежнего состояния «системы» того же «языка», однако в конечном счете современные участники языковой ситуации признают за актуальными (в конкретных ситуациях) вербальными моделями нормализованность и правильность. Санкция участников коммуникации получает затем отражение в описаниях «правильного» состояния «языковых систем» (словари, грамматика и др.). Ввиду этого в ситуации LXX приоритетным следует считать тот факт, что сообщество грекоговорящих диспоральных иудеев признавало за этим текстом определенный статус и видело в нем способность исполнять определенные коммуникативные функции. Другой «факт», или точнее, вопрос о том, что аутентичная греческая текстуальность в переводе Семидесяти нарушена, просто снимается как методологически некорректный: мнемотехническая схема «язык», высвечивающая «нарушения» в аутентичном материале, не может быть мерилем самодостаточной коммуникативной реальности, поскольку она возникает как более или менее успешная попытка систематизации той самой реальности.

Вербальный факт таков, каким он мыслится в комплексной аутентичной коммуникации

Как видно, переводчики (подлинники участники языковой ситуации) оставляют в недоумении исследователей, исповедующих структурно-языковой подход к вербальным фактам: текст LXX рождается как «испорченный» пословной техникой перевода, одна-

ко приемлемый для субъектов лингвистической ситуации. С одной стороны, нужно признать, что очевидно «испорченный механизм языковой системы» не мог эффективно «работать», и тогда текст следовало бы признать не способным исполнять свои коммуникативные функции. Но, с другой стороны, несмотря на очевидную «испорченность», LXX успешно функционировала в аутентичной среде и, более того, считалась в высшей степени культурно и религиозно значимой. Таким образом, субъекты лингвистической ситуации (то есть аутентичные участники и пользователи актуального вербального материала, чья переводческая деятельность у субъектов традиции считалась образцовой и священной — Филон, например, называл переводчиков не иначе как «иерофантами») одобряли то, что, с точки зрения последующих интерпретаторов, оказалось «плохим языком».

Как было показано, это недоумение возникает из априорно мыслимой оппозиции: «система языка» (явно нарушенная в переводе) vs аутентичное восприятие вербального материала (явно игнорирующее «правильный язык»).

Например, если исследователь ищет в грекоязычных библейских текстах подтверждения уже существующей структурно-грамматической схемы («системы языка»), то такой способ исследования закономерно ведет к умножению фактов, изобличающих нарушения греческой текстуальности (или греческой «языковой системы»). Библейские источники становятся все более «испорченными», пострадавшими от семитского влияния, незнания или забвения греческих правил построения текста и т. д. Подобная констатация заставляет либо попросту игнорировать вопрос, как возможен неправильный текст, либо истолковывать ситуацию создания текста в смысле, весьма невыгодном для его создателя (как, например, идея Рабина, что практика пословного перевода, использованная в LXX, восходит к деятельности устных бизнес-переводчиков в порту Александрии¹).

В свою очередь если исследуются разнообразие литературные аспекты поэтики (и, следовательно, аутентичного восприятия)

¹ См.: *Rabin Ch. The Translation Process and the Character of the Septuagint // Textus 6 (1968). P. 21.*

библейских текстов, то такой способ исследования обязывает полностью игнорировать вопрос о «неправильности языка» (в самом деле, возможно ли признать, что изучаемый литературный текст написан автором, не имевшим понятия, как правильно это делать).

Чтобы снять это недоумение и устранить противоречие («мнемотехническая схема» vs аутентичное восприятие вербального материала), необходимо, по-видимому, обратить внимание на то, что при выборе точки отсчета приоритет — несомненный и недвусмысленный — всегда следует отдавать субъекту лингвистической ситуации. Метафора «язык-инструмент», прочно обосновавшаяся в лингвистических исследованиях со времени Античности, не может иметь первостепенного значения, ввиду того что структурно-грамматический язык представляет собой теоретический конструкт, создаваемый для лингводидактических целей, в то время как подлинные участники изучаемых лингвистических ситуаций владеют коммуникативными клише непосредственно, не зная вторичную (возможно, еще и неудобоприменимую) мнемотехническую схему, но зная доподлинно, как, когда, в связи с чем произносить (или письменно воспроизводить) те или иные вербальные формулы.

В подлинном знании языка не участвуют грамматические схемы и осознанные правила, которые метафора «язык-инструмент» навязывает теории, заслоняя ими естественный коммуникативный процесс и не давая исследователю видеть подлинную лингвокультурную реальность. Пытаясь понять, любой интерпретатор пробирается к смыслу, используя вербальный материал как систему разметок. Понимаются в тождестве не слова, а многофакторные коммуникативные действия. В конечном счете «языковой» факт таков, каким он представляется аутентичному субъекту ситуации, оценивающему в целях смыслообразования обширный комплекс параметров ситуации, а не место данной единицы (данных единиц) в словесной системе. В смыслообразующем вербальном факте не может быть собственного «системного» значения, которое было бы независимым от данной ситуации коммуникативного действия, мыслимой аутентичным участником.

4.7. «Иудейский греческий» и современная практика создания церковнославянских литургических текстов

Иллюстративная аналогия: церковнославянские вербальные клише в современной русскоязычной ситуации

Для более адекватного представления текстов LXX и НЗ как лингвистической практики можно воспользоваться простой аналогией, позволяющей убедиться в том, что естественная лингвистическая ситуация в культурном социуме имеет намного более комплексный характер, чем та модель, которая создается объяснительными концепциями с использованием соссюрковского «языка». Речь идет о современной русскоязычной ситуации, очевидной и непосредственной, которую с некоторой долей условности можно уподобить эллинистической и которая обнаруживает вполне определенные черты для убедительной иллюстрации несоссюррианской концепции этих текстов.

По-видимому, непротиворечиво мыслить статус корпуса LXX и НЗ можно в том случае, если считать их представителями профетических письменных текстов грекоговорящей иудейской диаспоры, которые по многим признакам подобны образцам современной литургической практики РПЦ: тексты Славянской Библии читаются и цитируются, подобно текстам LXX в грекоязычной иудейской среде, во время синагогальных богослужений; в свою очередь, тексты новозаветного корпуса создавались подобно тому, как в настоящее время создаются новые тексты для православного богослужения (например, Тропарь новомученикам и исповедникам российским:

«Днесь радостно ликует Церковь Русская,
яко мати чада, прославляющи новомученики
и исповедники своя...»

или Кондак Соловецким новомученикам и исповедникам:
«Христовою любовью распаляеми, мученицы,
и Того крест на рамо вземше,
понесли есте, божественне претерпевающе лютость мук...»).

Новозаветный писатель и современный автор церковнославянского текста: черты сходства

Создавая эти и подобные им произведения, их современные авторы ориентируются на авторитетный образец, то есть на литургический библейский текст Славянской Библии (подобно тому как авторы НЗ видели перед собой в качестве образца текст LXX); русскоязычные авторы используют церковнославянские вербальные клише, которые не используются в повседневном общении (подобно тому как авторы НЗ использовали при написании традиционного нарратива — в случае Евангелий — септуагинтальные клише, отличные от обыденных); при этом авторы современных церковнославянских текстов пишут не для носителей обобщенного «русского языка», а для сообщества верующих, в котором приемлема и востребована данная лингвистическая практика (подобно тому как авторы НЗ обращались не к обобщенному греческому читателю, а к традиционной синагогальной аудитории); при этом следует отметить, что родным (разговорным, повседневным) «языком» современных авторов, очевидно, является не церковнославянский, а русский, на котором говорят их церковные и нецерковные современники-компатриоты (подобно тому как «родным языком» новозаветных авторов был тот вариант койнэ, или территориальный диалект, на котором говорило их окружение, в большинстве случаев также и языческое).

На основании текста, созданного современным русскоязычным автором по-церковнославянски, нельзя утверждать, что автор незнаком с фактами современной русскоязычной литературы. По крайней мере такой автор явно не преследовал цели стать участником современного русскоязычного литературного процесса, он исполнял другую задачу (подобно тому как новозаветный автор, создавая свой «не вполне греческий» текст, не свидетельствовал тем самым о своем незнании классических и современных для него греческих авторов, он «вписывал» свое сочинение в иную традицию, оснащая свой текст характерными для нее формальными и содержательными признаками). Ясно также и то, что современный автор церковнославянского текста ожидал адекватного отношения аудитории к своей «необычной» лингвистической деятельности, поскольку такое отношение предполагается самой практикой литургии в ее традиционных формах (подобно тому как автор НЗ обращался своим сочинением к

участникам синагогальных собраний, имеющих особые, сформированные LXX понятия о профетическом тексте).

Интересно заметить и то, что в церковнославянских текстах, созданных современным русскоязычным автором, кропотливый исследователь при желании может обнаружить значительное число греческих и арамейских интерференций (как в сфере синтаксиса, так и в сфере лексики), то есть мнимых следов «билингвального опыта» автора. Однако столь же очевидно и то, что для порождения таких «грецизмов» и «арамеизмов», то есть «ошибок» в каком-то славянском «языке», автору вовсе не потребовалось знание греческого и арамейского языков. Чтобы оснастить свой текст «грецизмами» и «арамеизмами», современному автору было достаточно использовать хорошо известные ему вербальные клише из славянского (или церковнославянского) Писания.

ТАБЛИЦА 9

СОПОСТАВЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ СОЗДАНИЯ ЛИТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ГРЕКОГОВОРЯЩИХ ИУДЕЙСКИХ ОБЩИНАХ (I–II вв. н. э.) И СОВРЕМЕННЫХ ОБЩИНАХ РПЦ

Критерии сопоставления		<i>Синагогальная практика создания текстов иудейской грекоговорящей диаспоры, I–II вв. н. э.</i>	<i>Современная практика создания текстов для литургии РПЦ</i>
1	<i>Целевая аудитория</i>	Грекоговорящие иудейские общины диаспоры	Русскоговорящие православные общины
2	<i>Традиция</i>	Синагогальная грекоязычная; чтение и изучение Закона	Церковная русскоязычная; православное богослужение
3	<i>Лингвистическая периферия создаваемых текстов</i>	Греческая (языческая) литературная традиция; язык повседневного общения	Современная русскоязычная литература; язык повседневного общения
4	<i>Источник вербальных клише</i>	Септуагинта (как парадигма для создания профетического текста)	Церковно-славянский текст Библии (как парадигма для создания литургического текста)

Критерии сопоставления		<i>Синагогальная практика создания текстов иудейской грекоговорящей диаспоры, I–II вв. н. э.</i>	<i>Современная практика создания текстов для литургии РПЦ</i>
5	<i>Древность и авторитет лингвистической практики</i>	3–5 столетий к моменту создания новозаветных текстов	10–11 столетий на настоящий момент
6	<i>«Родной язык» авторов, или набор коммуникативных клише</i>	Греческий (возможно, арамейский)	Русский
7	<i>Знакомство авторов с периферийной литературой</i>	Знание современной литературы (и «грамотность» в эллинском смысле) вероятны, но данный факт в принципе не может быть установлен по языковым клише, используемым в тексте	Знание современной литературы вероятно, но данный факт в принципе не может быть установлен по языковым клише, используемым в создаваемых текстах
8	<i>Знакомство авторов с «языком» повседневного общения</i>	Знание в совершенстве «языка» повседневного общения	Знание в совершенстве «языка» повседневного общения
9	<i>Отношение текста к лингвистическим фактам других языковых страт</i>	Отличия от других языковых страт намеренно культивируются. Особенно значимо отличать эти тексты от языческой литературной традиции и языка повседневного общения	Отличия от других языковых страт намеренно культивируются. Особенно значимо отличать эти тексты от светской литературной традиции и языка повседневного общения
10	<i>Образованность авторов</i>	Авторы принадлежат к наиболее образованным представителям общины	Авторы принадлежат к наиболее образованным представителям общины

Критерии сопоставления		<i>Синагогальная практика создания текстов иудейской грекоговорящей диаспоры, I–II вв. н. э.</i>	<i>Современная практика создания текстов для литургии РПЦ</i>
II	<i>Статус текста в современной лингвистической ситуации</i>	Эпический, архаизирующий, традиционный, возвышенный, изысканный из прочих современных лингвистических практик	Эпический, архаизирующий, традиционный, возвышенный, изысканный из прочих современных лингвистических практик

В отличие от схематизма и неповоротливости концепции койнэ, заставляющей исследователей, ради сохранения правоты схемы, исказить подлинные параметры лингвокультурной ситуации и, в частности, — роль и содержание деятельности самих новозаветных авторов, идея *литургических письменных текстов* вводит нюансированную картину, гораздо более соответствующую многоуровневой коммуникативной реальности культурного социума. Так, автор, рассматриваемый в теории койнэ как плохо владеющий целевым языком «восточный» писатель, получает наконец возможность оставаться высокообразованным, квалифицированным знатоком своего дела, проявившим свой писательский талант и стиль. Механистичность действий автора, в котором, согласно структурно-грамматической интерпретации, действует «язык», сменяется свободой и сознательностью, присущими индивидуальной коммуникативной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткий итог и суммируя сказанное, нужно отметить, что доминирующая на сегодняшний день тенденция лингвистических исследований LXX и НЗ состоит в следующем: после признания невозможности «вписать» материал этих источников в табличные данные «языков», на автора текста (субъекта лингвистической ситуации) возлагается ответственность за все несовершенства самой исследовательской процедуры. В результате по отношению к грекоязычным библейским текстам и их авторам возникают суждения о дословных переводах (то есть плохо исполненных), о мало- (или вне-)литературности грекоязычных иудейских сочинений рассматриваемого круга, о разговорном нелитературном языке этих источников, о недостаточном уровне образования авторов, их неумении писать по-гречески, их восточном происхождении и т. д.

В то же время следует признать, что только участник культурно-лингвистической ситуации, создающий или создававший тексты, обладал (обладает) наиболее адекватным пониманием того, как следовало (следует) говорить/писать в наблюдаемом коммуникативном пространстве, в отличие от любого вторичного интерпретатора (исследователя), который слишком настойчиво стремится обнаружить известный ему «язык» («инструмент» и/или «растение») в сознании аутентичного коммуниканта.

Другими словами, коммуникант, в отличие от не вовлеченного в актуальную ситуацию исследователя, доподлинно знал (знает), как следует (следовало) реализовать необходимое коммуникативное действие, обладая достаточным набором известных ему параметров ситуации и соответствующих вербальных клише, в то время как исследователь пытается заставить его соблюдать свою собственную мнемотехническую инструкцию, то есть подтверждать знание сосюрговской (одновременно традиционной античной, «телесной») структурно-грамматической «системы языка», помещая «информанта» в прокру-

ство ложе своей собственной неполной осведомленности о параметрах аутентичной коммуникации.

В этой перспективе центральное значение для изменения понятия о «языке» LXX и НЗ имеет *выбор методологической точки отсчета*, или способа описания лингвистического материала.

В зависимости от способов концептуализации базовых понятий лингвистической теории (язык, слово, звук, система, отношение мысли и слова и др.) существующие опыты анализа и описания вербальных фактов (в том числе библейского текста, который, как и все тексты, является последовательностью коммуникативных действий) строятся как структурно-грамматическая («словоцентричная») модель или как коммуникативная (дискурсивная) модель.

Структурно-грамматическое описание библейских текстов предполагает безусловный статус «языка» как вполне определенного в формальных чертах механизма выражения смыслов: «фонетические/графические знаки имеют свои собственные значения», «речь есть мысль»; «сколько предметных знаков, столько значений», «знаки связаны между собой по общим правилам, образуя целостное устройство выражения мысли», «язык есть общий одинаково известный всем инструмент» и др.

В отличие от структурно-грамматической, дискурсивная парадигма строится на основе неотъемлемых свойств естественного вербального процесса: *ситуативности, коммуникативности, когнитивности, акциональности*. Принципиальным отличием такого подхода является признание того, что в естественной вербальной коммуникации рождаются и понимаются *не всеобщие слова («язык»), а личные коммуникативные действия*. Соответственно предметные единицы вербального процесса (от звуков и слов до предложений и текстов) не могут восприниматься в тождестве вне актуального коммуникативного события, которое создает говорящий/пишущий в мыслимых им параметрах. Структурно-грамматический «язык», представляя собой вспомогательную мнемотехническую схему для интерпретации коммуникативных действий аутентичных коммуникантов, не учитывает подлинных факторов смыслообразования в вербальном материале: «инструмент» коммуникации является принципиально безличным и всеобщим, в то время как в каждом коммуникативном событии имеет место субъектно воспринятые обстоятельства и объекты, избранная коммуникантом аудитория, лично осмысленные фокусировки, причины, цели и способы

воздействия на адресата. Смыслообразование в естественном вербальном процессе возможно только как нечто новое, а не «языковое». Концепция внеситуативного, обезличенного, всеобщего неакционального «языка» в состоянии исполнять исключительно служебные функции, быть условной мнемотехнической схемой, но не подчинять себе оценивание и интерпретацию коммуникативной реальности.

Причиной возникновения искусственных объектов в поле септуагинтальных и новозаветных исследований, с дальнейшей некорректной интерпретацией вербальных данных этих источников, нужно считать существующую в рамках структурно-грамматической парадигмы спонтанную констатацию «слово—смысл», или «знак—значение», а также — признание тождества «мысль—слово», что не находит подтверждений в реальности речевого и мыслительного процессов. Базовые понятия предметной модели описания библейских текстов, такие, как «язык» (система предметных элементов), «слово» (минимальная смыслообразующая единица естественного речевого процесса), «суждение» (выражение мысли) вне дискурсивного (коммуникативного) принципа теоретизирования не эффективны и неприменимы для представления аутентичной лингвокультурной реальности библейских (как, впрочем, и иных) текстов.

Для адекватного описания лингвистических фактов библейских текстов центральным «моделеобразующим» понятием является осознанное автором действие в коммуникативном пространстве, рассматриваемое как в целом, на фоне общих глобальных условий, так и в отдельных моментах конкретного коммуникативного события. Типология коммуникативных действий (типология деклических синтагм, включая входящие в их состав вербальные клише), известная аутентичным участникам ситуации, составляет основу для теоретического описания данной практики (в том числе создания мнемотехнической схемы этой практики, так называемого «языка»).

Любой элемент библейского текста при описании получает искомое тождество (может единообразно пониматься и верифицироваться участниками языкового коллектива и вторичными интерпретантами) при условии воссоздания актуальной деклической синтагмы (комплекса мыслимых параметров, назначенных говорящим/пишущим при порождении актуального вербального действия).

Основным противоречием в сфере структурно-грамматического описания грекоязычных библейских текстов является неадекватно

воссозданная диспозиция коммуникативного взаимодействия «автор — аудитория — вторичный интерпретатор», в соответствии с которой сам автор оказывается не знающим «языка», на котором он пишет; аудитория, в соответствии со структурно-грамматической интерпретацией, не учитывалась автором как основополагающее условие коммуникативного взаимодействия, пребывала в недоумении относительно действий автора; вторичный интерпретант, по структурно-грамматической версии, может указывать аутентичным участникам лингвистической ситуации, как и на каком «языке» им следовало писать, чтобы не делать «ошибок».

Для анализа и описания текстов LXX и НЗ кардинальное значение имеют аутентичные условия создания и функционирования, или социо-культурно-религиозный фон, заданный грекоговорящей иудейской диаспорой (прежде всего ее синагогальными лингвистическими практиками) и мыслимый авторами — участниками лингвокультурной ситуации.

Если структурно-грамматическая модель ведет к признанию интерференционности грекоязычных библейских текстов, их семитизированности, малограмотности, мало- или внелитературности, то применение дискурсивной (коммуникативной) модели позволяет констатировать, что: 1) «язык» LXX и НЗ представлял собой аутентичную практику создания пророческого текста, то есть в настоящем смысле особый (отличный от аутентичного греческого) способ организации текста со своими формальными особенностями; 2) этот способ обладал свойством общепринятости в рамках определенной сферы использования (вне всяких сомнений, речь идет о создании литературных текстов); 3) для данного способа существовала авторитетная литературная (и в целом культурно-религиозная) традиция, в рамках которой адекватно реализовывали себя участники традиции (прежде всего, автор, пишущий на этом «языке», и его адресат).

Непротиворечивым лингвистический статус текстов данного корпуса становится в том случае, если считать их представителями пророческих письменных текстов грекоговорящей иудейской диаспоры, которые, если искать современные аналогии, по многим признакам подобны образцам современной лингвистической практики РПЦ: тексты новозаветного корпуса создавались подобно тому, как в настоящее время создаются новые церковнославянские тексты для литургического использования РПЦ.

В случае принятия идеи «языка» наблюдается определенное несовпадение между системами координат исследователя и авторов. Понятно, что первый не может мыслить иначе, кроме как используя данный вид мнотехники — «грамматическую систему языка». Тем не менее нельзя забывать, что это знание условно, опосредованно и вторично. В отличие от вторичного интерпретатора, автор не мыслит категориями таблиц и схем. Вместо этого он видел перед собой возможность или невозможность *так* сказать/написать для исполнения своих коммуникативных задач. Однако исследователь, пользуясь своим отстраненным положением, фактически пытается загнать автора в лингвистические резервации, возникшие вследствие принятия исследователем некорректной концепции вербального факта. В отличие от вторичного интерпретатора, использующего вспомогательные «переходники» для описания лингвистической ситуации, сам участник ситуации видел перед собой живую коммуникативную реальность, состоявшую в том, что *такие* лингвистические клише были приняты и адекватны для реализации данных коммуникативных действий в рамках данной традиционной практики. Иными словами, осознавая себя участником иудейской религиозной и литературной традиции, обращаясь к традиционной аудитории, автор не мог выставить себя перед слушателями/читателями чужаком, маргиналом, невеждой, нарушителем существующих правил и разрушителем сложившихся форм и пр. (что делает за него исследователь, используя «научные» методы — концепции «языка», билингвизма, переводов, семитского мышления и пр.).

Упомянутые в работе проблемные интерпретации, возникающие при использовании *структурно-грамматической* модели, могут быть разрешены и объяснены в рамках *дискурсивного (коммуникативного)* подхода. Приведем основные из них.

1. Идея о том, что «язык» LXX и НЗ является вне- или малолитературным, обозначает отправную точку исследований в области новозаветной лингвистики. Эта идея возникает из прямого сопоставления новозаветного материала с «языком» греческой ионийско-аттической прозы, в то время как сам факт сопоставления нельзя признать допустимым: эллинская литературная традиция с принятой и аутентичной для нее типологией языковых клише в высшей степени обособлена от иудейской грекоязычной литургической традиции с аутентичной

для нее вербальной типологией LXX. Лингвистические клише LXX существуют как не-литературные греческие изначально, их типология возникает вне всякой связи с ионийско-аттической топикикой и без каких-либо претензий на точное следование ей. Этот «язык» усваивает в определенных чертах организацию древнееврейского текста и, таким образом, санкционирует своим авторитетом особую типологию вербальных клише. Она закреплена в постоянно читаемом и слушаемом корпусе священных текстов, в иудейской литургической практике, замкнутой и отстраненной от стихии греческой словесности, и данная ситуация не требует строгих параллелей и пересечений с «языком» греческой литературной традиции. Именно поэтому прямое сопоставление «языков» методологически некорректно. Сравнивая их, исследователь с некоторым приближением попадает в ту же ситуацию, как если сопоставляет церковнославянский с современным русским литературным языком и, находя различия, констатирует, что богослужебный язык — ненормализованный и внелитературный.

2. Как эллино-, так и семито-ориентированные точки зрения явно или подспудно констатируют ненормализованность текстов корпуса LXX и НЗ. В изложенной выше коммуникативной концепции «норма» этого «языка» конституируется набором особых характеристик коммуникативной среды — фактом особой литературно-религиозной традиции, фактом общепринятости в сфере иудейской религиозной практики, фактом единой деклической типологии, обнаруживаемой как в тексте LXX, так и в текстах новозаветного корпуса. В таком случае действительно нет ничего странного в том, что целый корпус литературы создан целым рядом авторов, использовавших единые нормализованные для данного сообщества вербальные модели (клише).

3. Автор Евангелия от Луки оставляет «нормативный язык» введения (посвящения, «прооймиона») и переходит в основном тексте к «ненормализованному языку, изобилующему семитизмами», потому что последний представляет собой вполне нормализованную практику создания библейского нарратива, отличную от ионийско-аттической, но равноправную по своей отстраненности и литературной авторитетности в глазах традиционного иудейского сообщества. Иначе говоря, повествуя о религиозных событиях в жизни богоизбранного народа, обращаясь к самому народу, автор третьего Еван-

гелия не мог прибегнуть к «языку» чуждой литературной традиции, а вполне закономерно избрал для себя и читателя (слушателя) принятый в литургической практике иудеев традиционный способ создания текста. Точно таким образом поступили авторы и других новозаветных сочинений (в том числе других Евангелий), независимо от того, какой «язык» был для каждого из них родным.

4. Факт того, что обширный корпус грекоязычных сочинений арамеоязычного Иосифа Флавия не дает примеров семитизмов, в то время как новозаветные сочинения изобилуют семитизмами, не является странным или исключительным. Такое положение дел возникает не потому, что явление билингвизма было актуальным в случае новозаветных авторов и не имело места в случае Иосифа. Поскольку невозможно констатировать непосредственное проникновение разговорного узуса в литературный текст (ввиду принципиальной рефлексивности его создания — кропотливости, обдумывания, значительных затрат времени и усилий), теория билингвизма в том виде, в котором она существует сегодня в новозаветной лингвистике, должна быть упразднена или значительно скорректирована. Очевидно, что кропотливый процесс создания литературного текста подчиняется не автоматизированным разговорным штампам и калькам из речи билингв, а всецело и диктуется параметрами коммуникативной ситуации, осознаваемой автором, — аудиторией, культурно-религиозной традицией, принятой в ней типологией вербальных клише. Для иудейской религиозной традиции и греческой литературной традиции способы создания аутентичных текстов различны. Именно поэтому иудейский историк как субъект эллинской литературной традиции, обращаясь к культурным эллинам, пишет на «языке» ионийско-аттической прозы, без каких-либо семитизмов, а новозаветные авторы, обращаясь к синагогальной аудитории, воссоздают совершенно иные, не эллинские, образцы текстуальности (ср. в современной русскоязычной ситуации практику создания литературных текстов, с одной стороны, и практику написания современных литургических текстов на церковно-славянском языке, — с другой).

5. Констатация грекоязычной иудейской традиции и аутентичной для нее единой типологии вербальных клише, опираясь на которую без посредствующих семитских оригиналов могли писать все новозаветные авторы (будучи субъектами иудейской религиозной традиции), позволяет пересмотреть методологическое значение поиска

арамейских или древнееврейских оригиналов, а также поиска аутентичных греческих норм для определения лингвистического статуса новозаветных источников. Подлинную специфику языковых клише и текстов, а также разрешение вопросов уместности тех или иных вербальных феноменов НЗ корпуса следует искать в параметрах организованных авторами коммуникативных ситуаций, которые не всегда доподлинно известны вторичным интерпретаторам.

Применение дискурсивной (коммуникативной) модели обязывает к переоценке методологической эффективности некоторых терминов и концепций, часто используемых для описания септуагинтальной и новозаветной лингвистической ситуации.

«Просторечный (разговорный, нелитературный) язык». В отношении текстов новозаветного корпуса ссылки на их «разговорные» и «нелитературные» свойства изначально вызывают подозрение, ввиду того что речь идет о письменных текстах, имеющих за собой *многовековую традицию литературных практик* иудейской грекоговорящей диаспоры. Иудейские общины, рассредоточенные по территории ойкумены, сохраняли свою культурную и религиозную идентичность на протяжении всей эллинистической эпохи (что часто служило причиной дохристианского антисемитизма в языческой среде, крайним проявлением которого были погромы и ненависть, доставшиеся затем по наследству христианам первых веков). До 70-х гг. I в. община пользовалась в империи особым статусом, который прежде всего состоял в праве применять нормы собственного религиозного законодательства. Иудеи диаспоры поддерживали тесные контакты с палестинским иудаизмом и не ощущали своей вторичности в вопросах богопочитания. Для пришедшего в мир христианства грекоговорящие иудейские общины стали ключевым условием его социальной эволюции и успеха проповеди, которая стала возможной только в рамках грекоговорящих иудейских синагог. Пребывая как минимум до начала II в. в составе иудейской общины, христианство в лице своих писателей (новозаветных, а также не вошедших впоследствии в новозаветный канон) обращалось к иудеям, прозелитам и «благочестивым язычникам» («боящимся Бога»), которые были вовлечены в синагогальную практику чтения, изучения и соблюдения Закона. Использование просторечного (разговорного, нелитературного) «языка» было бы вопиющим нарушением сложившихся в диаспоре традиций

и, таким образом, самым неуместным способом привлечь потенциальных сторонников к Благой Вести, которая по своему содержанию была мыслима только в рамках традиционной (религиозной и соответственно лингвистической) практики иудеев.

«Язык койнэ». «Общий язык», упомянутый в III в. Климентом Александрийским и затем введенный в научный оборот исследователями в XIX в., относится, по-видимому, не к целостному языку в традиционном понимании, а к возможности так или иначе понимать друг друга говорящими по-гречески. Констатировать единообразный языковой строй на имеющемся материале невозможно, о чем свидетельствуют современные исследования, взявшие отправной точкой идею койнэ как единой смысло-формальной системы. Это неудивительно, поскольку речь идет об обширных территориях, различных жанрах и стратах (уровнях и социальных слоях) использования греческих вербальных клише, что в совокупности препятствует составлению единого словаря (в том числе комбинаторного) и грамматики, которые традиционно конституируют «язык». В таком случае вряд ли можно говорить об эффективности понятия койнэ как исследовательского инструмента. Термин столь обширного объема способен констатировать примерно то же, что для современной лингвокультурной ситуации в России термин «русский язык», в который попадают все практики носителей в избранных пределах времени и пространства и который при более подробном исследовании всегда распадается на бесчисленные варианты, часто пересекающиеся или взаимоисключающие: «русский язык» молодежи, хакеров, Достоевского, церковной проповеди, социальных низов, SMS-сообщений, рекламы, поэзии, Пушкина, средств массовой информации, медицины, политического дискурса, индивидуального говорящего и пр. На что указывает столь общий термин, заставляющий признавать единством, скажем, «русский язык» поэзии и «русский язык» SMS-сообщений, не вполне ясно. Тем более невозможно утверждать, что столь общий термин содержит какие-то специфические характеристики текстов, созданных на таком «языке».

«Калькирование арамейских (древнееврейских) конструкций», «арамейское языковое сознание автора, сказавшееся в фактах интерференции». Фиксирование следов семитоязычных вербальных клише в структуре греческого текста всегда имеет под собой идею спонтанности деятельности автора, так как будто семитские кальки в гре-

коязычном тексте явились в результате неумелой и быстрой работы порождающего письменный текст писателя, который не уследил за собой, переводя пословно «родные» арамейские конструкции на греческий. Такой наивный взгляд по сути представляет собой примитивную схему, которая тем не менее не безобидна в своей наивности: чтобы признать ее правоту, необходимо предположить значительную меру безответственности, инфантильности, странности, необразованности автора текста. Однако, ввиду того, что создание письменного текста — процесс трудоемкий и длительный, никакой спонтанности в работе такого масштаба допустить невозможно. А значит, необходимо признать, что их написание было полностью осознанным со стороны авторов. Они сознательно употребляли вербальные клише, которые современным исследователям, благодаря некорректным исследовательским критериям, представляются пришлыми и неорганичными в структуре греческого текста. Нужно заметить, что, в отличие от вторичного интерпретатора, автору текста, полностью осознававшему ситуацию коммуникации, были намного подробнее известны вопросы уместности тех или иных вербальных клише в соответствующих устных/письменных коммуникативных действиях. Вряд ли стоит указывать аутентичным «информантам», поступавшим осознанно, какие вербальные формулы для реализации доподлинно известных им коммуникативных действий стали ошибочными («семитизированными»), а какие могли бы стать правильными. Данные клише были приняты в коммуникативном сообществе, которое представляли собой грекоговорящие иудейские общины, и этого вполне достаточно для признания целостной нормализованной лингвистической практики.

«*Знакомство с LXX как фактор семитизации греческого текста*». Ссылки на Септуагинту, к которым прибегают для объяснения специфики новозаветных текстов, зачастую предполагают, что авторы новозаветного корпуса имели перед собой недолжный образец, не замечая его языковой ущербности и интерференционности (наполненности семитскими кальками). В то же время о свойствах этого образца следует судить не на основании «точных» лингвистических изысканий в области деривации, этимологии и интерференции, а на основании того значения, которое данный текст имел в лингвокультурной ситуации, то есть в когнитивном пространстве участников традиции. Напротив, точные лингвистические изыскания всегда заставят сделать вывод о

том, что *любой факт любого языка является результатом трансформации* (деформации, нарушения) какого-то прежнего языкового состояния. Однако, несмотря на такой приговор, следующий из структурных соображений, аутентичные участники коммуникации признают определенные вербальные модели правильными и используют их, несмотря на их «всегда подозрительное прошлое». Так, многочисленные свидетельства субъектов лингвокультурной ситуации (например, Филона) позволяют судить о том, что грекоязычная Септуагинта имела для иудеев статус богодухновенного Закона. Вербальные клише, использованные в ее тексте, благодаря пословной передаче древнееврейского оригинала, были изначально отличными от любых образцов грекоязычной языческой литературы и, по-видимому, воспринимались как главная особенность богодухновенного текста.

«*Перевод семитоязычных источников*». Идея перевода, привлекаемая для объяснения наблюдаемых явлений интерференции, предполагает *пословность* переводческой техники. Невозможно отрицать, что фактом пословного перевода *полностью исключается возможность* появления аутентичного текста на целевом языке. В результате возникает та же коллизия, что и в случае с «калькированием арамейских вербальных клише» вследствие «арамейского языкового сознания»: авторам, якобы переведившим пословно семитоязычные источники, фактически приписывается создание ненормализованного текста со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако в отношении новозаветного корпуса представляется странным тот факт, что большая часть текстов заведомо не считается переводами, несмотря на присутствие в них очевидных «следов перевода». Особенно непонятной оказывается «переводческая техника» евангелиста Луки, который, судя по предисловию, виртуозно владел аттическим диалектом и тем не менее по каким-то причинам создал Евангелие, похожее в своей текстуальности на пословный перевод. Следует учитывать и то, что в таком формате «пословного перевода», кроме новозаветных текстов, существует значительный корпус грекоязычной литературы, не вошедшей в канон (иудейские и иудеохристианские апокрифы и псевдоэпиграфы, в том числе неканонические Евангелия, апокалипсисы и пр.). Их количество только увеличивает меру недоумения от самой идеи переводов, которая тем не менее используется в качестве методологического принципа и ключа к объяснению нескольких сочинений (обычно двух первых Евангелий и Откровения).

В целом нужно заметить, что возникновению этих концептов и концепций, а также созданию всей не вполне адекватной лингвистической картины новозаветных и септуагинтальных текстов способствует системно-грамматическая парадигма, принимаемая как руководство к действию в подавляющем большинстве лингвистических исследований. Для продвижения в более верном направлении, от «языка» как системного теоретического объекта следует в значительной мере отказаться, поскольку детерминизм, свойственный такому объекту, всегда вытесняет личность говорящего/пишущего. В то же время только личная коммуникативная деятельность с присущей ей творческой свободой является условием возникновения любой вторичной описательной схемы («язык»), а также самого процесса нормализации каких-либо вербальных форм.

Библиография

- Аверинцев С. С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1983. Т. 1. С. 501–515.
- Аристотель.* Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
- Вдовиченко А. В.* От логического суждения Аристотеля к перформативу Дж. Остина: возвращение к реальности вербальной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 92–96.
- Вдовиченко А. В.* Дискурс—текст—слово. М., 2002.
- Вдовиченко А. В.* Древнееврейский нарративный синтаксис в языке Септуагинты и Нового Завета. Краткое изложение // Богословский сборник ПСТБИ. 2002 № 4. С. 43–60.
- Вдовиченко А. В.* Значение современной языковой ситуации для понимания особенностей создания библейского текста: русский и инокультурный опыт // Материалы богословской конференции ПСТГУ, 2010. С. 24–29.
- Вдовиченко А. В.* Грамматическая и коммуникативная предикация в теореме Х. Патнэма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014 (4). С. 14–22.
- Вдовиченко А. В.* Концепция Ф. де Соссюра в интерпретации специфики новозаветного текста // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия Ш: Филология. 2012. Вып. 30. С. 7–25.
- Вдовиченко А. В.* Лингвистический статус текстов Септуагинты и Нового Завета // Сборник «Литература в культурно-историческом и языковом контексте», М., 2009. С. 41–55.
- Вдовиченко А. В.* Неведомый «язык» новозаветной лингвистики. В поисках источников методологического заблуждения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия Ш: Филология. 2010. Вып. 22. С. 87–98.
- Вдовиченко А. В.* Особенности повествовательной стратегии в литературных традициях эллинизма и грекоговорящего иудейства (авторы синоптических Евангелий, Иосиф Флавий, Флавий Филострат) // Материалы XVII ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2007. Т. 1. С. 27–30.

- Вдовиченко А. В. Расставание с «языком»: критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008.
- Вдовиченко А. В. Странный «язык» новозаветного корпуса: в поисках аутентичной традиции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 184–190.
- Вдовиченко А. В. Христианская апология: краткий обзор традиции // Раннехристианские апологеты. М.: Ладомир, 1999. С. 5–38.
- Вевюрко И. С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М.: Издательство Московского Университета, 2013.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Ч. 1. М., 1994.
- Грилахес Л. Е. Археология текста: сравнительный анализ Евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции. М., 1999.
- Грилахес Л. Е. Гебраизмы в Евангелии от Матфея: к вопросу об оригинальном языке первого канонического Евангелия // Богословский вестник. 2004. № 4. С.15–39.
- Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX-го в. // Язык и наука конца XX века. М.: ИЯЗ РАН, 1995. С. 239–320.
- Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
- Кибрик А. Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности. М., 1987.
- Ковельман А. Б. Герменевтика еврейских текстов: Учебное пособие к курсу «Источниковедение истории евреев». М.: Книжники, 2012.
- Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкратц Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–238.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. И. Б. Шатуновского, М., 2004.
- Левинская И. А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: Логос, 2000.
- Лезов С. Библейское повествование и повествование Мк // Библия: литературные и лингвистические исследования. Вып. 1. М.: РГГУ, 1998. С. 280–297.

- Лезов С. О происхождении христианства из иудаизма // Библия: литературные и лингвистические исследования. Вып. 3. М.: РГГУ, 1999. С. 209–235.
- Леонтьев А. А. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности. М., 1968.
- Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- Матусова Е. Д. Филон Александрийский — комментатор Ветхого Завета // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 7–50.
- Минский М. Структура для представления знаний. М., 1978.
- Николаева Т. М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 5–39.
- Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. В.П. Руднева. М., 1999.
- Перельмутер И. А. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 180–214.
- Платон. Кратил // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1993.
- Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988.
- Славятинская М. Н. Греческий язык в эпоху эллинизма // Балканы в контексте Средиземноморья. М., 1986. С. 174–177.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. А.М. Сухотина // История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1–2. М., 1964–1965.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Степанов Ю. С. Язык и метод. М., 1998.
- Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.
- Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. Методологические проблемы исследования речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
- Тронский И. М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
- Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011.
- Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983.
- Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975.
- Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Этнопсихолингвистика / Отв. ред. Ю. А. Сорокин. М.: «Наука», 1988.

Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Под ред. Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова (отв. ред.), Н. В. Уфимцевой. М., 1993.

- Abbott T. K.* Essays, Chiefly on the Original Texts of the Old and New Testaments. London: Longmans, Green, 1891.
- Abel P. M.* Grammaire du grec biblique suivi d'un choix de papyrus. Paris, 1927.
- Aejmelaeus A.* Parataxis in the Septuagint. A Study of the Renderings of the Hebrew Coordinate Clauses in the Greek Pentateuch. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1982.
- Andersen F. I.* The Sentence in Biblical Hebrew. *Janua Linguarum. Series Practica* 231. The Hague, Paris 1974.
- Attridge H.* The Interpretation of Biblical History in *Antiquitates Judaearum*. Missoula, 1976.
- Austin J. L.* How to do things with words. Cambridge, 1962.
- Baab O. J.* A Theory of two Translators for the Greek Genesis // *Journal of Biblical Literature* 52 (1933). P. 239-243.
- Baetens Beardsmore H.* Bilingualism: Basic Principles. Clevedon, 1982.
- Barrett C. K.* Biblical Classics, IV: J. H. Moulton. A Grammar of NT Greek: Prolegomena // *Expository Times* 90 (1978). P. 68-71.
- Beyer K.* Semitische Syntax im Neuen Testament. Goettingen, 1962.
- Beziers M., Overebeke M. van.* Le bilinguisme: Essai de définition et guide bibliographique. Cahiers de l'Institut des Langues Vivantes, 13. Louvain, 1975.
- Biblical Greek Language and Linguistics* /Ed. by S. E. Porter, D. A. Carson. Sheffield, 1991.
- Black M.* An Aramaic Approach to the Gospels and Acts. Oxford: Clarendon Press, 1967.
- Black M.* Second Thoughts. The Semitic Element in the NT // *Expository Times* 77 (1965–1966). P. 20–23.
- Black M.* The Biblical Languages // *The Cambridge History of the Bible, I* / Ed. P. R. Ackroyd and C. F. Evans. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 1–11.
- Black M.* The Recovery of the Language of Jesus // *New Testament Studies* 3 (1956–1957). P. 305–313.
- Blass F., Debrunner A., Funk R. W.* A Greek Grammar of the New Testament and other Early Christian Literature. Chicago, 1961.
- Blass F., Debrunner A., Rehkopf F.* Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1979¹⁵.
- Borgen P.* Philo of Alexandria, an exegete for his Time. Leiden; New York; Koeln, 1997.
- Brixhe C.* Essai sur le grec anatolien au début de notre ère. Nancy, 1987.
- Brixhe C.* Le dialecte grec de Pamphylie. Paris, 1976.

- Brock S. P.* The Phenomenon of Biblical Translation in Antiquity // *Studies in the Septuagint. Origins, Recensions ad Interpretation*. Ed. S. Jellicoe. New York, 1974. P. 541–571.
- Brock S. P.* The Phenomenon of the Septuagint // *Old Testament Studies* 17 (1972). P. 11–36.
- Brockelmann C.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. II Band: Syntax. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe Berlin 1913. Hildesheim 1961.
- Brockelmann C.* Hebräische Syntax. Neukirchen 1956.
- Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge, 1996 (1st ed. 1983).
- Browning R.* Medieval and Modern Greek. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Bumey C. F.* A Hebraic Construction in the Apocalypse // *Journal of Theological Studies* 22 (1920–1921). P. 371–376.
- Bumey C. F.* The Aramaic Origin of the Fourth Gospel. Oxford: Clarendon Press, 1922.
- Bumey C. F.* The Poetry of Our Lord. Oxford: Clarendon Press, 1925.
- Burrows M.* The Original Language of the Gospel of John // *Journal of Biblical Literature* 49 (1930). P. 95–139.
- Burrows M.* The Semitic Background of the NT // *The Bible Today* 2 (1951). P. 67–73.
- Chang-Wook Jung.* The Original Language of the Lukan Infancy Narrative. London, New York: T&T Clark International, 2004.
- Chilton B.* Genesis in Aramaic: The Example of Chapter 22 // *The Book of Genesis. Composition, Reception and Interpretation* [Supplement to *Vetus Testamentum* (152)]. Leiden, Brill. 2012. P. 495–518.
- Cohen A. D.* Assessing Language Maintenance in Spanish Speaking Communities in the Southwest // *El Lenguaje de los Chicanos: Regional and Social Characteristics Used by Mexican Americans*. Arlington, 1975.
- Colwell B. C.* The Greek Language // *Interpreter's Dictionary of the Bible*. Nashville: Abingdon Press, 1962. P. 479–487.
- Colwell B. C.* The Greek of the Fourth Gospel: A Study of its Aramaisms in the Light of Hellenistic Greek. Chicago: University of Chicago Press, 1931.
- Conybeare F. C., Stock St. G.* A Grammar of Septuagint Greek. Boston: Ginn, 1980³.
- Corpus Inscriptionum Judaearum // Palaestinae* /Eds. Hannah M. Cotton etc. V. I. Jerusalem. Part 1. 1–704. Berlin–NY: Walter de Gruyter 2010.
- Costas P. W.* An Outline of the History of the Greek Language with Particular Emphasis on the Koine and the Subsequent Periods. Chicago: University of Chicago Press, 1936.
- Cottetel P., Turner M.* Linguistics and Biblical Interpretation. Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1989.

- Cremer H.* Biblico-Theological Lexicon of the New Testament Greek. Edinburg, 4th edn. 1895.
- Deissmann A.* Bible Studies /Tr. A. Grieve. Edinburgh: T. & T. Clark. 1901.
- Deissmann A.* Das Licht vom Osten. Tübingen, 1908.
- Deissmann A.* Light from the Ancient East /Tr. L. R. M. Strachan. London, 1910.
- Deissmann A.* The Philology of Greek Bible: Its Present and Future. London, 1908.
- Deissmann A.* Hellenistisches Griechisch // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung. Stuttgart: J. B. Metzler, 1894–1980. 3rd ed. VII. S. 637.
- Dijk T. A. van.* Studies in the Pragmatics of Discourse. Ch. 9: Context and Cognition: Knowledge Frames and Speech Act Comprehension. The Hague, 1981.
- Dorival G., Harl M., Munnich O.* La Bible Greque des Septante. Paris, 1988.
- Elliott J. K.* An Eclectic Textual Commentary on the Greek Text of Mark's Gospel // New Testament Textual Criticism. Festschrift B. M. Metzger /Eds. E. J. Epp, G. D. Fee. Oxford, 1981. P. 47–60.
- Elliott J. K.* Plaidoyer pour un électionisme integral appliqué à la critique textuelle du NT // Revue Biblique 84 (1977). P. 5–25.
- Feldman L. H.* Use, Authority and Exegesis of Mikra in the Writings of Josephus // Mikra. Text, Translation. Reading and Interpretation of the Hebrew Bible in Ancient Judaism and Early Christianity. Vol. 1 / Ed. M. J. Mulder. Assen; Minneaplis, 1988. P. 455–518.
- Friedrich G.* Septuagint // Theological Dictionary of the New Testament 10 (1976). P. 652.
- Froesen J.* Prolegomena to a Study of the Greek Language in the First Centuries A. D. //The Problem of Koine and Atticism. Helsinki, 1974.
- Fullmore Ch. J.* Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL 1981. Seoul, 1982. P. 111–137.
- Gehman H. S.* The Hebraic Character of Septuagint Greek // Vetus Testamentum 1 (1951). P. 81–90.
- Givon T.* Syntax. A functional-typological introduction. Amsterdam; Philadelphia, 1984. Vol. 1.
- Goodspeed E. J.* The Original Language of the NT // New Chapters in NT Study. New York: Macmillan, 1937. P. 127–168.
- Grice P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. V. 3: Speech Acts /Eds. P. Cole and J. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Gundry R. H.* Language milieu of first-century Palestine: its bearing on the authenticity of the Gospel tradition // Journal of Biblical Literature and Exegesis 83 (1964). P. 404–408.
- Halliday M. A. K.* Language as Social Semiotic. London, 1978.
- Hunkin J. W.* “Pleonastic” *arkhomai* in the NT // Journal of Theological Studies 25 (1924). P. 390–402.

- Hatch E.* Essays in Biblical Greek. Oxford: Clarendon, 1889.
- Haugen E.* The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. Philadelphia, 1953.
- Hengel M.* The «Hellenization» of Judaea in the First Century After Christ / Tr. J. Bowden. London–Philadelphia, 1989.
- Hilhorst A.* Sémitismes et latinismes dans le Pasteur d’Herma. Nimwegen, 1976.
- Hill D.* Greek Words and Hebrew Meanings. Studies in the Semantics of Soteriological Terms. Cambridge, 1967.
- Horrocks G.* Greek: A History of the Language and its Speakers. London, 1997.
- Horsley G. H. R.* Divergent Views on the Nature of the Greek of the Bible // Biblica 65 (1984). P. 393–403.
- Horsley G. H. R.* The Fiction of Jewish Greek // New Documents Illustrating Early Christianity. V. Linguistic Essays. New South Ryde: Macquarie University, 1989. P. 5–40.
- Horst P.* Ancient Jewish Epitaphs: An Introductory Survey of a Millennium of Jewish Funerary Epigraphy (300 BCE–700 CE). Kampen, 1991. P. 24–32.
- Jackendoff R.* Sense and Reference in a Psychologically Based Semantics // Talking minds: The study of Language in Cognitive Science. Cambridge, 1984.
- Jews and God-Fearers at Aphrodisias / Publ. by J. Reynolds and R. Tannenbaum.* Cambridge, 1987.
- Katz P.* Septuagintal studies in the mid-century: Their links with the past and their present tendencies // The Background of the New Testament and Its Eschatology: In Honour of C H. Dodd. Cambridge: University Press, 1956. P. 176–210.
- Kennedy H. A. A.* Sources of New Testament Greek: The Influence of the Septuagint on the Vocabulary of the NT. Edinburg: Clark, 1895.
- Kilpatrick G. D.* The Greek Text of Today and the Textus Receptus // The NT in Historical and Contemporary Perspective. Essays in Memory of G. H. C. MacGregor /Eds. H. Anderson, W. Barclay. Oxford: Blackwell, 1965. P. 189–208.
- Kilpatrick G. D.* Atticism and the Text of the Greek New Testament // Neutestamentliche Aufsätze. Festschrift für J. Schmid /Eds. J. Blinzler et al. Regensburg: Pustet, 1963. S. 125–137.
- Kilpatrick G. D.* Atticism and the Future of ZHN // Novum Testamentum 25 (1983). P. 146–151.
- Koester H.* Introduction to the NT, I. 2 vols. Philadelphia: Fortress Press, 1982. P. 103–113.
- Kretschmer P.* Die Entstehung der Koine. Akademie der Wissenschaften Wien. Philosophisch-Historische Klasse: Sitzungsberichte. Vol. 143 (10). Vienna, 1900.
- Kripke S. A.* Wittgenstein on Rules and Private Language. Cambridge, 1982.

- Lachs S. T.* Hebrew Elements in the Gospels and Acts // *Jewish Quarterly Review* 71 (1980). P. 31–43.
- Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Stanford, 1987. Vol. 1. Theoretical Prerequisites
- Lee G. M.* Translation Greek in the NT // *Studia Evangelica*, VII (ed. E. A. Livingstone) Berlin: Akademie Verlag, 1982. P. 317–326.
- Lee J. A. L.* The future of ZHN in Late Greek // *Novum Testamentum* 22 (1980). P. 289–298
- Leech G. N.* Principles of pragmatics. London; New York: Longman, 1983.
- Levinson S.* Pragmatics. Cambridge 1980.
- Lobeck Ch.* Phrynichus. Leipzig, 1820.
- Longacre R.* Why We Need a Vertical Revolution in Linguistics // *The Fifth Lacus Forum*, Columbia, 1978. P. 247–270.
- Maloney E. C.* Semitic Interference in Marcan Syntax. Michigan, 1981.
- Martini C. M.* Eclecticism and Atticism in the Textual Criticism of the Greek New Testament / On Language, Culture and Religion. *Festschrift E.A. Nida* /Eds. M. Black, W.A. Smalley. The Hague, 1974. P. 149–56.
- Mays E.* Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. 6 vols. Leipzig; Berlin, 1906–1938.
- Meecham H. G.* Light from Ancient Letters: Private Correspondence in the Non-Literary Papyri of Oxyrhynchus of the First Four Centuries, and its Bearing on NT Language and Thought. London: Allen and Unwin, 1923.
- Metzger B. M.* The Text of the NT. Oxford, 1968².
- Meyers E. M., Strange J. F.* Archaeology, the Rabbis and Early Christianity. London, 1981.
- Michaelis W.* Attizismus und das NT // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft* 22 (1923). S. 91–121.
- Milligan G.* Here and There among the Papyri. London: Hodder and Stoughton, 1922.
- Milligan G.* The Grammar of the Greek NT // *Expository Times* 31 (1919–20). P. 420–424.
- Montgomery J. A.* The Origin of the Gospel According to St. John. Philadelphia: J. C. Winston, 1923.
- Moulton J. H.* A Grammar of NT Greek, I: Prolegomena. Edinburgh, 1908³.
- Moulton J. H.* A Grammar of NT Greek, II: Accidence and Word Formation. Edinburgh, 1929.
- Moulton J. H.* New Testament Greek in the Light of Modern Discovery // *Essays on Some Biblical Questions of the Day: By Members of the University of Cambridge*. London, 1909. P. 461–505.
- Moulton J. H., Milligan G.* The Vocabulary of the Greek Testament Illustrated from the Papyri and Other Non-Literary Sources. London, 1914–29.

- Moulton J. H.* Characteristics of New Testament Greek // *Expositor*, Sixth Series 9 (1904).
- Mussies G.* Greek in Palestine and the Diaspora // *The Jewish People in the First Century*. CRINT I.2 /Eds. S. Safrai, M. Stern. Assen, 1976.
- Mussies G.* The Morphology of Koine Greek as Used in the Apocalypse of St. John. A Study in Bilingualism. Leiden, 1971.
- Nida E., Taber Ch. R.* The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969.
- Nubian Studies* // *Proceedings of the Symposium for Nubian Studies*. Cambridge, 1978 / Eds. T. Hägg, J. H. Plumley. Warminster, 1982.
- Oksaar E.* Bilingualism // *Current Trends in Linguistics* 9. The Hague, 1972.
- Palmer L. R.* The Greek Language. London, 1980.
- Parkes J.* The Conflict of the Church and the Synagogue: A Study in the Origins of Antisemitism. New York: JPS, 1934.
- Pelletier A.* Flavius Josèphe, adaptateur de la Lettre d'Aristée. Une réaction atticisme contre la Koine. Paris, 1962.
- Phillips, N., Hardy, C.* What Is Discourse Analysis? // *Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. P. 1–18.
- Porter S. E.* The Greek Language of the New Testament // *Handbook to Exegesis of the New Testament*. Ser. «New Testament Tools and Studies» / Eds. B. M. Metzger & B. D. Ehrman. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 99–130.
- Porter S. E.* The Greek of the New Testament as a Disputed Area of Research // *Biblical Greek Language and Linguistics* /Eds. S. E. Porter, D. A. Carson. Sheffield, 1991.
- Prolegomena* // *Origenis Hexaplorum quae supersunt* /Ed. Fridericus Field. Oxonii, 1875.
- Rabin C.* Hebrew and Aramaic in the First Century // *The Jewish People in the First Century* /Eds. S. Safrai, M. Stern. 2 vol. CRINT, Assen-Amsterdam, 1976. V. 2. P. 1007–1039.
- Rabin Ch.* The Translation Process and the Character of the Septuagint // *Textus* 6 (1968). P. 1–26.
- Radermacher L.* Neutestamentliche Grammatik: Das Griechisch des NT im Zusammenhang mit der Volkssprache. Tübingen: Mohr [Siebeck], 1911.
- Rajak T.* The Jewish Diaspora // *The Cambridge History of Christianity*. V. I. Cambridge University Press, 2006. P. 53–68.
- Riddle D. W.* The Logic of the Theory of Translation Greek // *Journal of Biblical Literature and Exegesis* 51 (1932). P. 13–30.
- Robertson A. T.* A Grammar of the Greek NT in the Light of Historical Research. New York: Hodder and Stoughton, 1914.
- Ros J.* De Studie van het Bijbelgrieks van Hugo Grotius tot Adolf Deissmann. Nimwegen, 1940.

- Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford, 1994.
- Schmid W.* Der Atticismus in seiner Hauptvertretern. Stuttgart, 1887–97; 5 vols; repr. Hildesheim, 1964.
- Schwarz G.* Und Jesu Sprach: Untersuchungen zur aramäischen Urgestalt der Worte Jesu. Stuttgart: Kohlhammer, 2nd edn., 1987.
- Sevenster J. N.* Do You Know Greek? How Much Greek Could the First Jewish Christians Have Known? // *Novum Testamentum, Supplementum*, 19. Leiden, 1968.
- Silva M.* Bilingualism and the Character of Palestinian Greek // *The Language of the New Testament. Classic Essays*. Ed. S. E. Porter. London, 1991. P. 198–219.
- Silverman M. H.* Syntactic Notes on the Waw Consecutive // *Orient and Occident. Essays presented to Cyrus H. Gordon on the Occasion of his Sixty-fifth Birthday* / Ed. Harry A. Hoff. *Alter Orient und Altes Testament* 22. Neukirchen 1973. P.167-175.
- Sollamo R.* Some “Improper” Prepositions, Such as Enopion, Enantion, Enanti, etc., in the Septuagint and Early Koine Greek // *Vetus Testamentum* 25 (1975). P. 773–782.
- Sparks H. F. D.* The Semitisms of St. Luke’s Gospel // *Journal of Theological Studies* 44 (1943). P. 131.
- Talstra E.* A Hierarchy of Clauses in Biblical Hebrew Narrative // *Narrative Syntax and the Hebrew Bible. Papers of the Tilburg Conference 1996* / Ed. E. Van Wolde. Brill, 1997. P. 85–86.
- Thackeray H. St. J.* A Grammar of the OT in Greek According to the Septuagint, I. Cambridge: Cambridge University Press, 1909.
- Thackeray H. St. J.* A Grammar of the OT in Greek according to the Septuagint. Cambridge, 1909.
- Thackeray H. St. J.* An Unrecorded “Aramaism” in Josephus // *Journal of Theological Studies* 30 (1929). P. 361–370.
- Thompson S.* The Apocalypse and Semitic Syntax. Cambridge, 1985.
- Thumb A.* Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beitrage zur Geschichte und Beurteilung der Κοινή. Strasburg, 1901.
- Torrey C. C.* Our Translated Gospels: Some of the Evidence. London, 1936.
- Torrey C. C.* The Apocalypse of John. New Haven, 1958.
- Torrey C. C.* The Composition and Date of Acts. Cambridge, 1916.
- Tov E.* Three dementions of LXX Words // *Revue biblique* 83 (1976). P. 529–544.
- Turner N.* A Grammar of NT Greek. V. 3. Syntax. Edinburgh, 1963.
- Turner N.* Grammatical Insights into the New Testament. Edinburg, 1965.
- Turner N.* The ‘Testament of Abraham’: Problems in Biblical Greek // *New Testament Studies* 1 (1954–1955). P. 219–223.
- Turner N.* The Language of the New Testament // *Peuke’s Commentary on the Bible* / Eds. M. Black and H.H. Rowley. London, 1952. P. 659–662.

- Vergote J.* Grec biblique // *Dictionnaire de la Bible, Supplément* 3. Paris, 1938. Col. 1367.
- Vergote J.* Het probleem van de koine volgens de laatste historisch-philologische bevindingen // *Philologische Studien*, IV, 1932–1933. P. 28–46, 81–101, 190–215; V, 1933–1934. P. 81–105; VI, 1934–1935. P. 81–107.
- Wacholder B. Z.* Eupolemus. A Study of Judaeo-Greek Literature. Cincinnati, 1974.
- Weinreich U.* Languages in Contact. The Hague, 1953.
- Wifstrand A.* Stylistic Problems in the Epistles of James and Peter // *Studia Theologica* 16 (1947). P. 170–182.
- Wilcox M.* Semitisms in the NT // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* 11.25.2. P. 979–986.
- Wilcox M.* The Semitisms of Acts. Oxford: Clarendon Press, 1965. P. 1–12.
- Youtie H. C.* *Scriptiunculae Posteriores* I. Bonn, 1981.
- Zimmermann F.* The Aramaic Origin of the Four Gospels. New York: Ktav, 1979.
- Zwaan J. de.* John Wrote in Aramaic // *Journal of Biblical Literature and Exegesis* 57 (1938). P. 155–171.
- Zwaan J. de.* The use of the Greek Language in Acts // *The Beginnings of Christianity*, 1.2 /Eds. F. J. Foakes Jackson and K. Lake. London: Macmillan, 1922. P. 30–65.

SUMMARY

The case of the Septuagint and New Testament «language». Linguistic method *pro et contra* authors

In the monograph «The case of the Septuagint and New Testament «language». Linguistic method *pro et contra* authors» Andrey V. Vdovichenko considers the history and the current state of a theoretical problem which doesn't seem to have a convincing scientific solution for today: the «language» of the Greek bible texts is defined as colloquial, semiliterate, not-normalized; in turn, the authors are considered as «people from the East» having tried to create texts in the «language» which was not properly known to them.

The general idea of the monograph is that the reason of a so strange concept of the «language» of these sources should be detected in the *wrong linguistic method* which was taken as a basis of research procedures. Instead of the confidential attitude towards authors (who realized for certain in what way to write in the directly observed communicative space) modern linguists demand them to know precisely their own mnemotechnic scheme, that is, the structural grammatical «language» which is artificially created without reckoning necessary aspects of the Hellenistic linguistic and cultural situation, in particular, without reckoning the factor of the Greek-speaking Jewish Diaspora within which the Greek-like bible texts were ever created.

In the monograph the use of «semitized» verbal clichés (i.e. non-Greek communicative models employed by the bible authors and translators) receives an explanation in connection with the traditional Diaspora practice of creating and reproducing prophetic texts. For the participants of the tradition the «not-so-Greek» sacred text of the Septuagint played the role of a Sample in creating the texts of such a kind (like the Slavonic Bible in creating modern Troparia for the liturgy in Russian-speaking linguistic and cultural space). The most adequate assessment of the «language» of these sources is possible only if using communicative (usual, not-structural-

grammatical) criteria which oblige to recognize the priority of authors' reasonable activity in the conscious communicative space over some secondary reconstructed structural grammatical ways of its description. The Judaic and Judeo-Christian authors, knew they «Greek» or not, created texts in adequate forms relevant to Diaspora Jews who had special practices in reading and learning Scripture (not to a «Greek reader»). From the viewpoint of a Greek-speaking Jew or a Christian of the first centuries (i.e. from the point of view of «informants» — participants of a linguistic and cultural situation) the Septuagint and NT texts were literary, traditional, archaizing, separated from the elements of a colloquial practice and of the Hellenic (pagan) literary tradition. With some reservations and assumptions, it is possible to specify that the modern Russian-speaking parishioner of the Russian Orthodox Church has a similar relation to the Old Slavonic text of the Writing and other liturgical texts.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аверинцев	Abel
Аристотель..	Aejmelaeus
Арутюнова	Andersen
Вдовиченко	Attridge
Вевюрко	Austin
Витгенштейн	Baab
Витгенштейн	Baetens Beardsmore
Грилихес	Barrett
Демьянков	Beyer
Кибрик	Beziers
Ковельман	Black
Лакофф	Blass
Лезов	Borgen
Леонтьев	Brixhe
Лузина	Brock
Лурия	Brockelmann
Макаров.	Brown
Матусова	Browning
Минский	Bumey
Николаева	Burrows
Остин	Chang-Wook Jung.
Панкратц	Chilton
Перельмутер	Cohen
Платон.	Colwell
Потебня	Conybeare
Славятинская	Costas
Соссюр Ф. де.	Cottetel P.,
Степанов	Cremer
Тарасов	Debrunner
Тронский	Deissmann A
Уфимцева.	Dijk T. A. van.
Чейф	Dorival G.,
	Elliott
Abbott	Feldman

Friedrich G.	Meyers E
Froesen J.	Michaelis W.
Fullmore	Milligan
Funk	Montgomery
Gehman H. S	Moulton
Givon T.	Munnich O.
Goodspeed	Mussies G.
Grice P.	Mussies G.
Gundry	Nida E.
Halliday	Oksaar
Hardy, C.	Overebeke
Harl M.,	Palmer L. R.
Hatch E.	Parkes J.
Haugen E.	Pelletier A.
Hengel M.	Phillips N.
Hilhorst A.	Porter S. E
Hill D.	Rabin C.
Horrocks	Radermacher L.
Horsley G. H. R.	Rajak T.
Horst P.	Riddle D.
Hunkin	Robertson A. T.
Jackendoff R..	Ros J.
Katz P.	Schiffirin D.
Kennedy H.	Schmid W
Kilpatrick G. D.	Schwarz
Koester	Sevenster J. N
Kretschmer P	Silva M.
Kripke S.	Silverman
Lachs	Sollamo R
Langacker R.W.	Sparks
Lee G. M.	Stock
Lee J.	Taber Ch. R.
Leech	Talstra E.
Levinson S.	Thackeray
Lobeck Ch.	Thackeray H. St
Longacre R.	Thompson S.
Maloney E.	Thumb A.
Martini C	Torrey
Mayser E.	Tov
Meecham H.	Turner
Metzger B.	Vergote
Meyers E	Wacholder

Wacholder
Weinreich U.
Wifstrand A.
Wilcox M

Youtie H. C.
Yule
Zimmermann
Zwaan J. de.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Jewish Greek 79
авторскую рефлексия 54
азианизм 37
акцента 75
александрийское и палестинское койнэ 68
английском койнэ 24
античного читателя 83
Античный структурно-грамматический подход 15
арамеизмов 57
арамеизмом 50
арамеизмы 49
арамейский 40
арамейского языка 47
аттицизирующей переработке 29
аттицизма 28, 29
аттицизмом 37
аттицистами 83
аттический диалект 25, 36
аттическим диалектом 42
аттическом диалекте 25, 54
аутентичной греческой текстуальности 32
аутентичные участники 53
библейская (новозаветная и септуагинтальная) филология 15
библейский греческий 57
библейского греческого 63
библейской филологии 16
библейском греческом 63
билингвизма 31, 51, 59, 71, 74
билингвизму 71
богодухновенный язык 38
внелитературности 26
восточном (семитском) происхождении 65
восточные авторы 42
вторичным интерпретатором 11
гебраизмов 57
гебраизмом 50
гебраизмы 26, 49
гебраистами 83
гебраистов 23, 34, 39
генезиса, традиции, аутентичной сферы функционирования 19
Гомеровский, или эпический диалект 36
Грамматика 11
грекоговорящей иудейской диаспоры 17
грекоязычным читателем 62
греческий лексический материал 34
греческий язык 66
греческих языков 28
греческому читателю 84
греческую топику 45
две парадигмы 18
двуязычие, а двуречие 71
дектического синтаксиса и дектической синтагмы 19
диалект 63, 75, 79
диалекта 59
диалектам койнэ 57
диалектное различие 25
диглоссии 75, 76
дискурс 18

дискурсивную этиологию фактам 18
 дискурсивные параметры 18
 диссонанс между результатами 16
 дихотомия 61
 Древнегреческим 22
 древнееврейского оригинала 48
 еврейский или арамейский способ мышления 64
 едином языке 24
 естественного коммуникативного процесса 11
 естественным лингвистическим материалом 19
 жанровым диалектом 75
 идиолект 75
 индивидуальным практикам билингв 61
 инструмент общения 24
 инструментальная метафора 67, 72
 интерпретации 11
 интерференции 51, 72, 75, 79
 интерференция 74
 ионийско-аттический диалект 43
 искусственный теоретический объект 72
 историко-культурно-религиозного подхода 17
 Иудейские лингвистические практики 11
 иудейский греческий 68
 иудейского (или христианского) греческого языка 64
 иудейского греческого 40, 62, 83
 кальки и заимствования 17
 калькирование 51
 классицистов 25, 27, 30, 34
 классицисты 34
 когнитивистики, функционализма, дискурсивного анализа 18
 койнэ 23, 24, 25, 28, 35, 36, 42, 43, 68
 коммуникативная практика 20, 70
 Коммуникативное понимание лингвистического материала 19
 коммуникативной реальностью 69
 коммуникативном пространстве 13
 коммуникативном сообществе 73
 коммуникативные действия 14, 24
 коммуникативный подход 13, 15
 коммуникативных (узуальных, неструктурно-грамматических) критериев 12
 коммуникативных действий 11
 коммуникативных практик 67
 коммуникативных синтагм 14
 конвенциональность 53
 концепции билингвизма 54
 коптского 76
 лингвистического бэкграунда 54
 лингвистическую ситуацию 41
 лингвистическую ситуацию в Палестине I-го в. 41
 литературного и разговорного койнэ 43
 литературное койнэ 43
 литературной нормы 32, 34
 литературной традиции 54, 84
 литературную традицию 54
 литературный греческий 28, 30
 личного актуального действия 16
 логический и количественный принцип анализа 14
 малограмотности 31, 44
 малограмотными, ненормализованными, интерференционными, испорченными 17
 малообразованными 12
 методологии 13
 мишнайский иврит 82
 мнемотехническая схема 12
 мнемотехническую, дидактическую, вспомогательную ценность 70

моделирования естественной коммуникации 11
 моделью 15
 недостатка образования 41
 нелитературного койнэ 25, 30
 нелитературного общегреческого койнэ 30
 не-литературном греческом 38
 нелитературном греческом языке 42
 нелитературный греческий 36
 нелитературным 26
 нелитературных текстах 38
 неродной язык 60
 низкопробного койнэ 41
 новозаветной лингвистике 42
 нормализованности 48
 нормализованным 43
 нормализованными литературными памятниками 32, 42
 нубийского греческого 76
 образованности 66
 общепринятом греческом языке 65
 общепринятый язык 68
 общепринятым греческим 65
 ocasionальными 61
 опосредованно и рефлексивно 52
 опосредованность письменного текста 53
 опосредованность связи письменного языка с разговорным 54
 оригиналах 50
 оригинале 40
 оригиналов 58
 Осознанные семитизмы 53
 отношения автора и аудитории 53
 ошибка 71
 ошибками 66, 83, 84
 ошибками 66
 палестинская языковая ситуация 40
 палестинского билингвизма 62
 палестинского греческого 59
 палестинском билингвизме 78
 Памфилийский греческий 76
 папирусами 30
 папирусах 27, 37
 папирусного и эпиграфического материала 29
 папирусов 27, 39, 57
 папирусы 25, 58
 переводной греческий 75
 переводы 39
 письменный язык 52
 полиглоссии 75
 полидиалектного состоянии 36
 поэтические тексты 37
 православной литургической практике 24
 предметность 14
 пренебрежение аудиторией 84
 принципа «знак–значение» 15
 произношении 25
 просторечной литературы 41
 просторечным греческим 57
 пророческих текстов 12
 пуристами 83
 разговорное греческое койнэ 27
 разговорный язык 58
 разделения языка и речи 64
 различие между классическим греческим и новозаветным 26
 разумного эклектизма 30
 региональным диалектом 42
 регистр 77
 речь и стиль 63, 64
 русском койнэ 24
 семиотике, прагматике, когнитивистике, психолингвистике 18
 семиотическая система 85
 семитизмами 65
 семитизмами, 44
 семитизмов 27, 30, 42, 46, 67, 71
 семитизмы 34, 45, 50, 57, 66
 Семитизмы 46, 79

семито-ориентированного направления 48
 семитоцентричную позицию 35
 семитским влиянием 32
 семитского происхождения 57
 семитского сознания 71
 септуагинтизмами 50
 септуагинтизмом 50
 септуагинтизмы 49
 системность предметного элемента 14
 системы 61, 66, 71
 следы различных «языков» 31
 социального диалекта 75
 спонтанное пользование 52
 спонтанность 84
 стиль 63
 Стилль 66
 стиль и язык 66
 сторонники идеи иудейского греческого 85
 сторонников иудейского греческого 34
 страты 46
 структурно-грамматическая парадигма 13
 структурно-языковой модели 17
 теоретическая лингвистика 15
 территориального диалекта 75
 типологию коммуникативных ситуаций 19
 традиционная литературная архаизирующая практика создания профетических текстов 19
 традиционной культурно-религиозной среды 47
 уровней общего древнегреческого «языка» 31
 устного 52
 устный, и как письменный язык 36
 участник ситуации коммуникации 73
 участников лингвистической ситуации 31
 церковнославянскому тексту Писания 13
 эллинистический греческий 36, 57
 Эллиноориентированная позиция 45
 эллиноцентричную направленность 34
 эпиграфические данные 40, 78
 эпиграфических данных 25
 язык и речь 63
 язык папирусов 68, 69
 язык этих «греческих» текстов 67
 языка 22
 языка Святого Духа 58
 языке 23
 языковой «ненормализованности» 17
 языковой интерференции 17
 языковой ситуации в Палестине 78
 языковые клише 17
 языком и речью 61
 Jewish Greek 79
 авторскую рефлексию 54
 азианизм 37
 акцента 75
 александрийское и палестинское койнэ 68
 английском койнэ 24
 античного читателя 83
 Античный структурно-грамматический подход 15
 арамеизмов 57
 арамеизмом 50
 арамеизмы 49
 арамейский 40
 арамейского языка 47
 аттицизирующей переработке 29
 аттицизма 28, 29
 аттицизмом 37

аттицистами 83
 аттический диалект 25, 36
 аттическим диалектом 42
 аттическом диалекте 25, 54
 аутентичной греческой текстуальности 32
 аутентичные участники 53
 библейская (новозаветная и септуагинтальная) филология 15
 библейский греческий 57
 библейского греческого 63
 библейской филологии 16
 библейском греческом 63
 билингвизма 31, 51, 59, 71, 74
 билингвизму 71
 богодухновенный язык 38
 внелитературности 26
 восточном (семитском) происхождении 65
 восточные авторы 42
 вторичным интерпретатором 11
 гебраизмов 57
 гебраизмом 50
 гебраизмы 26, 49
 гебраистами 83
 гебраистов 23, 34, 39
 генезиса, традиции, аутентичной сферы функционирования 19
 Гомеровский, или эпический диалект 36
 Грамматика 11
 грекоговорящей иудейской диаспоры 17
 грекоязычным читателем 62
 греческий лексический материал 34
 греческий язык 66
 греческих языков 28
 греческому читателю 84
 греческую топику 45
 две парадигмы 18
 двязычие, а двуречие 71
 дектического синтаксиса и дектической синтагмы 19
 диалект 63, 75, 79
 диалекта 59
 диалектам койнэ 57
 диалектное различие 25
 диглоссии 75, 76
 дискурс 18
 дискурсивную этиологию фактам 18
 дискурсивные параметры 18
 диссонанс между результатами 16
 дихотомия 61
 Древнегреческим 22
 древнееврейского оригинала 48
 еврейский или арамейский способ мышления 64
 едином языке 24
 естественного коммуникативного процесса 11
 естественным лингвистическим материалом 19
 жанровым диалектом 75
 идиолект 75
 индивидуальным практикам билингв 61
 инструмент общения 24
 инструментальная метафора 67, 72
 интерпретации 11
 интерференции 51, 72, 75, 79
 интерференция 74
 ионийско-аттический диалект 43
 искусственный теоретический объект 72
 историко-культурно-религиозного подхода 17
 Иудейские лингвистические практики 11
 иудейский греческий 68
 иудейского (или христианского) греческого языка 64
 иудейского греческого 40, 62, 83

кальки и заимствования 17
 калькирование 51
 классицистов 25, 27, 30, 34
 классицисты 34
 когнитивистики, функционализма, дискурсивного анализа 18
 койнэ 23, 24, 25, 28, 35, 36, 42, 43, 68
 коммуникативная практика 20, 70
 Коммуникативное понимание лингвистического материала 19
 коммуникативной реальностью 69
 коммуникативном пространстве 13
 коммуникативном сообществе 73
 коммуникативные действия 14, 24
 коммуникативный подход 13, 15
 коммуникативных (узальных, неструктурно-грамматических) критериев 12
 коммуникативных действий 11
 коммуникативных практик 67
 коммуникативных синтагм 14
 конвенциональность 53
 концепции билингвизма 54
 коптского 76
 лингвистического бэкграунда 54
 лингвистическую ситуацию 41
 лингвистическую ситуацию в Палестине I-го в. 41
 литературного и разговорного койнэ 43
 литературное койнэ 43
 литературной нормы 32, 34
 литературной традиции 54, 84
 литературную традицию 54
 литературный греческий 28, 30
 личного актуального действия 16
 логический и количественный принцип анализа 14
 малограмотности 31, 44
 малограмотными, ненормализованными, интерференционными, испорченными 17
 малообразованными 12
 методологии 13
 мишнайский иврит 82
 мнемотехническая схема 12
 мнемотехническую, дидактическую, вспомогательную ценность 70
 моделирования естественной коммуникации 11
 моделью 15
 недостатка образования 41
 нелитературного койнэ 25, 30
 нелитературного общегреческого койнэ 30
 не-литературном греческом 38
 нелитературном греческом языке 42
 нелитературный греческий 36
 нелитературным 26
 нелитературных текстах 38
 неродной язык 60
 низкопробного койнэ 41
 новозаветной лингвистике 42
 нормализованности 48
 нормализованным 43
 нормализованными литературными памятниками 32, 42
 нубийского греческого 76
 образованности 66
 общепринятом греческом языке 65
 общепринятый язык 68
 общепринятым греческим 65
 ocasionальными 61
 опосредованно и рефлексивно 52
 опосредованность письменного текста 53
 опосредованность связи письменного языка с разговорным 54
 оригиналах 50
 оригинале 40

оригиналов 58
 Осознанные семитизмы 53
 отношения автора и аудитории 53
 ошибка 71
 ошибками 66, 83, 84
 ошибки 66
 палестинская языковая ситуация 40
 палестинского билингвизма 62
 палестинского греческого 59
 палестинском билингвизме 78
 Памфилийский греческий 76
 папирусами 30
 папирусах 27, 37
 папирусного и эпиграфического материала 29
 папирусов 27, 39, 57
 папирусы 25, 58
 переводной греческий 75
 переводы 39
 письменный язык 52
 полигlossии 75
 полидиалектного состоянии 36
 поэтические тексты 37
 православной литургической практике 24
 предметность 14
 пренебрежение аудиторией 84
 принципа «знак—значение» 15
 произношении 25
 просторечной литературы 41
 просторечным греческим 57
 пророческих текстов 12
 пуристами 83
 разговорное греческое койнэ 27
 разговорный язык 58
 разделения языка и речи 64
 различие между классическим греческим и новозаветным 26
 разумного эклектизма 30
 региональным диалектом 42
 регистр 77
 речь и стиль 63, 64
 русском койнэ 24
 семиотике, прагматике, когнитивистике, психолингвистике 18
 семиотическая система 85
 семитизмами 65
 семитизмами, 44
 семитизмов 27, 30, 42, 46, 67, 71
 семитизмы 34, 45, 50, 57, 66
 Семитизмы 46, 79
 семито-ориентированного направления 48
 семитоцентричную позицию 35
 семитским влиянием 32
 семитского происхождения 57
 семитского сознания 71
 септуагинтизмами 50
 септуагинтизмом 50
 септуагинтизмы 49
 системность предметного элемента 14
 системы 61, 66, 71
 следы различных «языков» 31
 социального диалекта 75
 спонтанное пользование 52
 спонтанность 84
 стиль 63
 Стиль 66
 стиль и язык 66
 сторонники идеи иудейского греческого 85
 сторонников иудейского греческого 34
 страты 46
 структурно-грамматическая парадигма 13
 структурно-языковой модели 17
 теоретическая лингвистика 15
 территориального диалекта 75
 типологию коммуникативных ситуаций 19

традиционная литературная архаизирующая практика создания профетических текстов	19	эллиоцентричную направленность	34
традиционной культурно-религиозной среды	47	эпиграфические данные	40, 78
уровней общего древнегреческого «языка»	31	эпиграфических данных	25
устного	52	язык и речь	63
устный, и как письменный язык	36	язык папирусов	68, 69
участник ситуации коммуникации	73	язык этих «греческих» текстов	67
участников лингвистической ситуации	31	языка	22
церковнославянскому тексту Писания	13	языка Святого Духа	58
эллинистический греческий	36, 57	языке	23
Эллиноориентированная позиция	45	языковой «ненормализованности»	17
		языковой интерференции	17
		языковой ситуации в Палестине	78
		языковые клише	17
		языком и речью	61

Научное издание

А. В. Вдовиченко

**КАЗУС «ЯЗЫКА» СЕПТУАГИНТЫ
И НОВОГО ЗАВЕТА**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД
«ЗА» И «ПРОТИВ» АВТОРОВ**

Художественное оформление *Н. Е. Ильенко*
Корректоры *В. А. Рунова,*
Верстка *М. С. Ананко*

Подписано в печать 00.05.2016. Формат 60х90/16.
Объем п. л. Тираж 300 экз.

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 23, корп. 5а
E-mail: izdat@pstgu.ru
pub.pstgu.ru

ООО «Клуб Печати»
127018, Москва, Марьиной Роши 3-й проезд, д. 40, стр. 1, оф. 32
Заказ № .